ISSN 0131—0097
СЕНТЯБРЬ № 36 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 36 (3346)

31 августа — 7 сентября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Москва. 22 августа. Митинг у здания Дома Советов РСФСР.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 12.08.91. Подписано к печати 27.08.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 771. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

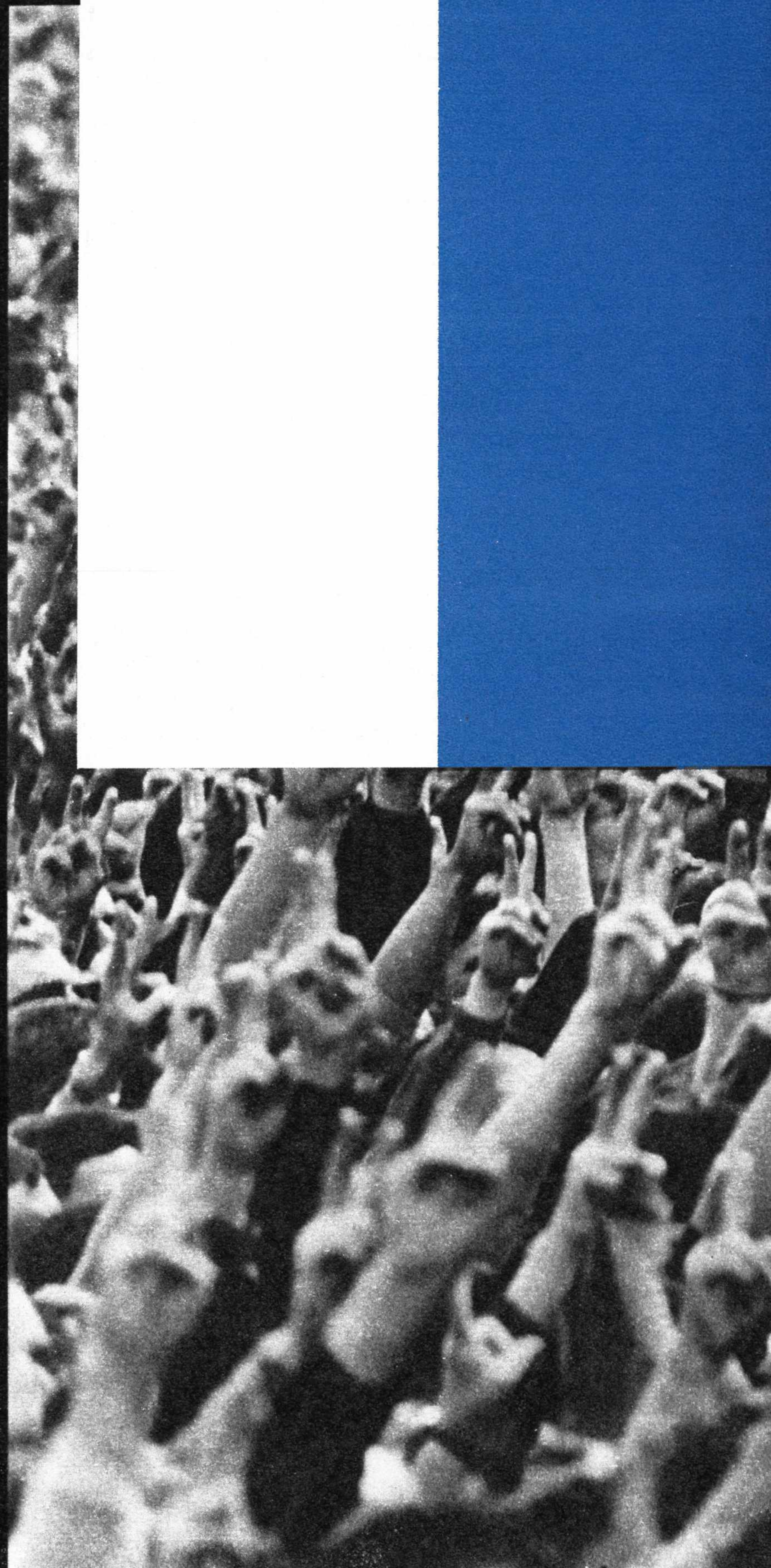
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

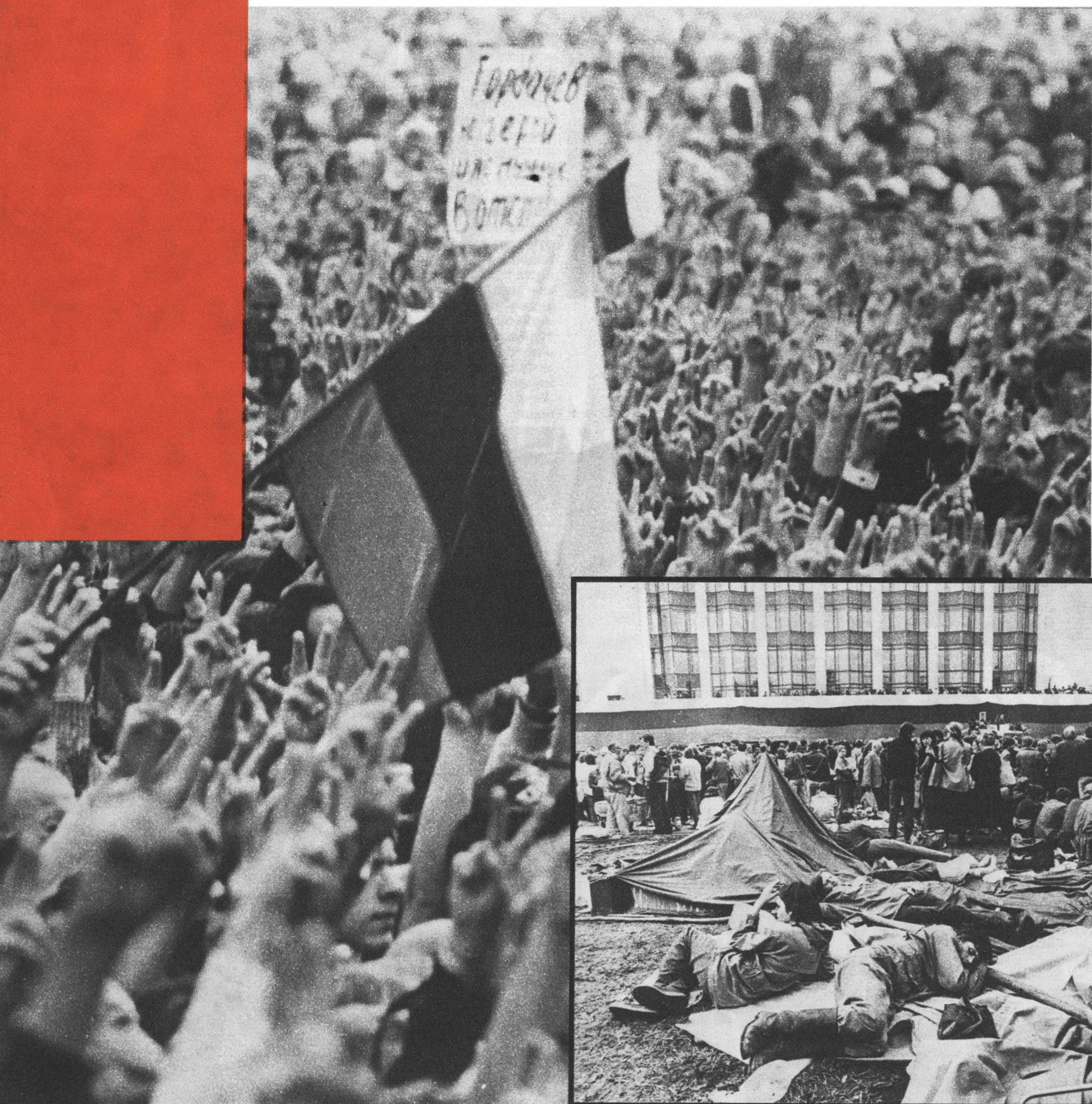
Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА, Льва ШЕРСТЕННИКОВА, Юрия ФЕКЛИСТОВА, Александра НАГРАЛЬЯНА, Владимира МАШАТИНА, Кирилла ЧЕЛЯПОВА

Вот все.
Можно выдохнуть.
Просто уснуть.
И эти дни,
просторные,
как ступени ада,
теперь как сны.
Сны,
в которых свет
и тьма,
грохочущий ветер,
неживая река
и живая вода,
люди,
срастающиеся
в тело общее,
с общим голосом,
слухом, душой.
Сны, в которых
вдруг встает
тлен и прах
и тянет свои
белые руки
к тебе —
взять с собой.
Сны, в которых
мы вдруг
полетели, и нас
оказалось так
много,
что на небе
не хватило
места для всех...
Даст Бог — и мы
будем еще старше,
умней и богаче,
а счастливей —
уже никогда.
Мы увидели дно,
но не разбились.
И теперь у нас
под ногами —
твердая земля.
Есть
откуда
подняться
наверх.



ОНИ НЕ ПРОШЛИ!



Они не прошли.
Потому, что они
призраки ночи,
они опоздали,
уже спели
петухи —
у нас уже есть
свои герои и
пророки —
не страшно!
Они не прошли,
люди формы и
кресел,
потому,
что форма уже
не всесильна,
и сквозь нее
протянулись руки,
глаза увидели
другие глаза,
и это единство
оказалось
ценнее медных
звездочек
на погонах,
медных рублей,
медных обещаний.
Они не прошли
потому,
что золотое
сечение
народной души
еще не заложено
и не пропито
и людей
на площади
больше, чем
в очередях
за водкой.
Они и не пройдут
потому,
что мы и потом
будем
благородней,
чище
и милосердней их
и не унизим
себя местью.
Они не прошли
потому,
что не могли
пройти.
Правда,
для того,
чтобы мы все
это поняли,
потребовалось
три дня.
И три
человеческие
жизни.
Жизни,
для которых
награда
в памяти
нашей,
награда
в высокой судьбе
этих дней,
неразменных
на запоздалый
победный вой
посторонних людей.
Мы увидели
свою землю.
Мы увидели —
мы все люди,
мы не убьем
друг друга.
Мы увидели
ночь —
и она
не устрашила нас.
Мы поверили
в свое солнце —
и, может быть,
завтра настанет
день.

Александр ЯКОВЛЕВ:
«НАШИ СЫНОВЬЯ БЫЛИ НА БАРРИКАДАХ»

ИНТЕРВЬЮ С НЕОБХОДИМЫМИ ИЗЪЯТИЯМИ

«20 августа. 12.00. На митинге перед зданием Моссовета Александр Яковлев, Гавриил Попов, Эдуард Шеварднадзе, Сергей Станкевич назвали членов Комитета по ЧП государственными преступниками. Яковлев сказал, что «контрреволюция, о которой так долго думали правящие большевики, свершилась».

(«Общая газета»)

Александр Яковлев, известнейший политик времен перестройки и давний друг «Огонька», с первых минут переворота занял место в ряду тех, кто стал моральной опорой и организующим центром сопротивления вооруженной реакции. С ним — наш разговор на второй день после разгрома путчистов. Александр Николаевич рассказывает:

— В половине пятого утра меня разбудил звонок бывшего генерала КГБ Олега Калугина. Он мне и сообщил о перевороте. Я ему: «Олег, ты в нормальном состоянии?» Он: «Более чем в нормальном». Встаю, смотрю в окно, с обеих сторон дома стоят машины с «мальчиками». Я позвонил Борису Николаевичу Ельцину. Он отдал распоряжения Баранникову, министру внутренних дел России, и приехала охрана. Те, прежние, машины сразу развернулись и ушли. Ну, а потом появились вы.

(А. Н. Яковлев обращается к фотокорреспонденту «Огонька» Льву Шерстенникову, который в то утро приехал к Александру Николаевичу с настоятельным предложением отвезти его в безопасное место за городом.)

— Знаете, после я получил таких же предложений еще больше двадцати, в том числе от людей, даже мне не очень знакомых.

— Почему же вы не захотели уйти хотя бы на время из-под возможного, а точнее, весьма вероятного удара?

— Надо было работать.

— Но работать можно не обязательно на виду у всех, но и «под зонтиком»...

— В таких случаях надо работать на виду, чтобы люди видели, знали, тогда они могут поверить в победу. Более важно, чем что-либо другое, скажем, выступить здесь, у Моссовета, перед огромной толпой в первые же часы путча, сказать людям какие-то вдохновляющие слова. Ведь на той стороне — танки, оружие, а тут только вера в свою правоту и энтузиазм.

— Я слышал в передаче радиостанции «Эхо Москвы» рассказ о том, как Яковлева видели в Белом доме России с радиоприемником в одной руке и с пистолетом в другой.

— Было и такое. Но это не самое важное.

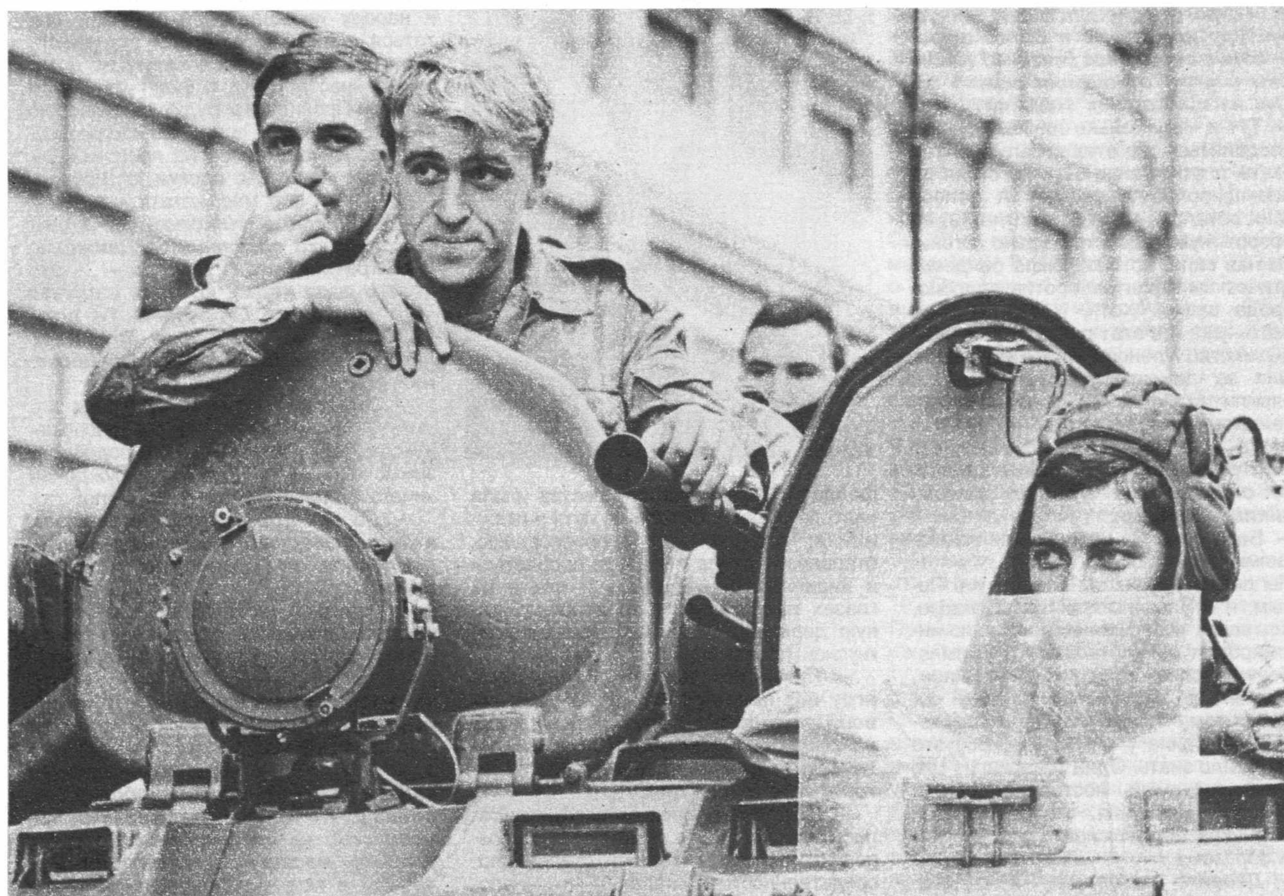
— Существует мнение: как при любой серьезной болезни организма наступает момент, который называется кризисом, так и в общественном организме — при болезни кризис неминуем. И в этом смысле переворот или его попытка были предопределены судьбой (или логикой развития?), неизбежны...

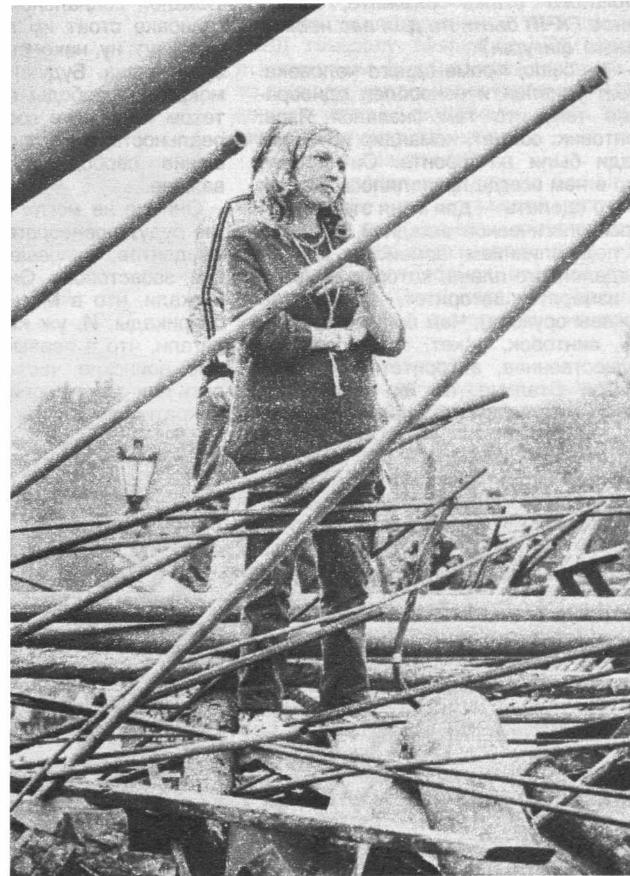
— Это один из возможных вариантов ответа на вопрос о причинах случившегося. Я бы попытался взглянуть на вещи несколько с другой стороны. Раскол в обществе — идейный, политический, психологический, организационный — начался в 1985 году.

Образовались две тенденции: объективная тенденция к известным изменениям, понимание в народе, что действительно жить так дальше нельзя. И тенденция сугубо реакционная — на саботаж перестройки и преобразований. Особенно она проявилась тогда, когда встал вопрос о выборах и о том, чтобы партия была убрана из государственных властных структур. Вот тогда она, партия, и встала в центре сопротивления перестройке и преобразованиям.

Я в этой связи крайне удивлен попыткой Президента (или генерального секретаря в данном случае) на его первой пресс-конференции как-то обелить деятельность центрального руководства этой партии, людей, которые ни слова не сказали вслух против переворота, против захвата генерального секретаря, против убийства людей. Вроде бы они там друг с другом боролись.

А меня вот, например, не интересует, где и как они друг с другом боролись. Сейчас мне кое про кого говорят: внутренне он был против переворота. То есть как это «внутренне»?! Мой сын, отец троих детей, был на баррикадах





в ту ночь, и дочь с мужем — там же. А тут, оказывается, деятели высокого ранга — они «внутренне» были против! Нет, это не позиция!

(Далее из интервью изъяты три страницы текста, ставшие анахронизмом на другой день после беседы, в связи с отставкой Горбачева с поста генсека и фактически начавшимся самороспуском КПСС.)

— Можно вашу позицию сформулировать примерно так: тоталитаризм в нашей стране не может считаться побежденным, пока живет и здравствует партия, исповедующая идею насилия, — КПСС?

— Я с вами согласен.

— Одна из основных проблем, решаемых носителями демократической идеи, много раз обсуждалась еще перед путчем: как правильно организоваться — в жесткую партийную, строго дисциплинированную структуру или лучше в более широкое, более свободное течение? Какие уроки в этом отношении можно извлечь из прошедших событий?

— Тут я могу только личным мнением поделиться. До этих событий я, так сказать, в отношении 51 к 49 стоял за самое широкое движение. А теперь у меня осталось тоже 51 против 49, но наоборот: нужна действительно организованная сила, которая была бы демократическим гарантом против подобного рода вещей. Хотя, я вам должен сказать, уже и в этот раз подавляющее большинство членов Политсовета Движения за демократические реформы проявили стойкость и заняли самую определенную позицию.

— То есть именно демократы, которые ратовали за широкое движение, оказались в нужный момент стойкими борцами.

— Бесспорно. За небольшими исключениями.

Мы постоянно были на связи и с Поповым, и с Ельциным, с Шеварднадзе, с Лаптевым, который нас постоянно информировал об обстановке в Кремле. Я был на связи с одним работником, мне лично он неизвестен, который сообщал о том, что происходит в Комитете по ЧП, какие у них планы. Все это нужно было знать. Один товарищ из ЦК, добрый знакомый, постоянно звонил: какие там движения, что собираются делать, как поддерживать это ЧП, каким образом.

— Давайте поговорим и о действующих лицах из другого, противоположного стана. Скажите, среди членов ГКЧП были ли для вас неожиданные фигуры?

— Не было. Кроме одного человека. Я был удивлен и оскорблен одновременно тем, что там оказался Язов. Фронтовик, солдат, командир роты, мы соседи были на фронте. Он солдат, и это в нем всегда проявлялось. Как он мог это сделать — для меня это остается психологической загадкой. Возможно, под влиянием армейских кругов определенного плана, которые привыкли измерять авторитет, могущество державы оружием. Чем больше орудий, пуль, винтовок, ракет, тем вроде бы могущественнее, авторитетнее держава. При Сталине, по их пониманию, страна тоталитаризма, репрессий, феодализма и крепостничества была «авторитетной». Встала на путь разоружения, установления добрососедских отношений, стала пытаться прорваться в цивилизованный мир — и она в их глазах превращается во второразрядную державу... Понимаете смысл этой гнусной пропаганды?..

— Путчисты начали бандитскую игру без правил. Почему же они, говоря попросту, «лопухнулись» — не накрыли сразу активистов демократического движения, всех тех, кто авторитетен в народе?

— Думаю, что прежде всего испугались реакции на это. Кроме того, подозреваю, что эти в высшей степени посредственности и оторванные от народа люди думали, что в нашей сложной, тяжелой социально-экономической обстановке стоит им выступить — и все вздохнут: ну, наконец-то будет порядок, будет пища. Будучи противниками демократии, свободы, они своим менталитетом были не в состоянии освоить ту реальность, в которой для людей ощущение свобод, демократия гораздо важнее.

Они же не могли поверить, что многие будут пренебрегать указаниями комендантов, запрещениями демонстраций, забастовок... Они в мыслях не допускали, что в Москве начнут строить баррикады. И, уж конечно, не предполагали, что в первые же часы некоторые воинские части откажутся стрелять или даже перейдут на сторону демократических сил.

Сейчас каждый из путчистов должен понести свою долю ответственности. Но по закону! Я бы очень не хотел сползания к расправе, мести, сведению счетов... Уж если мы берем курс на правовое государство, то должны держаться на позициях закона.

— Мне кажется, что некоторые демократы в своем святом порыве восстановления справедливости могут по инерции проскочить границы норм демократии и правопорядка.

— Таких людей я бы не относил к демократам. Это уже что-то другое. Ломать, крушить, бить — нет, это не демократы.

— Есть ли у нашего общества способы застраховать себя от повторения подобных эксцессов и в чем они могут заключаться?

— Я думаю, все-таки в установлении подлинной демократии. Ведь власть к народу перешла. Сейчас будут пытаться сделать все, чтобы эту власть обратно отнять. Новые шептуны, которые сейчас полезут и будут стучаться в двери Президента, будут давать свою версию событий, примерно такую, какая прозвучала вчера на пресс-конференции о печати, о партии, о Шеварднадзе, да и обо мне, кстати.

— Александр Николаевич, ходят слухи, будто создаваемое Движение демократических реформ — это своего рода лодка, которая в случае чего подхватит Горбачева. То есть, другими словами, у него есть свои надежные люди и в другом движении...

— Это утка, я думаю, пущенная Комитетом государственной безопасности в известных целях. Никакого подобного замысла не было. Даже в обсуждении ничего близкого к этому не было!

— До сих пор некоторые считают, что происшедшее — спектакль, разыгранный то ли Горбачевым, то ли левыми...

— Левыми? Это вообще... Как можно было организовать спектакль левым? Пойти, что ли, к Крючкову, к Пуго: давайте организуйте хунту? Это чушь. Что касается второго варианта... Я не думаю, что в этом заговоре участвовал Горбачев. Мне не хочется так думать!

— Можно ли о пережитом кризисе сказать, что нет худа без добра, в том смысле, что многие демократические процессы, на продвижение которых ушли бы месяцы, годы, сегодня случаются в течение суток, недели?

— Да. Я думаю, для демократических преобразований сейчас более широкий путь открыт — демократические силы могут диктовать условия. Консервативно-реакционные силы если не раздавлены, то придавлены.

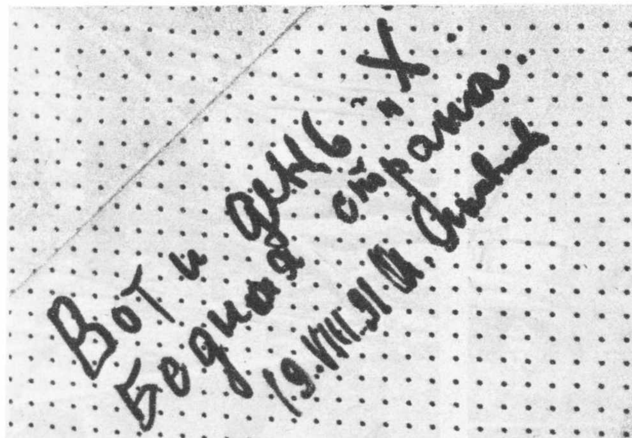
— Вы сказали, что в отношении Язова вам пришлось пережить личное разочарование. А не случилось ли в эти дни чего-то обратного — приятных открытий?

— Мне приятно было, что наш Совет Движения демократических реформ проявил смелость, единство. Это хорошо!

— Момент истины?

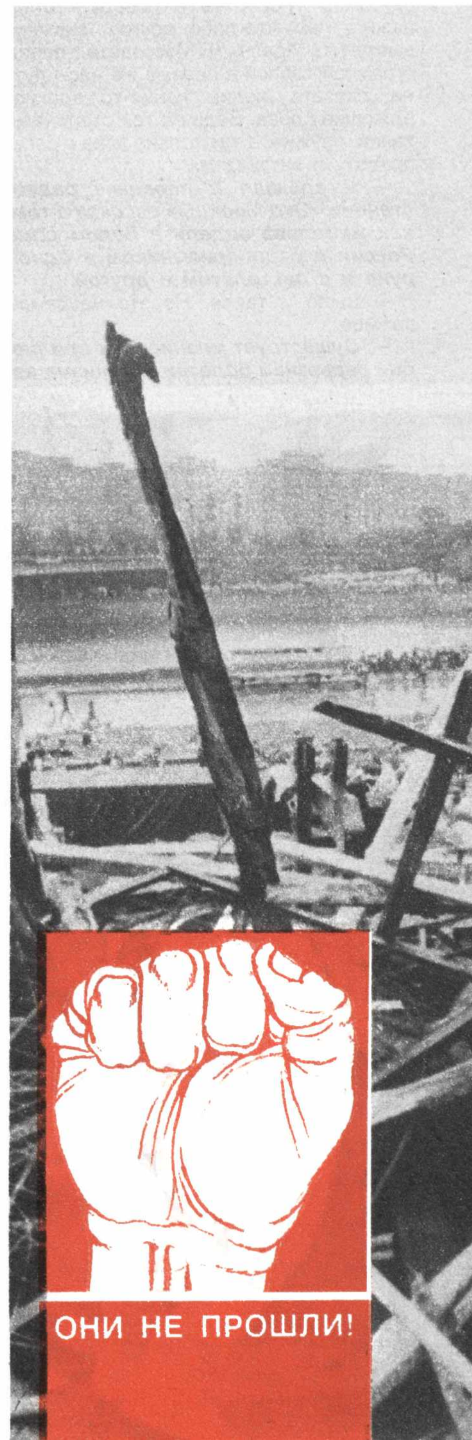
— Да, да.

Беседу вел А. ЩЕРБАКОВ.



Автограф, оставленный А. Н. Яковлевым на обшивке в автомобиле нашего фотокорреспондента Л. Шерстенникова.

ГЕНЕРАЛ, КОТОРЫЙ СКАЗАЛ «НЕТ»



ХРОНИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Георгий РОЖНОВ

Говорят разное. Одни: 21 августа, на третий день мятежа, к Белому дому России подъехали несколько грузовиков с солдатами в милицейской форме, изготовились было к штурму, но через час-другой уехали восвояси. Другие: милиция приезжала парламент защищать, несколько сотен бойцов с автоматами заняли оборону. И будто бы ими командовал генерал в армейской форме.

Два дня я гадал, да все без толку, пока не позвонил старый друг, отставной теперь офицер, и не посоветовал подробности узнать у генерал-майора Баскаева, начальника штаба Центрального управления внутренних войск МВД СССР: он вроде бы этим десантом и командовал. И правда, что мы знаем о действиях во время мятежа солдат в краповых погонах с буквами «ВВ»? Ничего. Быть того не может, чтобы мятежный министр Пуго не рассчитывал на автоматы, дубинки, щиты и «черемуху» подчиненных ему войск.

Но послушаем генерала Баскаева. Я обрушил на него сразу три лобовых вопроса: когда он услышал сообщение о создании ГКЧП, какие приказы командования войск получил и какие выполнил?

Генерал ответил:

— Нас подняли в шесть часов утра 19 августа, ознакомили с шифровкой Пуго о чрезвычайном положении. Задача: службу нести по усиленному варианту, выполнять приказы только министра. Я понял однозначно: произошел государственный переворот, участвовать в нем — преступление. Ни в первый, ни в два последующих дня никаких указаний своего командования я не получил, письменный приказ Пуго нам вручили только в 1 час 20 минут 20 августа. Номер 066, название: «О мерах по усилению охраны общественного порядка и безопасности в условиях чрезвычайного положения». В 9.45 меня вызвали на совещание к начальнику ГУВД генералу Мырикову. При всех я заявил: мы будем выполнять только те приказы, которые соответствуют законам и уставам внутренних войск. Мыриков выслушал это молча.

— И что приказали?

— Язов велел немедленно блокировать Москву по кольцевой дороге. Я объявил это офицерам и напомнил: подобная мера принимается лишь тогда, когда идет розыск вооруженных преступников. Следовательно, приказ неправомерный и выполнению не подлежит.

— Реакция Язова?

— 19-го, после обеда, на совещании в Минобороны он буквально разорался: внутренние войска саботируют!

— Были еще приказы?

— Да, в тот же день, 19-го, от меня потребовали прислать двести солдат на Лубянку, в распоряжение КГБ СССР. Я отказался.

— И такой саботаж прошел безнаказанным?

— Это еще не все. Мыриков потребовал людей для охраны боевой техники на улицах Москвы. Мой ответ: это заботы армии, мы должны охранять общественный порядок, и не более того.

— Командующий ВВ генерал Шаталин не вмешался?

— Он был в госпитале с 11 августа.

— Выходит, хунта была так беспомощна?

— В первые часы и дни — да, а других у них попросту не было. Но ведь

тогда-то этого мы не знали! Я понимал, что так вот отсиживаться сложа руки долго не удастся, надо было действовать. Я от приказов мятежников откажусь раз, другой, третий, в конце концов меня или отстранят, или пристрелят и выйдут прямо на моих комбригов. Ну, скажем, поднимут в ружье милицейскую бригаду, что возле Бутырского рынка,— это же несколько сот отборных, хорошо обученных, до зубов вооруженных солдат. Я поехал к командиру полковнику Васильеву. Говорю: Владимир Александрович, готов ли ты сделать свой выбор? Он отвечает: Аркадий Георгиевич, у меня сомнений нет, будем вместе, в своих офицерах я не сомневаюсь, в солдатах тоже — ни в каких арестах, задержаниях, штурмах они участвовать не будут. Мы решили: надо помочь парламенту России.

— Помогли?

— Ну, не так же вдруг! Вы представьте себе: баррикады, десятки тысяч ополченцев — и вдруг здесь появляются грузовики с вооруженными солдатами! У меня была одна надежда: найти моего старого знакомого еще по БАМу, депутата Верховного Совета России Басина Ефима Владимировича, попросить его стать посредником. Звоню — ни один телефон не отвечает. Тогда вместе с комбригом решили послать к парламенту старшего лейтенанта Фурмана Юру, заместителя комбата. Задачу перед ним поставили такую: находиться среди ополченцев и передавать нам информацию об обстановке. С полковником Васильевым договорились: если Фурман сообщает о реальной угрозе штурма, бригаду поднимаем по тревоге.

20-го, когда объявили комендантский час, велели выделить патруль для патрулирования. Черта с два.

— И снова без последствий?

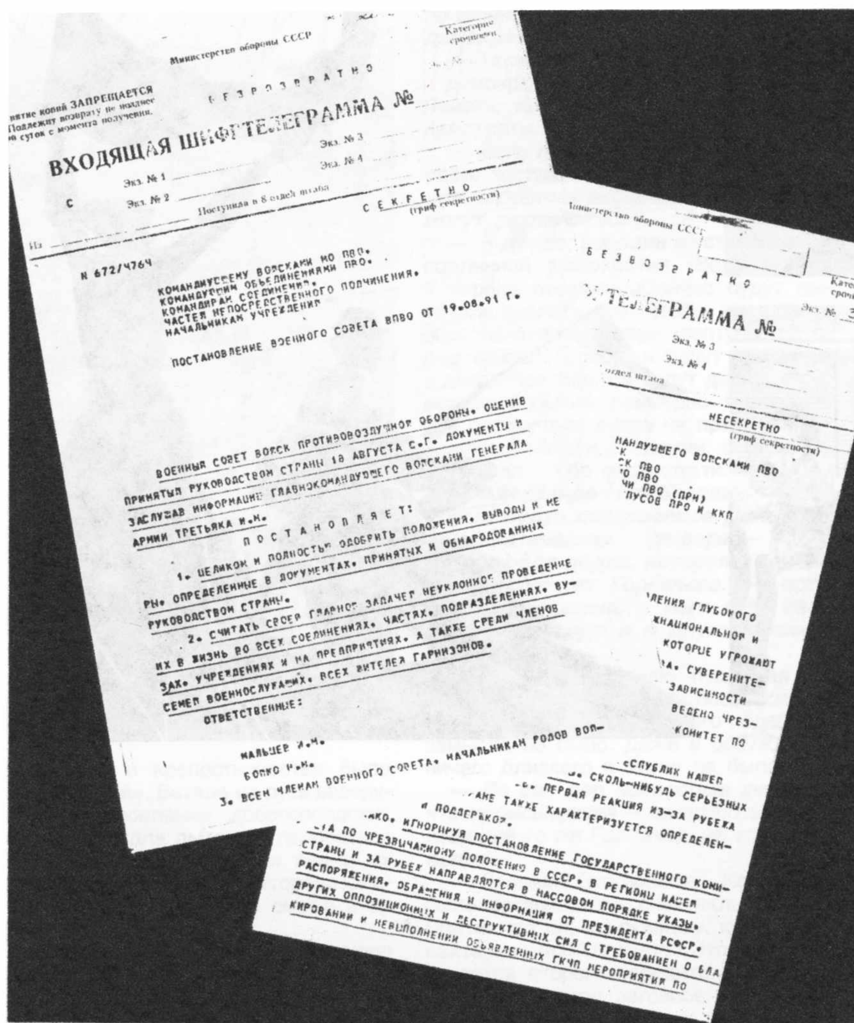
— Не скажите. Уже 20-го полковник Васильев сообщает: за ним следят. Через какое-то время я еду домой, так и есть — и за мной «хвост». Переоделся в гражданский костюм, поехал к Белому дому, прикинул, откуда будем выдвигаться, где можно сделать проход в баррикадах,— и снова в бригаду. Утром 21-го дозвонился наконец до Басина, открытым текстом сказал: передайте Президенту России, что бригада внутренних войск в его полном распоряжении. Вечером от него звонок: срочно приезжай. Меня приняли председатель Комитета по безопасности Степашин, министр обороны России генерал Кобец. Оказалось, мы были кстати: по данным министра, в 23 часа можно было ожидать атаки спецподразделения КГБ «Альфа». Вернулся в бригаду, по тревоге построил личный состав, сказал коротко: «Надо помочь России». Никогда до этого я не видел таких лиц офицеров, прапорщиков, солдат. А как нас встречали у парламента!

Я теперь одно твердо знаю: никогда мои сограждане не увидят солдат ВВ в роли карателей.

Генерал Баскаев носит погоны двадцать восьмой год из своих сорока пяти, у него трое дочерей, младшая пойдет в первый класс. Ни он, ни полковник Васильев за свои вольности в дни переворота взысканий не получили. Благодарностей тоже.

Продолжение подборки публикаций «Они не прошли!» — на стр. 25.

Редакция «Огонька» располагает подлинниками шифротелеграмм и кодограмм, которые неопровержимо свидетельствуют о соучастии в государственном перевороте главкомата войск ПВО во главе с генералом армии Третьяком И. М. и других начальников противовоздушной обороны страны. Приводим выдержки из документов.



Министерство обороны СССР

Категория срочности

Снятие копий ЗАПРЕЩАЕТСЯ
Подлежит возврату не позднее ... суток с момента получения.

БЕЗВОЗВРАТНО

ВХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА №

Экз. № 1
Экз. № 2
Экз. № 3
Экз. № 4

С

Поступила в 8 отдел штаба

СЕКРЕТНО
(гриф секретности)

Из

N 672/4764

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ МО ПВО.
КОМАНДУЮЩИМ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПВО.
КОМАНДИРАМ СОЕДИНЕНИЙ.
ЧАСТЕЙ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПОДЧИНЕНИЯ.
НАЧАЛЬНИКАМ УЧРЕЖДЕНИЙ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ВПВО ОТ 19.08.91 Г.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ, ОЦЕНИВ ПРИНЯТЫЕ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ 18 АВГУСТА С.Г. ДОКУМЕНТЫ И ЗАСЛУШАВ ИНФОРМАЦИЮ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ ТРЕТЬЯКА И.М.

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ ОДОБРИТЬ ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫВОДЫ И МЕРЫ, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ В ДОКУМЕНТАХ, ПРИНЯТЫХ И ОБНАРОДОВАННЫХ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ.

2. СЧИТАТЬ СВОЕЙ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ НЕУКЛОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ИХ В ЖИЗНЬ ВО ВСЕХ СОЕДИНЕНИЯХ, ЧАСТЯХ, ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ, ВУЗАХ, УЧРЕЖДЕНИЯХ И НА ПРЕДПРИЯТИЯХ, А ТАКЖЕ СРЕДИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ГАРНИЗОНОВ.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ:

МАЛЬЦЕВ И.М.
БОЙКО Н.М.

3. ВСЕМ ЧЛЕНАМ ВОЕННОГО СОВЕТА, НАЧАЛЬНИКАМ РОДОВ ВОЙ-

Министерство обороны СССР

БЕЗВОЗВРАТНО

...ТЕЛЕГРАММА №

Категория срочности

Экз. № 3
Экз. № 4

...отдел штаба

НЕСЕКРЕТНО
(гриф секретности)

...НАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ПВО
...К
...СК ПВО
...О ПВО
...ЧИ ПВО (ПРН)
...ПУСОВ ПРО И ККП

...ЛЕНИЯ ГЛУБОКОГО
...ЖНАЦИОНАЛЬНОЙ И
...КОТОРЫЕ УГРОЖАЮТ
...А, СУВЕРЕНИТЕ-
...ЗАВИСИМОСТИ
...ВЕДЕНО ЧРЕЗ-
...КОМИТЕТ ПО

...СПУБЛИК НАШЕЙ
...СКОЛЬ-НИБУДЬ СЕРЬЕЗНЫХ
...ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ ИЗ-ЗА РУБЕЖА
...АНЕ ТАКЖЕ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ОПРЕДЕЛЕН-
...И ПОДДЕРЖКОЙ.
...НКО, ИГНОРИРУЯ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИ-
...ТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР, В РЕГИОНЫ НАШЕЙ
СТРАНЫ И ЗА РУБЕЖ НАПРАВЛЯЮТСЯ В МАССОВОМ ПОРЯДКЕ УКАЗЫ,
РАСПОРЯЖЕНИЯ, ОБРАЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ ОТ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР,
ДРУГИХ ОППОЗИЦИОННЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ СИЛ С ТРЕБОВАНИЕМ О БЛО-
КИРОВАНИИ И НЕВЫПОЛНЕНИИ ОБЪЯВЛЕННЫХ ГКЧП МЕРОПРИЯТИЙ ПО

1

Из постановления военного совета войск ПВО от 19 августа 1991 г.: Военный совет войск ПВО, оценив принятые руководством страны 18 августа с. г. документы и заслушав информацию главкома войсками генерала армии Третьяка И. М., ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Целиком и полностью одобрить положения, выводы и меры, определенные в документах, принятых и обнародованных руководством страны.

Считать своей главной задачей неуклонное проведение их в жизнь во всех соединениях, частях, подразделениях.

Подписал председатель военного совета И. Третьяк.

2

Из Обращения военного совета войск ПВО ко всему личному составу от 19 августа 1991 г.:

Товарищи!

Говоря ленинскими словами, промедление действительно смерти подобно... Начатая шесть лет назад политика реформ зашла в тупик, выход из которого определен в постановлении № 1 ГКЧП.

В жизни любого человека и гражданина всегда наступает пора свершений. Сегодня такой ответственный час пробил для каждого из нас.

Самой историей нам предоставлена возможность доказать, что слова «народ и армия едины» — это... жизненная реальность, которую никому и никогда не удастся нарушить. Так будем же в это сложное, критическое время на высоте своего исторического предназначения.

3

Из шифротелеграммы начальника штаба войск ПВО генерал-полковника И. М. Мальцева, разосланной по всем частям ПВО 21 (!) августа 1991 г.:

Игнорируя постановления ГКЧП, в регионы нашей страны и за рубеж направляются в массовом порядке указы, распоряжения, обращения и информация от Президента РСФСР, других оппозиционных и деструктивных сил о блокировании и невыполнении объявленных ГКЧП мероприятий.

В целях консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза министр обороны СССР приказал:

Принять решительные меры по пресечению агитации среди военнослужащих, не допускать проникновения агитаторов и подстрекателей на территорию воинских частей и учреждений.

Максимально использовать все средства и методы работы по разъяснению правильности проводимых ГКЧП мер.

Подписал
генерал-полковник И. МАЛЬЦЕВ.

4

Из кодограммы врио начштаба Архангельской армии ПВО генерал-майора Мельникова С. И. командирам соединений и частей армейского подчинения от 19 августа 1991 г.:

Командующий армией генерал-лейтенант Александров Ю. А. ПРИКАЗАЛ:

Привести части в боевую готовность повышенную.

Пересмотреть списки лиц, допущенных к несению караульной службы, и согласовать их с оперуполномоченными КГБ.

Задерживать лиц, пытающихся проникнуть на территорию расположения частей и подразделений, а также выражающих нездоровые настроения, ведущих антисоветскую пропаганду. Для проведения профилактических работ передавать их контрольным органам КГБ.

Подписал генерал-майор
С. МЕЛЬНИКОВ.

Публикацию подготовил
отдел внутренней политики
и социальной защиты

ОТ РЕДАКЦИИ

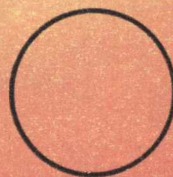
В «Огоньке» — перемены. Виталий Алексеевич Коротич попросил коллектив об отставке...

Пять лет его имя неизменно открывало наш журнал. И по праву именно ему обязан «Огонек» своей славой, своим авторитетом и читательской любовью. Большинство сотрудников, работающих сегодня в нашей редакции, пришли сюда при Коротиче. Мы благодарны Виталию Алексеевичу за эти годы, связавшие нас общим делом, общими надеждами и заботами. Но жизнь диктует свои условия — приходит время расставаться. Виталий Алексеевич намерен сосредоточиться на преподавательской работе. А мы не прощаемся с нашим главным — по решению коллектива редакции В. А. Коротич вошел в состав редакционного совета «Огонька», и мы надеемся, что наше сотрудничество будет плодотворно продолжаться.

Новым главным редактором журнала трудовой коллектив избрал Льва Никитовича Гущина, четыре с половиной года работавшего заместителем В. А. Коротича. И при новом главном редакторе наши задачи остаются прежними — делать интересный, близкий людям «Огонек».

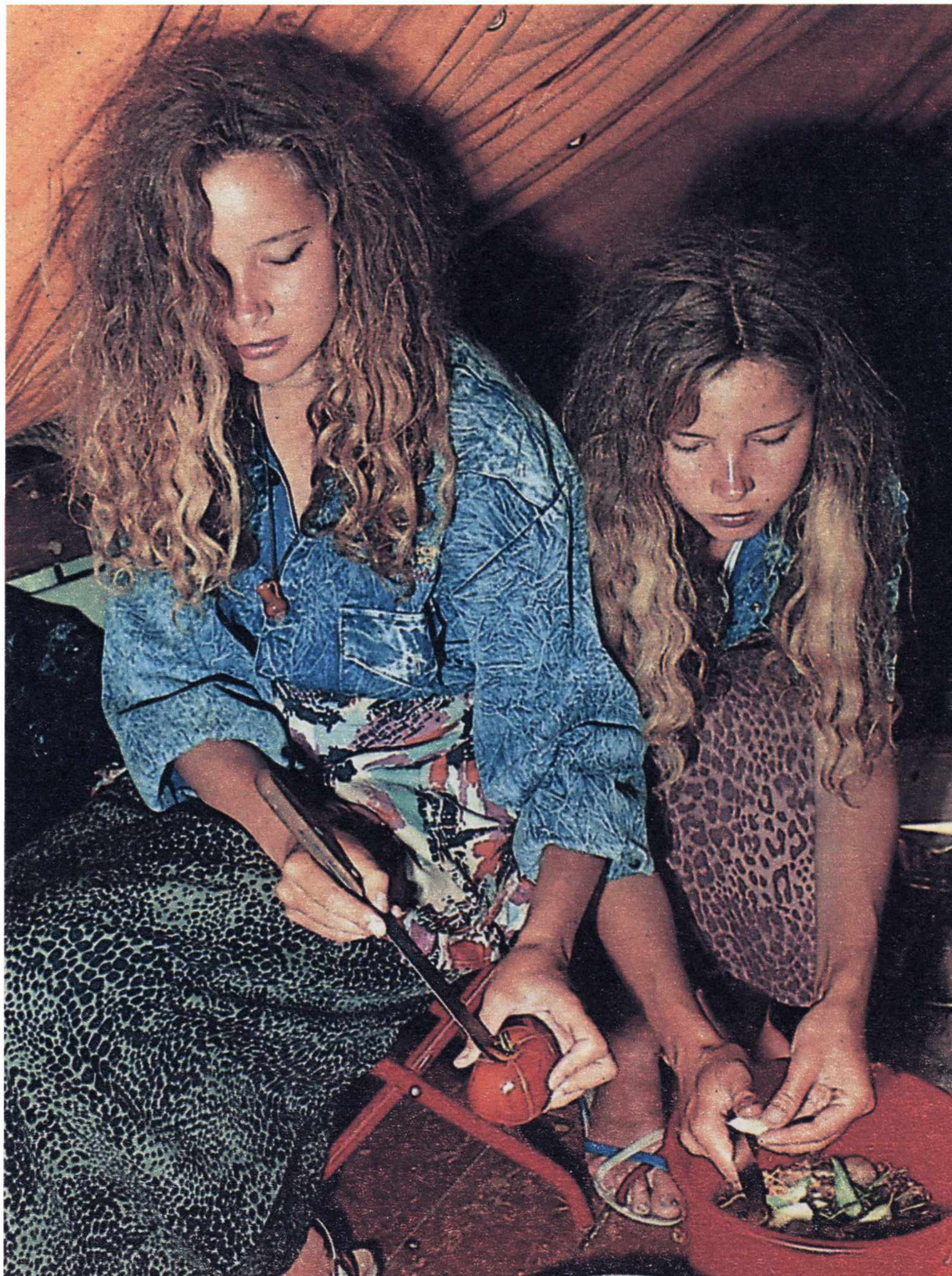
К БЕРЕГАМ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

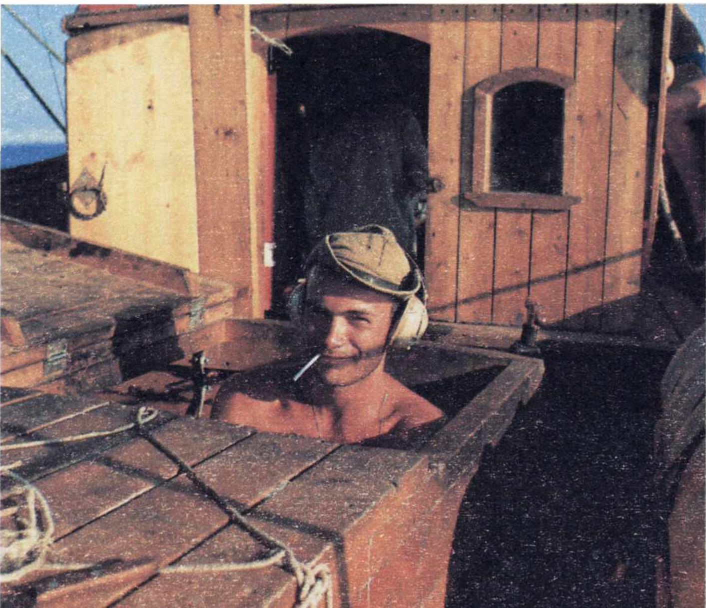
«Соединим века, берега, народы».
Из декларации миссии «Золотой век»



Осенью прошлого года в кипрский порт Лимасол (а именно в этих местах покоятся нынче мощи святого Лазаря, того самого, которого воскресил Христос) вошла старинная лодия. На веслах сидели русобородые, просмоленные южным солнцем гребцы с медными крестами на груди. На мачте сияла в солнечных лучах икона святого Николая Мирликийского, покровителя моряков, известного у славян под именем Николая Угодника.

Фото Юрия МАСЛЯЕВА





EVANS

К загадочному судну подошли несколько рыбацких лодок.

— Кто такие? — окликнули гостей.

— Русские.

— Куда идете?

— В Святую землю.

Тотчас на борт лодии передали корзину свежей серебристой рыбы. Откуда-то явилась бутылка «Смирновской»... А утром «Надежда» взяла курс на Хайфу, прибыв в которую паломники впервые ступили на Святую землю. Отсюда в Москву на имя Патриарха всея Руси Алексия II полетела телеграмма: «С чувством благодарности сообщаем, что участники экспедиции «Паломничество», организованной миссией «Золотой век» фонда Народной дипломатии и карельским клубом «Полярный Одиссей», достигла цели».

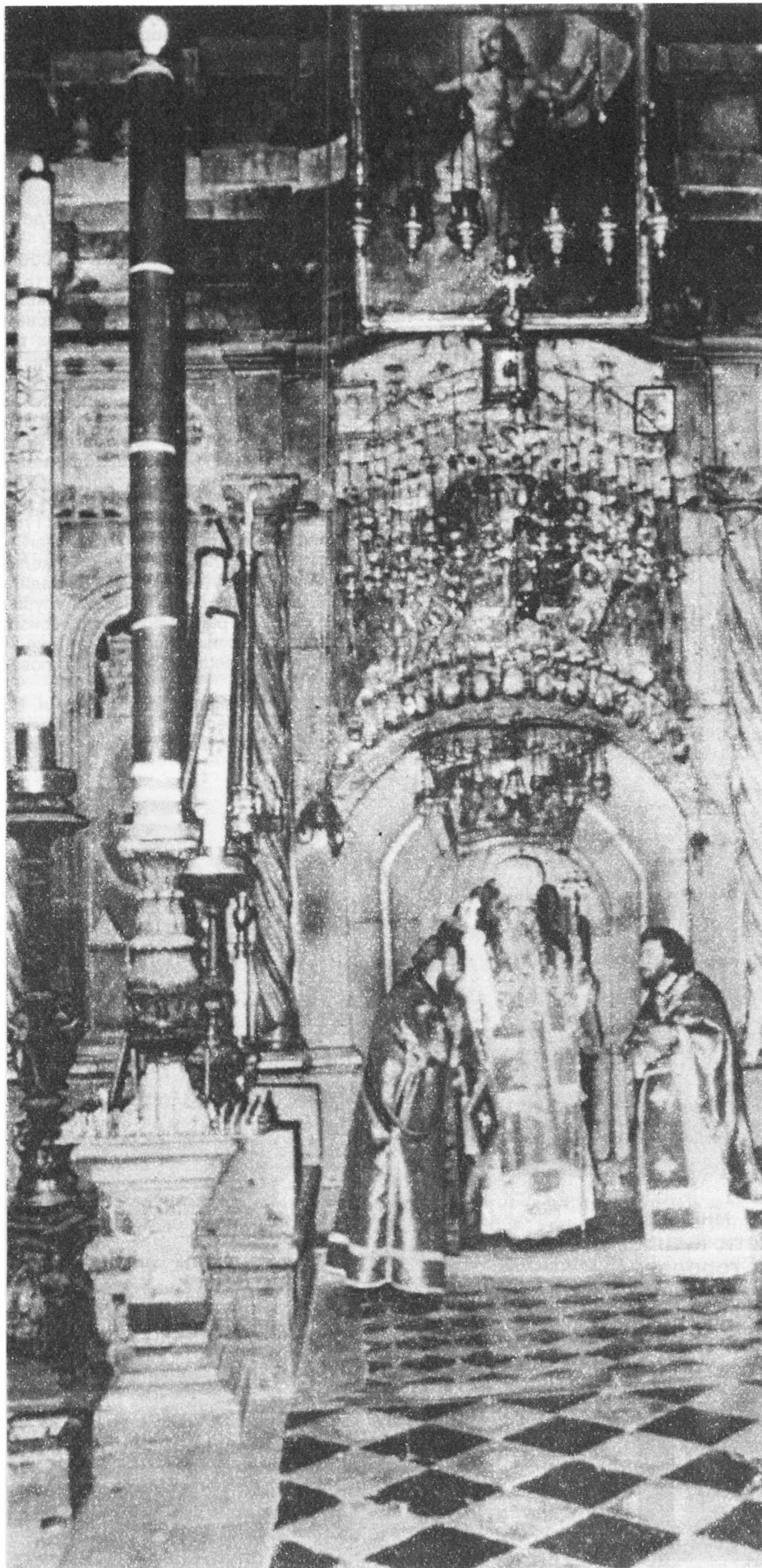
Как же решились современные «одиссеи» на такое путешествие? Прежде всего им удалось разгадать тайны поморских корабелов. По крупицам собирали все, что хранилось в памяти людей, в архивах об уникальных судах, еще тысячу лет назад плававших во льдах. Тут выяснилось, что норвежцы и голландцы, у которых Петр учился корабельному делу, убедили русского царя, будто поморские кочи неспособны плавать дальше Белого моря. Оказалось, не так...

Хотите верьте — хотите нет, но инженер Виктор Дмитриев, видевший до этого северные кочи разве что во снах, не только сам, по своему проекту и своим топором, воссоздал единственное в мире древнепоморское судно, но и, кликнув охотников, привел свой «Помор» к берегам Шпицбергена. Затем появился и другой поморский новодел под именем «Гру-

мант», который в паре с «Помором» сплавал по северным европейским морям. В Дании, Швеции и в той самой Голландии, где когда-то смеялись над поморскими корабелами, предлагали за дмитриевские лодии десятки тысяч долларов, желая иметь их в своих морских музеях. Но он не продал. «Это же наши друзья,— объяснял он,— а друзей не продают».

Эти экспериментальные плавания стали поводом для серьезных размышлений. В клубе «Полярный Одиссей» зрели большие замыслы — возродить те легендарные времена, когда флот и торговля были овеяны парусной романтикой. Кое-кому подобные мечты казались бредом, однако фантазии северных одиссеев обрели-таки надежных покровителей: фонд Народной дипломатии, православную церковь, Совет Министров Карелии, московскую коммерческую фирму «Алибек», Азовское морское пароходство... Так родилась миссия «Золотой век». Председателем ее исполнительного комитета стал друг и сподвижник Дмитриева Юрий Наумов, один из тех энтузиастов, что спасали деревянное чудо Кижей.

...Первый месяц флотилия из трех лодий (копий древних новгородских, сработанных по редчайшим рисункам с берестяных грамот) «Вера», «Надежда», «Любовь» шла по Волге и Дону, встречаемая колокольным звоном ярославских, костромских, казанских, самарских, ростовских храмов. В этих же храмах экипаж судов принимал святое Крещение, причащался Христовых тайн. От города к городу паломнический караван сопровождали местные священники. Десятки тысяч людей высыпали на пристани, где матрос с «Веры», он же ленинградский актер Виктор Иванов, владеющий десятками скоморошьих приемов, бытовавших на Руси, прямо на рейдах читал «Сказ про царя Иерусалимского». Богомольные старушки приносили узелки с «родимой землицей», умоляя посыпать ее у Гроба Господня, утирали платочками глаза, целовали палубы, людей...



— Первый раз Господь испытал нас в самом начале пути: на Белом озере разразилась такая буря, что «Надежду» выбросило на берег,— рассказывает главный штурман похода известный яхтсмен из Мурманска Вячеслав Мальцев.— В Мраморном море ночью, в кромешном мраке, волной на «Вере» разбило рули. В Эгейском три часа стояли против «белого шквала», пока нас не приметил украинский лесовоз «Амур». Взял на буксир. Прикрыл лодии своей громадой. Целый день чинились, парились в корабельной бане и всем нутром ощущали, как все-таки хорошо дома!

И вот, наконец, Средиземное море. У островов Южной Спорады небеса пугали путешественников громами и молниями, но гроза все же прошла стороной: ни дать ни взять Господь предупредил, а Никола Угодник вынес. К тому моменту две из трех лодий уже не вынесли трудностей плавания, и путь к Святым землям продолжала только «Надежда». Та самая, на которую в Пирее внезапно пожаловал Анатолий Собчак. Пришел поддержать дух паломников и говорил на полном серьезе: «Эх, кабы не Ленсовет — дунул бы с вами до самого Иерусалима!»

...27 августа «Надежда» пришвартовалась в патмосской бухте у городка Скала. «Неподалеку от причала находятся останки баптистерия, в котором Иоанн Богослов крестил местных жителей,— читаю я в путевом дневнике корабелов.— А главной святыней является пещера Откровения, где апостол дни и ночи проводил в молитве и писании Евангелия. «Я, Иоанн... пребывал на острове, называемом Патмос, за слово Божие...» В этой же пещере евангелисту было Откровение о последних судьбах мира».

— Думаю, что «золотые века» еще не миновали,— говорит Дмитриев.— Стоит ли заглядывать в прошлое, если не верить в будущее? Помню, как мы стояли у Храма воскресения Христова: Голгофа, Камень Миропомазания, трехдневное ложе Христа... Казалось бы, все говорит о смерти? Но это та смерть, за которой — жизнь.

Вот Гроб Господень, из-за которого в мире было пролито столько крови! А в душе такой покой, что все вокруг кажутся братьями.

...Директор Русской духовной миссии молодой и красивый отец Никита поселил паломников в Горненском женском монастыре. Здешние монахини — женщины из многих русских городов, переселявшиеся сюда из СССР десятки лет, особенно в годы «застоя», встретили земляков по-матерински. Но, уставшие от суровых морских трудов, путники не стали отдыхать. Как и полагается паломникам, целыми днями работали в монастыре: расчистили территорию храма, наладили электросеть, починили ветхие постройки, нарубили дров на зиму...

Виктор Дмитриев достал заветную коробочку, открыл ее и высыпал на ладонь горсть розовых и голубых камушков.

— Это «святые» камешки,— пояснил он.— Собраны со всех уголков Святой земли. Горненские монахини подарили их нам на прощание. Подарили сотни духовных книг, которые мы, вернувшись обратно, раздали прихожанам в церквах и соборах.

Впереди новые морские дороги...

Леонид ЛЕРНЕР

■

Дорогая редакция! Письмо, которое я вам пересылаю, написал мне знакомый из мест заключения. Человек этот до лишения свободы жил беззаботно. Плевал на все неприятности, оттого, наверное, и обладал богатырским здоровьем. Но вот получил год заключения. И пошли от него письма. Я подумал: если уж у него заболела душа о народном добре, то кто же там у них на зоне преступник? Помогите, если можете, приостановить эту преступную деятельность.

С. ЛАВРЕНТЬЕВ
Воронеж

Здравствуй, дорогой друг Серега!

Ну что тебе написать про глухие таежные места? Природа здесь очень богатая, кругом тайга. Недалеко от нас протекает река Киренга. От нас, от колонии, виден хорошо Северобайкальский хребет. Вот бы тебе сюда с фотоаппаратом, здесь такие пейзажи! Природа-то очень богатая, да только губят ее, матушку, нещадно. Сплошь ведутся вырубки, да хоть бы в дело шли. Тут столько добра пропадает. Задумаешься, аж голова болит. Что мы оставим потомкам, детям нашим, внукам?

Я работал электриком в колонии. Заработок, сам понимаешь, небольшой, и я решил перейти в другую бригаду. Эту бригаду у нас генерал сколотил. У них там, на промзоне, образовались завалы, так лес поставляют сюда. Здесь пилят доски, шпалы. Ты даже не представляешь, сколько леса идет в отходы. Мы отбираем 5—6-метровые бревна в завалах, там же — доски, горбыль, но всего не отберешь. Только малую часть отбираем. Все это грузят в вагоны и отправляют. А что не отберем — жгут. Каждый день жгут. А какой материал, ты бы только видел — прямо бревна в штабелях. Из одного штабеля можно пять домов построить. А завалы, знаешь, отчего образуются? То вагоны вовремя не подадут, то зона взбунтуется, вот и нет погрузки. И весь наш лес превращается в огонь.

А план гонят. Кому нужен такой план? У нас сейчас в стране, наверное, повсюду бесхозяйственность, а здесь — вдвойне. За такую деятельность нужно бы привлекать к ответственности. У них, у козлов, душа не болит ни о чем. Опишу один эпизод. Дали нам задание поджечь три хороших штабеля четырехметровых бревен. Они рядом с лесом были. Мы подожгли. Потом ветер переменился в сторону леса, уже кусты загорелись. А два майора смотрят, и им наплевать. Хоть вся тайга сгори. Тут мы взяли ведра и начали тушить. А они хоть бы ухом повели. Я удивляюсь, что за люди! Ну все, Серега, на этом закругляюсь.

Алексей.

На днях Кабинет Министров СССР и Совет Министров РСФСР издали совместное постановление, в котором отмечается крайне тяжелое положение в стране с поставкой древесины. Среди причин называется и значительное снижение объемов лесозаготовок. Вот только меры, намеченные на стабилизацию положения, вряд ли коснутся труда заключенных. Рабского, бессмысленного, пораженного беспределом преступной бесхозяйственности.

ШИГОНСКИЕ ХРОНИКИ

Распространено мнение, что политические страсти кипят в больших городах. «А там, во глубине России, там вековая тишина». Вот хроника политической жизни сельского района.

Михаил ЗАРАЕВ
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Шигонский район — на западе Самарской области. Население — 26 тысяч человек. 17 колхозов и совхозов. Райцентр — село Шигоны — в 30 километрах от Сызрани, 180 — от Самары, тысяче километров от Москвы.

ПИРАМИДА. Под конец мы с Миловым отправились на особый, так и хочется сказать, секретный, объект — в правительственный санаторий «Волжский утес».

Перед нашей машиной поднялся шлагбаум, и мы оказались в ином мире. На склоне горы вольно раскинулся многоэтажный белый дворец современных архитектурных очертаний. Просторные холлы, уставленные импортной мебелью. Нога тонула в пушистых коврах. Кожа, хрусталь. На всем — от люстры до дверной ручки — отпечаток богатства, довольства, утонченного вкуса, предупредительной заботы о людях. Вокруг дворца — всякие пейзанские радости в стиле «ля рюсс» — рыбацкая деревня, русская баня, харчевня. Чтоб не забывали о корнях!

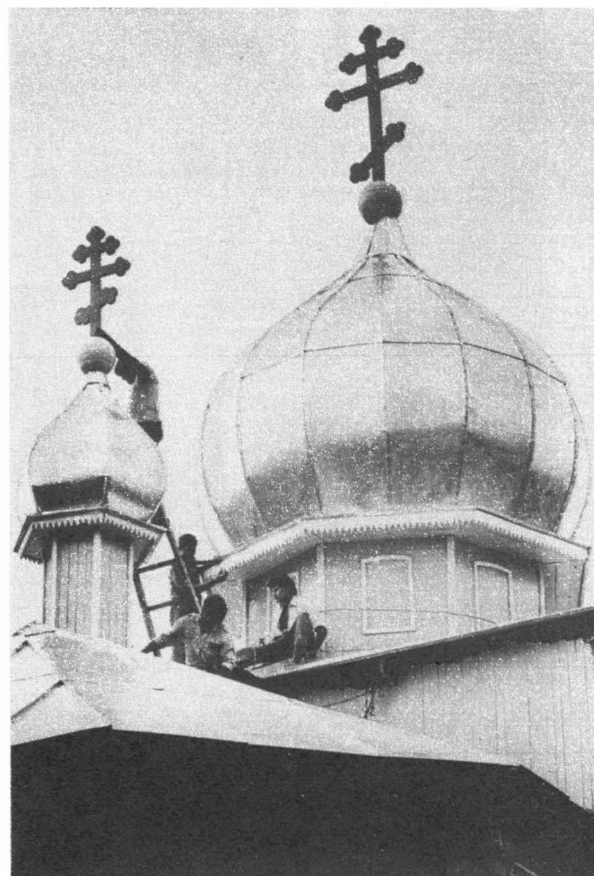
Поодаль, вверх по змеящимся асфальтовым дорожкам — святая святых, то, куда нас тогда не пустили,— госдача, где отдыхают члены ПБ. И хоть пуста она большую часть года — особый шлагбаум и особая охрана преграждали путь.

Думаю, что повез меня Милов в «Волжский утес» не без умысла — чтобы знал на всякий случай: вот какие объекты расположены на территории его района, вот на какой уровень он может в случае необходимости выйти.

Мне же запало в душу другое: высшая точка, пик власти — госдача. Ниже — средний этаж этой власти — санаторий — обитель аппарата. И совсем внизу, за зеркалом волжского залива — скудные поля и нищие села российского района.

УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ МИЛОВ знал, как вести себя с корреспондентом. Главное — стараться не отпускать от себя ни на шаг. «В какой колхоз хотите? Поехали вместе...» «Не желаете ли на совещании поприсутствовать?..» И ездили, и присутствовали, в полной мере познавая глубину власти первого секретаря райкома. Без его соизволения семя не падало в землю, комбайн не выходил в поле. Все райком да райком! Казнил и миловал, распределял и награждал.

Я не возражал против такого сопровождения. Все равно ничего не скроешь. Нелепость происходившего вокруг превосходила всякое воображение. Ну, в са-



мом деле, почему фабрику технической бумаги, изготовляемой из хлопка, построили за околицей села Малячкино, а не где-нибудь в хлопковой среднеазиатской республике? А само это несчастное чувашское село, живущее в русском окружении? Зачем его присоединили к совхозу, ликвидировав сначала местный колхоз, а потом бригаду и даже сельсовет? Местные крестьяне видят во всем этом некую античувашскую политику, уподобляют себя карабахским армянам. Зачем в селе Новодевичьем в свое время упразднили промкомбинат, снабжавший весь район кирпичом и валенками, мукой и маслом?

— Да никто не хотел оставлять людей без валенок,— добродушно объясняли мне.— Наоборот, стремились, чтоб больше валенок стало. Концентрацию производства проводили, вывели промкомбинат из районного подчинения. Сызрани подчинили.

— Но ведь валенки-то исчезли...

Я апеллировал к здравому смыслу. Но в том-то и дело, что здесь нельзя руководствоваться здравым смыслом. Здесь действовала иная, аппаратная, логика. Уроки ее и преподавал мне любезный мой хозяин.

Фабрику создавали для производства канатов из конопли, в изобилии растущей на местных полях, а потом передали в другое ведомство, которому понадобились не канаты, а хлопковая бумага. А Малячкино в совхоз передали, так как там построили свинокомплекс, ему корма требовались, никакой античувашской политики в том не было. То, что кормов больше не стало,— вопрос другой. Тогда кампания такая шла — борьба за концентрацию и специализацию.

Откуда возникла кампания? Ясное дело: легче руководить десятком крупных хозяйств, чем сотней мелких. Естественно стягивать нити управления в один центр, распределяя оттуда фонды, блага, премии. Центростремительная сила тоталитарной системы действовала так же неумолимо, как сейчас в условиях зарождающейся демократии действует центробежная.

Разумеется, до таких обобщений мы не доходили. Разговор шел в плоскости житейской, человеческой. Милов и печалился, и подтрунивал над этими ничего не давшими народу кампаниями, над тяготеющими над нами руководящими мнениями, тем более что речь шла о событиях давних, за которые ответственности он не нес.

Он подчинялся теперь иным руководящим мнениям, участвовал в иных политических кампаниях, за которые, если и спросят, то лишь годы спустя. Но оба мы молчаливо понимали: не спросят. Ибо другим законом Системы является ротация кадров — передвижка их с места на место с целью увода от ответственности. А если и задержался ты на месте, если и спросят с тебя, то вступит в силу третий закон Системы — закон пирамиды: мне приказали. Кто? Иди выше. Потом еще выше, а там еще выше — на самую высшую точку центростремительного притяжения — туда, где белеет на склоне горы госдача. С ее обитателя попробуй спроси!

ют: служи верно, судьба твоя обеспечена, пойдешь вверх по ступенькам карьеры.

А вот в экономике центростремительная тенденция начинает давать сбои. В нескольких селах разом поднялись крестьяне, требуя отделения от колхозов и совхозов, с которыми их некогда насильно объединили, как и малячкинцев. В прежние времена зачинщикам: «Партбилет на стол!». А нынче в селе Маза все механизаторы разом поднялись: «Хотим свой колхоз!» Пришлось делиться да еще председателей выбирать не по райкомовской подсказке, а из нескольких кандидатур.

Малячкинцам же мало отделиться. Им всему району показать себя надо: «Мы чуваши!» Богатого спонсора себе нашли — Сызранский нефтеперерабатывающий завод. Тот готов взять колхоз в аренду с тем, чтобы, выполнив план, отдав что-то в общегосударственный котел, остальное мясо-молоко себе брать. А в обмен многие миллионы на возрождение села дает.

СОБЫТИЯ ПРОИЗОШЛИ ВНЕЗАПНО. В феврале 1990-го на собрании перед выборами в областной Совет местный диссидент, я бы даже сказал, местный Гдлян — директор хлебоприемного предприятия Ховрин характеризовал кандидатов. О первом секретаре райкома Сысуеве он сказал так: «А Сысуев? Что Сысуев... Партийный работник. Для него главное — хорошо принять начальство и хорошо проводить».

Через несколько дней бюро райкома обсуждало оскорбление, нанесенное первому секретарю. После бюро Ховрин поклялся, что свалит Сысуева. И свалил.

Ховрин — мужик крепкий. Широкое румяное простоватое лицо, клин волос падает на лоб. Прекрасный оратор-массовик. Из тех, что умеют возбудить аудиторию. Когда его не пустили на райпартконференцию, вывел делегатов на улицу и устроил митинг. Его слушают, к нему приходят обиженные, его боятся и тайно информируют о многом, хотя кое-кто из порядочных людей недолюбливает за излишнюю резкость. Как у многих популистских лидеров, у него несколько преувеличенное представление о собственной личности, ощущение себя главной пружиной событий. «Я сказал, я выступил...» Все-то в районе происходит под его влиянием.

Свалил же он Сысуева серией последовательных разоблачений. Собственно, и разоблачениями это нельзя считать. Баню секретарю райкома при доме построили за счет райкомхозовских средств. Эка невидаль по нашим нравам! Тем более дом двухквартирный, коммунальный. Но в райцентре нет даже плохонькой гостиницы, а общественная баня и тесна, и ветха.

Премию за кукурузу Сысуев получил. За участие района в областной научно-производственной системе. Всю жизнь секретари райкомов такие премии получали — за партийное руководство сельским хозяйством. От этих систем, а сколько по области таких аграрно-политических игр — «кукуруза»,

жили, и кукурузную премию получал — ничто его не брало. Долгие годы был начальником райагропрома — колхозные председатели и совхозные директора его своим почитали. Немолодой, с потемневшим от солнца лицом, с властной грубоватой манерой, он был достойным противником Ховрина.

Схлестывались они не раз. Но однажды такая сшибка произошла, что весь район ахнул. Чистый детектив. Во время очередной перебранки Ховрин крикнул:

— Что с тобой разговаривать. Ты ж пьяный.

— А пошел ты...

Ховрин пошел, да только вернулся через час с двумя милиционерами и предсельсовета, требуя освидетельствовать хозяина кабинета на предмет алкогольного опьянения. Представьте себе, районный нарколог засвидетельствовал опьянение.

Самое поразительное, разумеется, не в том, что Бахаев сидел на работе выпивши. Что для здорового мужика двести граммов. Но ведь вошли же милиционеры, и врач согласился освидетельствовать не когонибудь, а второго человека района. Бахаев тогда еще был предрайисполкома. Как же исчез страх перед властью, если решились — вошли, освидетельствовали.

Бахаев, сообразив, что попал в капкан, сел в машину и за 180 километров помчался в Куйбышев, откуда и привез справку об отсутствии опьянения.

И снова бюро райкома. Теперь уже Ховрина исключают из партии «за действия, порочащие звание коммуниста по отношению к А. Н. Бахаеву».

Говорят, Ховрин сказал: «Дураки, вам же восстанавливать придется». Через полгода обком восстановил его.

Председателем райсовета стал Черняев, директор бумажной фабрики. Это единственное промышленное предприятие района, если не считать молочного и хлебного заводов. Пролетарская прослойка. Вот она-то и вышла первой из партии. Причем не втихаря, абы взносы не платить, а громогласно, с политическими заявлениями половина первички во главе с секретарем билеты на стол положила.

Черняев остался. У него репутация умеренного либерала, с ним связывали надежды на обновление, очищение — не аппаратчик, ни в чем не замаран, выступал честно, толково.

Став предрайсовета, он давал интервью районке, принимал население, сидел в президиумах. Был доступен, вежлив, прогрессивен. Но главный постулат большевиков, усвоенный ими еще в 1917-м — власть не дают, ее берут,— Черняев не воспринял. За ним мнение народное, но оно проявлялось лишь при выборах. За Бахаевым же — райком, колхозные председатели и совхозные директора. Бахаев для них — свой, нормальный руководитель. С первых дней — совещания в райкоме. «Почему снижается производство молока? Потому, что райком перестал вникать в эти дела... Главное — работать, а не вести разговоры». И далее все как положено — надои, привесы, планы, сводки, накачки. Конкретный стиль руководства.

КАК ДАВНО ЭТО БЫЛО — пять лет назад. Каких лет! Я приезжал в Шигоны снова и снова, пытаясь фиксировать перемены в отношениях людей, в экономике.

Летом 1988-го в Москве — XIX партконференция. Пик популярности Горбачева. Опьянение от трибунных речей, трибунной смелости, сшибка либералов с консерваторами.

В Куйбышеве — многодневный митинг на площади. По рукам ходит своего рода политическая листовка — цифры душевого потребления продуктов — обвинительный акт первому секретарю обкома.

В Шигонах — тишина. Закон ротации кадров действует исправно. Милов пошел на повышение, стал председателем облпотребсоюза. Сменил его второй секретарь Сысуев — молодой, пригожий, в прошлом передовой колхозный председатель. Ему в затылок дышит его второй секретарь Дашков, тоже молодой и тоже недавний передовой председатель. Оба зна-

«рапс», «корнеплоды»,— колхозам ни тепло, ни холодно, но премии полагались.

Раньше всё в кабинетах решалось, в сейфах хранилось — теперь районная газета статьи Ховрина печатает. К Сысуеву ни партийных, ни юридических претензий... Но суд народный! Ни в депутаты областного Совета, ни в председатели районного Совета он не прошел. По правилам игры из секретарей предстояло уходить. Ушел. Однако принцип ротации кадров уже не действовал. В Куйбышев его не забирали, в областных организациях места не нашлось. Пришлось здесь же, в Шигонах, оставаться главным налоговым инспектором. Такого еще не было, чтобы хозяин района, ничем не провинившийся против Системы, исправно выполнявший все указания, в расцвете сил был оставлен без попечения.

Первым секретарем стал Бахаев, предрайисполкома. Этот гнулся, да не ломался. И за баню ответственность нес — в одном доме они с Сысуевым

Через год Черняев подал в отставку, Бахаев, осознав, что больше делать ставку на райком нельзя, не тот это политический механизм, сел сразу в два кресла — райсоветовское и исполкомовское.

ПОПРОБУЕМ ОСМЫСЛИТЬ происходящее. Уже в обстоятельствах борьбы за власть в районе виделось нечто небывалое, говорящее, что сама она, эта власть, сильно расшатана. Не могли не размывать волны политических страстей, плескавшихся по стране, сельский материк.

Эпизод с медицинским освидетельствованием хозяина района. Да, среди его предшественников были люди, в пьяном виде машину разбивавшие, на ногах не державшиеся, по селам ходили. Кто за это спрашивал? Под руки до машины или постели доведут да поблагодарят за то, что почтил присутствием. Теперь же газета районная подробно описывает, что показал районный нарколог, а что областной. Не может не

описывать. Она и название сменила — не «Коммунист», а «Время». Одно время даже перестала быть органом райкома, только райсовета. Райком дотации не давал. Потом в ЦК опомнились: теряем рычаги воздействия на массы — выделили дотационные деньги для районок. Прошлой осенью снова стала газета слугой двух господ.

А Ховрин? Несколькими годами раньше дали б развернуться этому районному Савонароле? Из партии, с работы... В разряд местных юродивых записать, а то еще и посадить можно — мало ли упущений у директора хлебоприемного предприятия? Здесь же, когда секретарь обкома попросил начальника областного объединения хлебопродуктов снять Ховрина, тот спросил: «За что? Не могу, хорошо работает». О, времена! Чтоб пять лет назад обком затруднился снять директора мелкого районного предприятия? Звонка инструктора было достаточно.

И все же у власти Бахаев, тот же Бахаев. А вот природа его власти иная. Он получил ее не сверху, от обкома-облисполкома, как раньше, но и не от народа, разумеется, как было бы в случае прямых выборов, а, по существу, от местных нотаблей — хозяйственной верхушки района. Они все коммунисты. Районная партийная организация сократилась на двести человек за счет низов. Руководящий слой тот же. Тем не менее и этот руководящий слой начинает мало-помалу уже не назначаться, а выбирать. Новые председатели колхозов, сельсоветов избирались из нескольких кандидатов, и какая при этих выборах шла борьба — сюжет особый.

Демократический процесс, словно дождь на пересохший песок, впитывается, уходит вглубь, но постепенно-таки пропитывает, промачивает почву.

И Бахаев, думается, не тот, что раньше. Сшибка с Ховриным, борьба с Черняевым, многочисленные выборные баталии, думается, для него даром не прошли.

Во всяком случае, плевать на низы и тянуться перед верхами, как раньше, теперь уже нельзя. Никто от ответственности тебя не уведет, не передвинет в нужный момент в сторону или на повышение.

Впрочем, и раньше никто из начальников в полном смысле слова хозяином себя не чувствовал. Хозяин процветает или гибнет со своим хозяйством, а твои, колхозный или районный председатель, гибель или возвышение зависели только от воли верхов. Это снизу ты людям кажешься всемогущим хозяином, а сверху...

ДЕЛО ПОРОЙ ДОХОДИЛО ДО КУРЬЕЗОВ. Рассказывал Павлов, председатель лучшего в районе колхоза «Россия», расположенного в селе Усолье рядом с «Волжским утесом». Ночью ему позвонил Милов и велел срочно запрягать лошадь, да не как-нибудь, а в расписные сани, наборную упряжь с колокольцами, чтоб все, как в старину. Гришин Виктор Васильевич, отдыхая на госдаче, захотел утром на подледную рыбалку на санях поехать. Расшибся Павлов в лепешку, но все устроил.

Едет Гришин в санях вместе со своей хозяйкой, сзади охрана, не знаю уж на чем. Беседует Гришин о жизни с ездовым конюхом. И тут лошадь хвост подняла... Животное... Не знает, кого везет.

Прощаясь с конюхом, знатный гость спросил: «А кто у вас председатель колхоза, довольны ли вы им?» Конюх дал отменную характеристику.

На следующий день звонит Милову первый секретарь обкома Муравьев. Хохочет: «Знаешь, что Виктор Васильевич сказал? Неужели председатель колхоза не понимает, что лошадь нельзя кормить перед такой поездкой? Снять его».

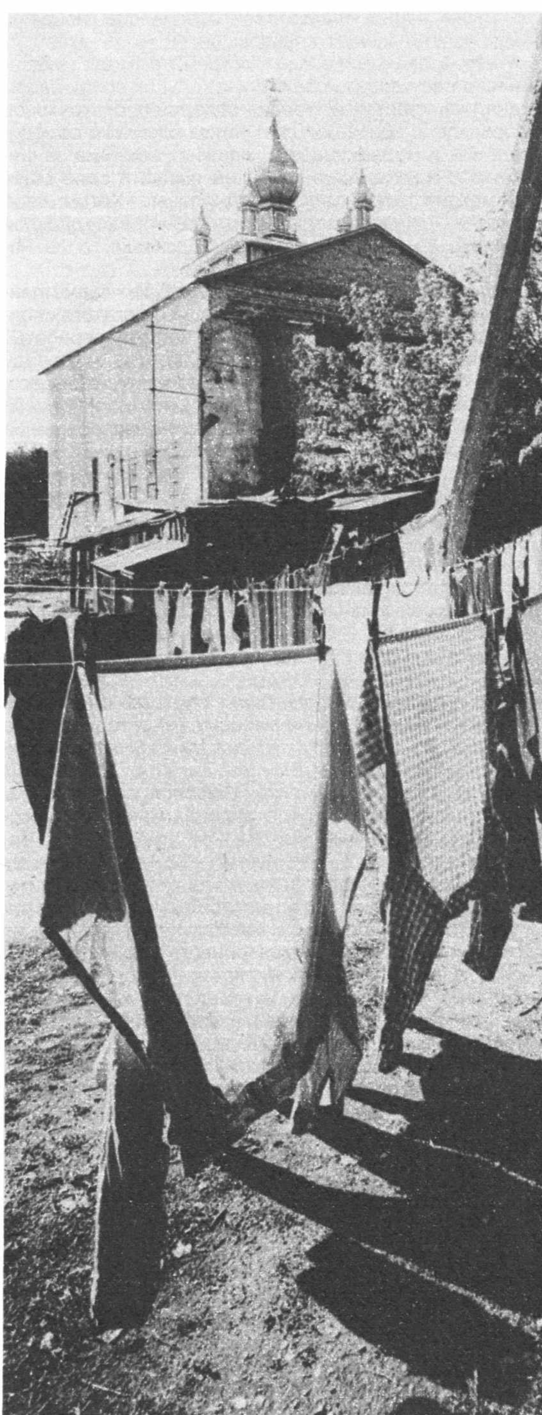
Хорошо, что Муравьев все это со смехом. А был бы исполнительным чиновником или захотел Гришин проверить свое указание? Сняли бы Павлова. Много вокруг «Волжского утеса» всяких историй ходит.

ВЕРНЕМСЯ К МЕХАНИЗМУ ВЛАСТИ. Посмотрим, как действует он в Шигонском районе. Как действовал старый механизм — понятно. Жесткие административные методы, центростремительные тенденции — и экономические, и политические,— о них шла речь выше.

Новый механизм, в сущности, еще формируется. У него вроде бы старые и шестерни, и винты, только располагаться они начинают по-другому, и законы движения иные, их предстоит только выявлять.

Бахаев уже не может волевым усилием снять колхозного председателя, крикнуть, как в прежние времена: "Не выполняешь планов и указаний — билет на стол!» Что же все-таки заставляет колхозного председателя, пусть со скрипом, плохо, лениво, но все же как-то выполнять планы и указания власти?

Прежде всего сказывается многолетняя привычка подчиняться, привычка к иерархии, к определенным правилам игры. Председатель охраняет эту власть, потому что он сам ее частица. Авторитет власти — и его авторитет. Быть лидером общины вольных хлебопашцев куда сложнее и, главное, непривычнее, чем современного колхоза. Да и не могут существовать никакие вольные хлебопашцы или фермеры, пока они не владеют землей, не в состоянии купить



технику, удобрения и другие ресурсы — иными словами, пока нет рынка. Перефразируя Маяковского, можно сказать: рынок и демократия — близнецы-братья. Рынок — это демократия экономическая.

Даже если бы колхозный председатель вдруг задумал выйти из повиновения, ему это не удалось бы. Живо перекрыли бы кислород. Под кислородом я подразумеваю те же ресурсы — бензин, электроэнергию, удобрения, стройматериалы, технику,— без которых хозяйство не может существовать и дня.

Как оно ни жалуется на нехватку всего самого необходимого, все же кое-что поступает по государственным каналам. Правда, дают на копейку, а требуют на рубль. Молоко еще у коровы на языке, а уже каждый литр его законтрактован: 40 процентов — продналог, за то, что пользуешься землей, дорогами и прочим общенародным достоянием. 30 процентов — госзаказ, тебе ж республика ресурсы поставляет. А теперь еще появился и так называемый терзаказ: не террористический, разумеется, а территориальный — в областные фонды изволь продать оставшиеся литры на пропитание областных городов. А область тебе, в свою очередь, продаст что может из продукции своих заводов.

Экономическая власть как была, так и остается — рас-пре-де-ли-тель-ной. На распределении держится. А распределение и администрирование — тоже близнецы-братья. Правда, в прежние времена распределение было более строгим. Сейчас, по мере ослабления и распада административных скреп, его подтачивает рыночная стихия. Стихия дикого рынка. Ибо то, что изящно называется в обиходе бартером, в сущности — обычный натуральный обмен, практиковавшийся в эпоху феодализма. Ты мне, заморский купец, сурьму и жемчуг, я тебе — шерсть и бычьи шкуры. Знаете, каков эквивалент «Жигулей» в Шигонском районе? 50 тонн мяса, сотня здоровых бычков.

Строит тот же Павлов свое Усолье и меняет гречку на трубы, мясо на кирпич. Что в Воронеже найдет, что в Тюмени. Одним глазом в бартер, другим — в терзаказ, от области тоже что-то надо. На голом бартере страшно остаться.

Постепенно и свой местный рынок начинает формироваться по мере создания кооперативов и малых предприятий. Все это, конечно, в зародыше, в миниатюре — на бумажной фабрике Черняев кирпич делает, в Малячкине один предприимчивый крестьянин железобетонные блоки начинает производить, в Новодевичьем — какие-то поддоны изготовляют, а в поселке «Волжский утес» даже обувь шьют.

Это тенденция центробежная, противостоящая центростремительному распределению, когда фонды стягиваются в один центр и оттуда — всем сестрам по серьгам — по начальственному разумению: знай мою власть.

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА на селе начала выказывать себя, как говорилось выше, уже в 1988-м, в лозунге «Хотим свой колхоз». Казалось бы, аргумент в пользу консерваторов. Видите, чего хочет крестьянин? — коллективно хозяйствовать. Да, были перегибы — кто ж спорит — создавали эдакие колхозно-совхозные империи на десятки километров. Поправляем. Взять то же Малячкино — чем тут не колхоз? Не мелкий хутор — село на 600 дворов, компактное землепользование, название, сердцу милое, «Нива».

А все же почему шигонские крестьяне захотели вернуться в свои колхозы? Местный патриотизм? Желание работать на полях предков? Все куда проще.

Помню сельский сход в Малячкине в 1986-м. Худой издерганный шофер, отец шестерых детей, рвет рубаху на груди: «Чем корову кормить? Раньше хоть немного зерна давали, теперь и соломы не выпросишь. Опоздаешь в магазин, хлеба нет, по соседям бегаешь. Ведь была же своя пекарня, зачем закрыли? И ток закрыли. Раньше хоть половы возьмешь. Что вы делаете? Жить-то нам надо!»

Вот в чем секрет, а не только и не столько в ущемленном чувашском национальном чувстве (хотя и это было). Свой небольшой колхоз — значит, и зерно на заработанный рубль, и солома с поля, и возможность открыть свою пекарню, коль скоро районный завод хлеб доставляет с перебоями. Вся инфраструктура своя, и власть более близкая, чем та, что сидит за десяток километров на центральной усадьбе. Личное хозяйство вести легче, жить на своем подворье легче...

Но вот добились малячкинцы своего. На первых порах их «Нива» работала несколько лучше соседних колхозов. Да и завод-спонсор каждый год по миллиону в колхоз вкладывает — чего только не понастроил! А показатели — надои, урожаи — чуть-чуть выше, чем у других.

Был я там недавно. Колхоз как колхоз, по местным меркам. И работают с ленцой, и председателей, что ни год, меняют. Натешили национальное чувство (кстати, о возрождении чувашской культуры, языка, о чем кричали на сходах, пока речи нет).

Жить стало несколько полегче, а в остальном все как у всех — не свое, не собственное.

Однако делается уже следующий шаг. В селе Кяхта, в обнищавшем колхозе «Новый путь», откололись шесть лучших механизаторов. Свой микроколхоз — ассоциацию крестьянских хозяйств организовали. С землей, с техникой из «Нового пути» вышли. Что тут было! Сколько криков на общем собрании — помещики, кулаки! А они: «Не желаем больше лодырей кормить». Взяли под залог единственной своей собственности — двух «Москвичей» — ссуду в банке, подремонтировали трактора и пошли пахать на себя.

— Не передеретесь? — спросил я их председателя, бывшего главного экономиста колхоза Бурханова.

— Не должны. Все перевиты родством. Родные, двоюродные, троюродные.

Прямо тебе возврат к старым временам, к столь любезной сердцам наших почвенников идиллии — большая крестьянская семья пашет на своей земле.

Есть в районе, конечно, и фермеры. Немного, с десяток, но есть. Правда, фермер фермеру рознь. В Малячкине 35-летний шофер Владимир Ерофеев взял десяток гектаров под картошку и овощи, трактор ему дали с трудом. Ерофеев в одиночку на своем поле от зари до ночи. Село относится с сомнением к успеху его затеи. Даже жена, любя и жалея, считает: «Зря это он, был бы, как все, в колхозе...»

В Шигонах же 50-летний Владимир Косолапов начал с двух с половиной огородных гектаров под картошкой. Но с полным шлейфом техники, с хорошими семенами. После первого урожая уже подумывает о ста гектарах пашни, найме на уборку работников, новом доме на заброшенном хуторе. За ним следит уже весь район — кто с иронией, кто с умилением.

— Надо же, инженер, начальник, сельхозтехникой руководил, и на тебе — землю пашет, картошку продает.

— Да ему что... При его-то связях что хочешь достанешь, в любой кабинет вхож.

Это своего рода капитализация связей и положения, которой сейчас многие аппаратчики — и партийные, и хозяйственные — занимаются. Только здесь человек на землю сел — дело чистое.

В КАПЛЕ — ОКЕАН. Такой образ приходит в голову, когда анализируешь хронику шигонских событий последних лет. Все, как в стране,— масштабы крохотные, а процессы те же.

Политические страсти. Это я еще не рассказал о том, что в сельсоветах творилось. В Усолье, в чей сельсовет санаторский поселок «Волжский утес» входит, при выборах председателя — две группировки, две партии. У одной — с «Волжского утеса» — свои интересы, свой социальный статус (живут в городских домах, в закрытых магазинах все имеется), у другой — крестьянской — свои проблемы.

Децентрализация власти и экономики. Ростки рынка и предпринимательства. Национальный конфликт, хотя и скрытый, приглушенный.

А экологический сюжет? Неподалеку от Малячкина на юрских глинах областные власти цементный завод собрались строить. Малячкинцы — в крик: не дадим природу разрушать, воздух и реки отравлять. Им говорят: все по немецкому проекту будет, с первоклассной технологией. А они — технология немецкая, а эксплуатировать будут наши, русские. Знаем, чем это кончается. И район их поддержал специальным решением сессии райсовета. Чем не движение зеленых?

Причем каждый сюжет имеет свое развитие. Ничто не застывает, не приостанавливается в наше бурное время. Даже в правительственном санатории, этой цитадели старой власти, по заверениям его директора Астапова,— перемены. Не такой уж теперь он правительственный, уверяет Астапов, 87 процентов путевок получают обычные люди.

Труднее стало жить «Волжскому утесу» — импортное медоборудование не обновляется, со снабжением продуктами хуже, на самообеспечение приходится переходить. Даже стихия против него: буря размыла высокий волжский берег, на котором стоит санаторий, терренкуры повреждены. А госдача? Дом для охраны расконсервировали, там теперь обычные отдыхающие. Сама же вилла, эта обитель богов, в последний мой приезд была необитаема, и туда меня не пустили. Последним там отдыхал перед своим уходом Лигачев.

Уезжал я в Сызрань, на станцию, как в прошлые времена,— на белой райкомовской «Волге», предоставленной Бахаевым. Знакомый водитель Слава — сдержанный, подтянутый, как и положено шоферам больших начальников,— вез с ветерком. Желтели всходы рапса — последней партийной игрушки, чернели пятна паров. На минуту показалось, что ничего вроде не изменилось. Но нет — изменилось, меняется и еще долго, хотя и мучительно медленно, будет меняться. Ибо, если не поднимутся Шигоны, погибнет и Сызрань, и Самара, и Москва, и все мы. Должны подняться.

В ЧЕЛЯБИНСК-70 ВПЕРВЫЕ СТУПИЛА НОГА ЖУРНАЛИСТА

Этот советский город американцы искали на наших необъятных просторах более 30 лет, а «нашли» только год назад. У нас не любопытствовали: «кому надо» знали, а прочим о нем и слышать не рекомендовалось. А город — обыкновенный нашенский. В нем — очереди и талоны, митинги «за Ельцина» и борьба «демократов» и «партократов». Единственное отличие его от множества других — опоясывающая его по периметру колючая проволока. «Ящик». В Челябинск-70 впервые ступила нога журналиста. Эти снимки

«ЯЩИК» ДЛЯ БОМБЫ

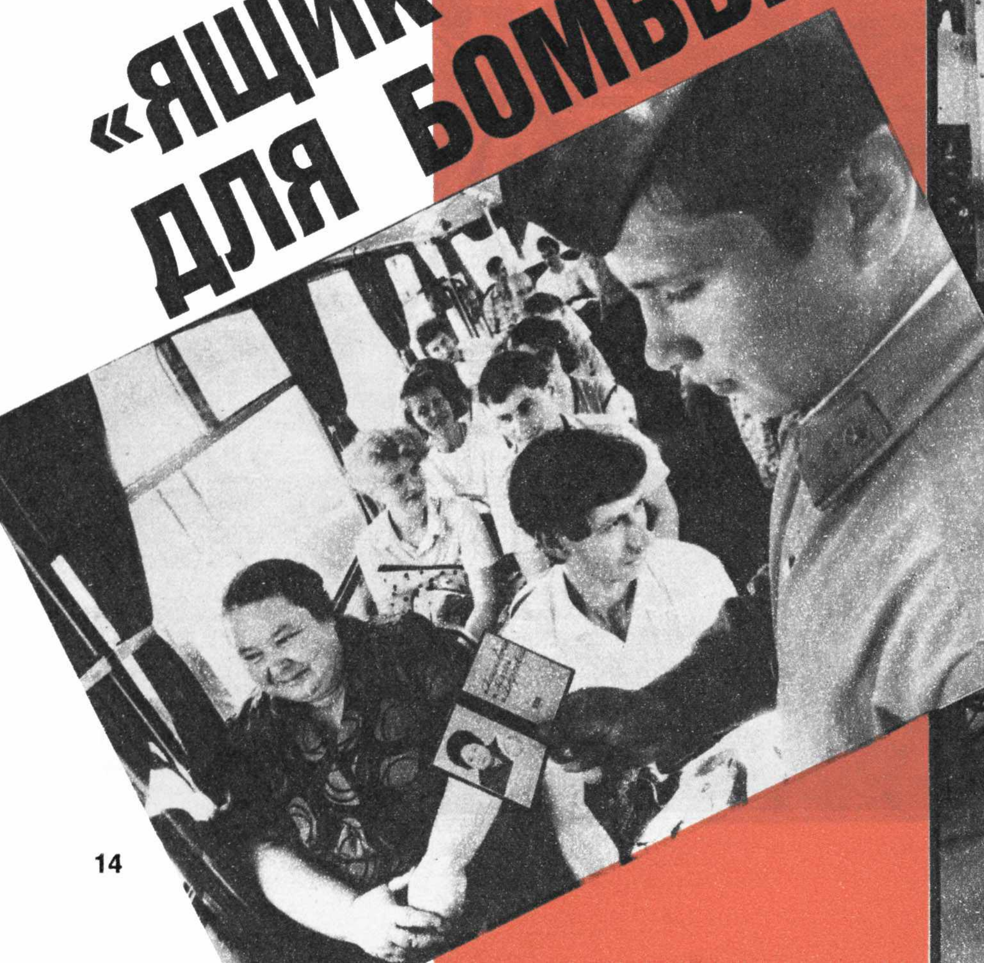
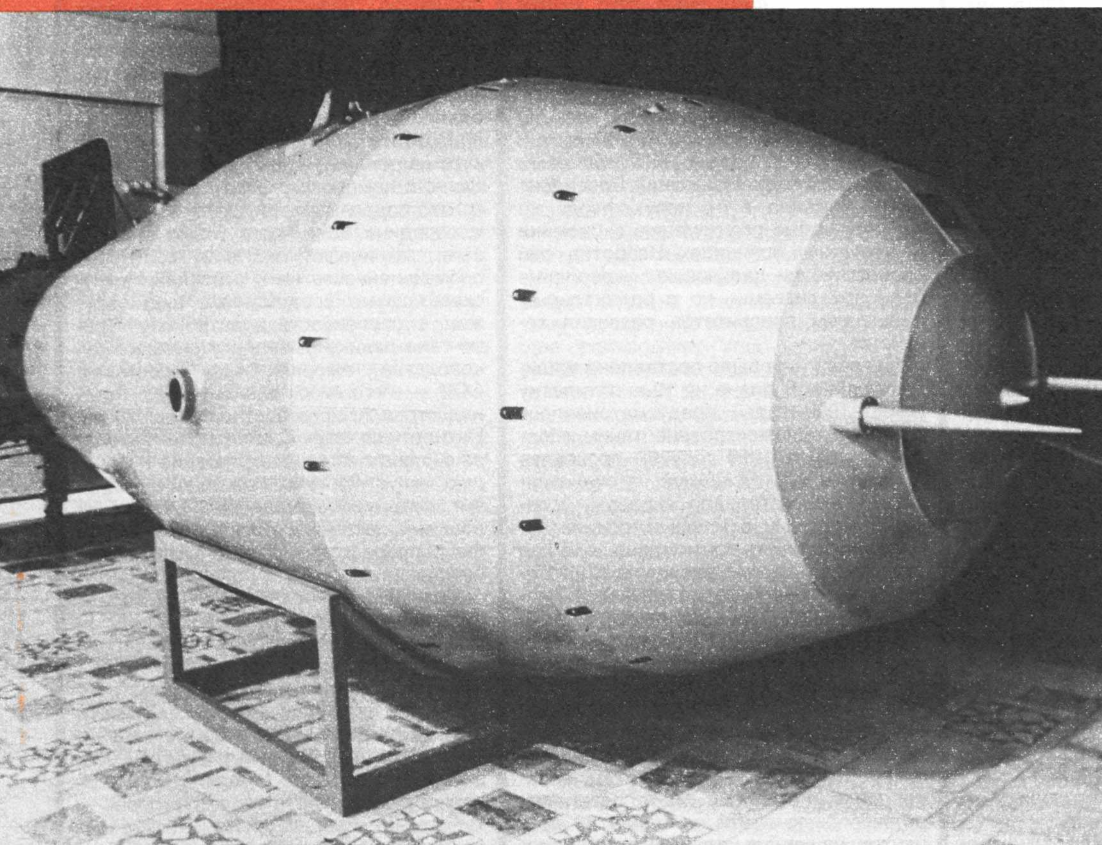


Фото
В. ВЕЛЕНГУРИНА

уникальны тем, что они — первые, прежде такого не видел ни один из непосвященных. Челябинск-70 — город одного предприятия, вернее, института — Всесоюзного научно-исследовательского технической физики. Здесь были изобретены и сконструированы большинство советских атомных бомб и боеголовок ракет. А сегодня здесь конверсия. Ученые работают над созданием систем волоконной оптики, сложной медицинской техники и бытовых дозиметров. Сами они считают, что это — правильно, что «оборонке» пора отдавать долги голодному народу. Что здесь можно возразить?

В этой оболочке заключена атомная смерть...



КОНВЕРСИЯ ПО-ГЕНЕРАЛЬСКИ

Василий СЕЛЮНИН

1.

Книга, которая лежит сейчас передо мною (Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех»), вышла по-русски в зарубежном издательстве «Посев» три с лишним десятилетия назад и стала наконец доступной благодаря репринтному воспроизведению у нас в стране. Она достигла нашего читателя на удивление вовремя. Вот часто можно слышать: нам, мол, предстоит уникальный переход от плановой экономики к рыночной — от рынка к тотальному государственному регулированию шли, увы, многие, в обратную сторону — пока никто.

Но, оказывается, и эта стежка не столь уж беспрецедентна. По ней в свой час двигалась поверженная Германия и в итоге не просто восстановила свое хозяйство, а и вырвалась вперед в гонке мировых лидеров. Архитектором «немецкого чуда» как раз и был профессор Эрхард, министр народного хозяйства, затем канцлер ФРГ.

Я испытывал буквально физическое наслаждение, вникая в технологию немецкого чуда, спроектированную Эрхардом. Когда его страна била все рекорды экономического развития, профессор-министр настоял на мерах, которые привели бы к замедлению темпов, иначе могла поколебаться стабильность немецкой марки, достигнутая посредством единственно точных ходов. Эх, дожить бы до поры, когда и нам понадобится такое... Если там смогли, так ведь и мы не пальцем деланы.

Сумрачный германский гений внятен нам, когда речь заходит не только о подобии, но и о различии ситуации у нас и у них. У меня была возможность обсудить эти различия с ведущими специалистами Института восточных исследований в Кельне. Не в том главная разница, что отечественное хозяйство все же не до такой степени разрушено, а финансы не так раздавлены, как это было в послевоенной Германии, под мудрым руководством тов. Павлова мы имеем неплохие шансы преодолеть разрыв. Наиболее значимое отличие, ускользнувшее почему-то от моих немецких собеседников, состоит, на мой взгляд, в другом: будучи, не в пример нам, побежденной страной, Германия лишилась права производить оружие, содержать непосильную армию.

Иначе говоря, воротилы военно-промышленного комплекса, генералы вермахта были сразу и напрочь отстранены от дел, работящий, искушенный в ремеслах народ смог устремить силы на мирное производство, а отцам-основателям новой Германии оставалось лишь ввести экономические, политические, юридические правила, которые побуждали бы к эффективному труду. Военная катастрофа обернулась в итоге экономической победой и расцветом демократии, органически присущей рынку и только рынку.

Наша же страна потерпела сокрушительную военную победу: народ честно и геройски защищал отечество, а защитил в конечном счете тоталитарный строй. Украв у народа победу, коммунисты на долгие десятилетия продлили жестокий и бесплодный эксперимент над страною, силой втянули в него другие народы. Это трудная правда, но это правда, и я имею право сказать ее хотя бы потому, что на той войне сложил голову мой отец, да и сам я на излете войны успел немножко послужить в ар-

мии. Словом, не про чужое говорю и не по-чужому, не со стороны.

2.

Историк В. Ключевский подметил как-то одну особенность россиян: «Мы привыкли к... замаскированному действию военно-государственной машины. Встречая на улице марширующий батальон, мы не умеем сказать, кто из наших сограждан заплатил за его мундиры и ружья и где теперь маршируют батальоны, мундиры и ружья которых оплачены нами». Поистине так: привыкли и не умеем сказать. Разговоры на эту тему считаются антипатриотичными, и требуется особое стечение обстоятельств, чтоб получить на них дозволение.

Затюканная парламентская комиссия по привилегиям собрала обширный материал о коррупции в высших сферах власти. Страна была потрясена размахом казнокрадства, особенно в руководстве Вооруженных Сил, хотя, честно сказать, разложение армии — всего лишь частный случай распада коммунистической системы. Копни вглубь, шагни в сторону, поднимись в верха — везде одинаково, от финских хладных скал до пламенной Колхиды начальство ворует, как перед концом света. Просто на сей раз именинниками назначили генералов и маршалов, покрывших свои погоны неувядаемой срамотой. Тут и штатским персонам был намек: знайте свое место, держите сторону высшего руководства, а то такое порасскажем... И не возразишь по присловью «От дурака слышу» — легче тебе не будет.

Воспользуемся краткой паузой, покуда обделанные генералы помалкивают, и разберемся, почем же нам обходятся батальоны, мундиры и ружья.

В декабре 1988 года М. Горбачев объявил стране и миру о сокращении почти пятимиллионной армии на 500 тысяч человек. Проект не сказать чтобы грандиозный — по военной реформе Фрунзе численность армии в 20-х годах уменьшили с тех же примерно пяти миллионов до полумиллиона с небольшим, или без малого в десять раз. А что же наши генералы? На помянутом закрытом (для кого? Правая печать все опубликовала) заседании союзного парламента министр Д. Язов сетовал: «...под любыми предлогами юноши стремятся стать студентами». Вот нахалы! Им прапорщик в Вольтеры припасен, а они, видите ли, учиться желают. «На сегодня некомплект составляет в войсках 353 тысячи человек...,— объяснил маршал.— Если таким образом будем и дальше вести призыв, то к концу этого года укомплектованность Вооруженных Сил составит 79 процентов. В пограничных же войсках некомплект достиг 12 процентов, и до 20 процентов неукомплектованы войска Министерства внутренних дел». Улавливаете, куда гнет министр? Какое там сокращение — в пору объявлять всеобщую мобилизацию. Иначе чем станут командовать генералы, коих в одной Москве больше, нежели во всей армии США?

В другой раз и в другом месте известный генерал И. Родионов-Тифлисский негодовал: «Пустили миф в прессе, в парламентах, что, дескать, армия вытягивает соки из народного хозяйства, из невоенной экономики, и товаров нет потому, что мы строим подводные лодки и бомбардировщики, и мяса нет потому, что запускаем космические корабли». Генералу вторит заместитель председателя Совета обороны, в недавнем прошлом секретарь ЦК КПСС О. Бакланов: «Создается миф о милитаризированной экономике, но это не соответствует действительности: на производство оружия мы тратим около семи процентов материальных ресурсов, это не более, чем у других».

Наконец-то помимо эмоций высказана какая-никакая обобщающая цифра, и теперь спор можно вести не на пальцах. Подозреваю, что истинная величина оборонных расходов неведома и самим генералам. В Польше мне рассказали забавный эпизод. Гомулка, придя в свое время к власти, тоже пожелал узнать, сколько его страна тратит на оборону. Знатоки давали ему цифры самые разные, и запутавшийся руководитель с юмором висельника изрек: «Эх, поймали бы вы американского шпиона да узнали у него». Польские чекисты задание не выполнили, а вот мне удалось познакомиться и подружиться со специалистом, который знает ответ для нас. Это Игорь Бирман, бывший советский экономист, ныне гражданин Америки. Он подарил мне только что законченное исследование по этой проблеме.

Приведу сразу его окончательный вывод: Советский Союз расходует на оборону не менее 200 миллиардов рублей в год. Впрочем, сама по себе эта цифра мало о чем говорит. Бирман считал траты, пользуясь нашими отчетами за 1989 год, поскольку полной статистики за более поздний период пока нет. Между тем рубли 1989 года несопоставимы с нынешними — деньги стремительно обесцениваются. Этот фактор поддается учету. По Бирману, общие оборонные расходы поглощают у нас около четверти валового национального продукта. Если эта доля сохраняется (а перемен пока не видно), тогда в нынешнем году на оборону уйдет порядка 400 миллиардов рублей.

Фантастика? Ничего подобного. В «Огоньке» уже приводились откровения премьера Павлова о том, что наши военные расходы сродни американским — 300 миллиардов долларов.

Что ж, пересчитаем наши расходы уже в рублях. Суть дела будет понятна из одного примера. При продаже на Запад, как простодушно похвастался в печати деятель ВПК, «на затраченный при производстве авиадвигателей рубль мы получаем 6—7 долларов».

Что за чудеса? Неужто затраты труда, материалов, оборудования на выпуск двигателей у нас многократно ниже, чем на Западе? Нет, причина иная: рублевые цены на этот товар искусственно занижены. Они назначены на таком уровне, чтобы военное ведомство покупало технику по дешевке. Наши военные приобретают за рубль то, за что их американские коллеги платят 6—7 долларов. В основном по этой причине наша армия укладывается в довольно скромную сумму официально объявленных военных расходов. Достаточно еще раз волевым порядком занизить цены на военную технику, все необходимое для ее производства — и общие расходы станут поглощать даже меньше тех семи процентов ресурсов страны, которые объявил нам О. Бакланов.

Так можно насчитать все что угодно. В действительности, по оценке авторитетных специалистов, рубль, обслуживающий оборонную промышленность, равен 4—5 рублям в гражданском машиностроении. Если же мы хотим сопоставить рубли с долларами, нужно их привести к общему знаменателю. Тогда выяснится, что усредненный рубль стоит немногим меньше «зеленого». А отсюда следует: названная В. Павловым величина советских оборонных расходов (300 миллиардов долларов) и выведенная нами по методике И. Бирмана (400 миллиардов рублей) не противоречат одна другой, а практически совпадают. С одной лишь разницей: в США эти расходы поглощают менее шести процентов валового национального продукта, у нас — около четверти. Доходто там многократно выше! При равенстве оборонных расходов бремя их для нас в четыре раза тяжелее, чем для американцев, и в 25 раз весомее, нежели для японцев. Оттого-то они живут, а мы прозябаем.

3.

И все-таки даже при том условии, что генералы, внезапно поумнев, смирятся с мнимым недокомплектом войска, реальное сокращение армии растянется на годы. Существует, однако, способ сразу сбросить с плеч изрядную долю гнетущего груза военных расходов. На содержание самой армии уходит примерно пятая часть всех оборонных трат, а четыре пятых — на закупку военной техники, капиталовложения, научные и конструкторские разработки. Эта пропорция сегодня вряд ли существенно изменилась, а значит, из 400 миллиардов рублей нынешних реальных оборонных расходов свыше 300 миллиардов поглощает военно-промышленный комплекс.

По данным за 1989 год, он произвел в три раза больше танков, нежели США, в 12 раз больше баллистических ракет, и мы продолжаем опережать богатейшую страну мира, а потом тратимся еще и на уничтожение оружия. В голодной, обнищавшей стране одни работники (из самых лучших!) кладут последние силы на выпуск оружия, другие рвут пупок, превращая его в прах. Да что же мы творим-то?

Но то, чего не вмещает мой скромный разум, оказывается, одобрено в высших сферах. Глава кабинета В. Павлов в недавнем интервью («Известия» за 15 июня) почти буквально повторил уже известные нам суждения генерала И. Родионова. «...вдруг решили,— иронизирует премьер,— что можно повысить жизненный уровень путем сокращения инвестиций и военных расходов... Так вот, ошибка — простым сокращением военных расходов повысить стипендии, пенсии, заработную плату. Ведь ни танками, ни самолетами вы зарплату не отдадите».

Взамен В. Павлов предлагает блистательный план: создать в ВПК новые мощности для выпуска гражданской продукции. И потянулась цепочка: для этого понадобится современная техника, следовательно, предстоит коренным образом перестроить машиностроение; немыслимо, однако, приблизить к мировому уровню эту ключевую отрасль, оставив в жалком состоянии энергетику, нефтехимию, металлургию, короче — всю тяжелую промышленность. Только модернизировав все эти производства, мы получим экономику мирового класса. А что же с потребительским сектором, с сельским хозяйством? Развитие их относится на потом. Премьер так и говорит: «Наш путь к повышению благосостояния народа, по моему убеждению,— не через сельское хозяйство, не «через живот», а более надежный, с опорой на высокие технологии, с использованием всей нашей промышленной, интеллектуальной мощи».

Нетрудно заметить, что ВПК рассматривается здесь как двигатель развития экономики. Этот план не нов. Он в точности повторяет стратегический замысел, выдвинутый М. Горбачевым еще в 1985 году. Нынешний Президент и его команда в ту пору отнюдь не ставили целью реформацию экономики на рыночных принципах. Напротив, они провозгласили дальнейшее укрепление плановой системы, но с радикальным смещением приоритетов развития хозяйства.

Во главу угла было поставлено машиностроение. В плане на 12-ю пятилетку (1986—1990 годы) предусматривалось обновить машиностроение таким образом, чтобы в 1990 году 90 процентов продукции, выпускаемой этой отраслью, соответствовало мировому уровню. Инвестиции в машиностроение наметили увеличить почти вдвое, а общая сумма капитальных вложений в народное хозяйство определилась астрономической цифрой — триллион рублей. Чтобы изыскать такие деньги, пришлось пойти на крайнюю меру, к которой в стране не прибегали со сталинских времен: увеличить долю накопления в использованном национальном доходе, сократив соответственно долю потребления. По моим расчетам, в накопление по плану 12-й пятилетки должно было пойти не менее 40 процентов национального дохода — величина, немыслимая в нормально действующей экономике. Тогда структура народного хозяйства была уже скособочена в сторону, противоположную жизненным интересам народа. В промышленности, например, 75 процентов всей продукции приходилось на средства производства и только 25 процентов — на предметы потребления, тогда как нормой для западных экономик считается пропорция, близкая к обратной: две трети промышленной продукции — предметы потребления, одна треть — средства производства. При намеченном приоритете машиностроения произошло бы дальнейшее смещение хозяйства в сторону производства всего «несъедобного». Иначе говоря, населению предлагалось еще раз потуже затянуть пояса в предвкушении жизненных благ в отдаленном будущем.

Этот беспощадный план Горбачев обосновал необходимостью преодолеть отставание от развитых стран в научно-техническом прогрессе, материальным носителем которого как раз и является машиностроение. Однако в таком объяснении, в общем-то справедливом, содержалось одно лукавое умолчание. И тут нам опять не обойтись без статистики. Оружие по традиции считается продукцией машиностроения. Группа специалистов недавно решила наконец выяснить, какова же доля вооружений в общем объеме машиностроения. Вести расчеты в действующих ценах было невозможно — как уже сказано, цены на оборонную технику сознательно занижены, гражданский и военный рубль несопоставимы. Ученые поступили просто: пересчитали стоимость продукции в мировых ценах. Получилась такая раскладка: если взять все производимое в машиностроении за сто процентов, то 5—6 процентов падет на потребительские товары (легковые машины, телевизоры, холодильники и т. п.), 32 процента — на инвестиционную технику, остальные 62—63 процента — это оружие, прямые военные заказы.

Расчет стоило бы довести до логического конца. Инвестиционная техника — это машины и оборудование для новостроек и для обновления производственных фондов на действующих предприятиях. По самой осторожной оценке, никак не меньше половины такой техники поступает в оборонное производство и в отрасли, обслуживающие его. Значит, к 62—63 процентам машиностроительного потенциала, впрямую работающего на оборону, мы можем приплюсовать хотя бы половину от 32 процентов инвестиционного машиностроения. Получается чудовищная цифра: до 80 процентов машиностроения занято выпуском оборонной продукции.

Теперь вам понятен потаенный смысл объявленного в начале перестройки приоритета машиностроения: то был курс на реконструкцию военно-промышленного комплекса. Этого не говорили, но это подразумевали. Дело в том, что к середине 80-х годов стало очевидным: технически отсталая советская промышленность не в состоянии выпускать самые современные виды оружия, в особенности электронику. Прямо-таки панику вызвала у высшего руководства американская программа СОИ — чего-либо равноценного наша индустрия противопоставить не могла. Пятилетний план Горбачева — Рыжкова с упором на машиностроение и тяжелую индустрию в целом был, в сущности, попыткой восстановить утерянный военный паритет с блоком НАТО хотя бы и посредством нового затягивания поясов.

План провалился — экономика вступила сначала в полосу глубокого кризиса, а затем и распада. И вот теперь премьер В. Павлов предлагает второй заход, еще одну попытку приоритетного развития тяжелой промышленности с теми же целями. Но если не получилось тогда, почему выйдет на сей раз, в условиях гораздо худших? Бессмысленно ждать ответа на этот вопрос — тут правят бал не экономические реальности, не логика вещей, но эгоисти-

ческие групповые интересы генералитета и ВПК. Глава союзного правительства — всего лишь военпред в высшем руководстве страны.

Не допускаю мысли, будто В. Павлов не сознает, какая авантюра затеяна. Убежден, однако, что он слишком поспешно сдался военному лобби. На недавних выборах в России все силы реакции были мобилизованы в поддержку ставленника ВПК Н. Рыжкова. Претендент с треском провалился. Стало быть, не так почитаем у нас ВПК, как он о себе воображает.

4.

Павловская идея дальнейшей милитаризации страны тем опаснее, что уже предпринимаются хлопотливые практические действия в этом направлении. Подладившись к духу времени, Министерство обороны, ВПК и Госплан Союза разработали Государственную программу конверсии оборонной промышленности до 1995 года. Поглядим, что это за конверсия по-генеральски.

К концу сказанного периода оборонка увеличит выпуск бытовых радиоприемников на 20 процентов, магнитофонов — на 4, цветных телевизоров — на 60 процентов и еще кое-что по мелочи. Чтобы обеспечить эту скромную прибавку товаров для народа, генералы потребовали из бюджета дополнительно свыше 40 миллиардов рублей (в ценах двухлетней давности, в нынешних деньгах цифру нужно как минимум удвоить). Из испрошенной суммы 30 миллиардов пойдет на создание новых мощностей и лишь 10 миллиардов — на перепрофилирование оборонных заводов, то есть собственно на конверсию. Таким образом, мыслится оборонное производство сохранить, а рядом построить гражданские предприятия, подчиненные, однако, военведу.

«Чего хотят советские люди» — карикатура Джеффа Данцигера («Крисчен сайенс монитор»). Надписи на плакатах: «Никаких увольнений!», «Никаких повышений цен!», «Никакого центрального правительства!», «Никаких налогов!», «Никакой тяжелой работы!», «И давайте побыстрее!»

Этот замысел проясняется до прозрачности, едва мы вникаем в ресурсный раздел программы. Авторы требуют увеличить поставки металла и прочих ресурсов, предназначенных для гражданской продукции, в 1,6—2 раза. Перебрасывать сырье и материалы с военных заказов они не намерены. Напротив того, к 1995 году поставки ресурсов под оборонную продукцию должны возрасти на 7—8 процентов.

Тогда при чем здесь конверсия? Генералы просто используют модное словечко, чтобы протащить программу очередного увеличения военного производства, раскрутить новый виток милитаризации хозяйства.

Помимо колоссальных капиталовложений, они планируют получить дополнительно 36 миллиардов рублей на научные исследования и конструкторские работы по гражданской тематике. Эксперты из Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса справедливо усмотрели в этом запросе намерение «сохранить за счет новой программы уже сложившиеся в оборонных отраслях масштабы научно-исследовательских и конструкторских разработок». По их оценке, «объемы финансирования представляются завышенными не менее чем в 2,5—3 раза». Мысль генералов прочесть несложно: дайте нам новые миллиарды, а уж мы решим, куда их пустить,— кто потом разберется, сколько потрачено на военные исследования, сколько на гражданские. Как гласит немецкая пословица, из всякого свинства можно вырезать кусочек ветчины.

Прецеденты такого рода, увы, случались. Несколько лет назад было ликвидировано захудалое Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов. Предприятия этой отрасли передали в оборонку с надеждой, что могучий новый хозяин реконструирует их на современный лад. А на деле? Выпуск оборудования для группы «Б» в натуре не возрос, зато цены на него поднялись в среднем в десять с лишним раз (по некоторым видам техники в 30 и даже 50 раз!). По таким ценам заказчики не берут продукцию. Целая гражданская отрасль ухнула в оборонку, как в омут, и кругов по воде не видно. Как водится, на стоимость гражданской продукции хозяева ВПК отнесли часть затрат на производство оружия, создавая тем самым иллюзию его дешевизны.

Желая теперь повторить этот маневр на всем пространстве народного хозяйства, генералы руководствуются так называемой доктриной мобилизационной готовности. Она была сформулирована лет сорок назад. Согласно ей, необходимо постоянно содержать в резерве громадные производственные мощности, множество заводов с запасами сырья, чтобы в случае войны немедленно развернуть там выпуск оружия. Тогда даже при сокращении военного производства лучшие предприятия страны будут бездействовать, а под гражданскую продукцию придется создавать рядышком новые заводы, как оно и предусмотрено правительственной программой лжеконверсии.

Само собой, без оборонного производственного потенциала жить опасно, не мы одни это понимаем. Вот и приглядимся, как поступают другие. Американцы, к примеру. Конфликт в Персидском заливе убедил, что эта страна тоже в любой момент готова к войне. Однако там считают, что в мирное время нет смысла содержать резерв мощностей для массового тиражирования традиционной военной техники — этого добра напасено и так сверх меры, а потому достаточно поддерживать текущее производство. Упор сделан на разработку новейших образцов наукоемкого вооружения. Конструкцию и технологию выбирают с таким расчетом, чтобы при нужде можно было немедленно наладить выпуск на гражданских предприятиях. Устарело оружие — от него отказываются, хотя его так и не тиражировали. Взамен конструируют новое поколение техники, которое опять же не будут изготовлять, если не случилось войны. Производственный потенциал постоянно занят выпуском гражданской продукции, сохраняя лишь способность, готовность переключиться на военные заказы. Оборонный и гражданский секторы не разделены стеной, а, напротив, интегрированы в единую экономику.

Не надо заканчивать Академию Генерального штаба, чтобы сообразить: даже с чисто военной точки зрения наша доктрина мобилизационной готовности хуже американской — мощности у нас задолжены либо простаивают в ожидании производства традиционного оружия, против которого противник давно нашел, так сказать, противоядие; для тиражирования новейших образцов боевой техники уже не остается базы. В случае нужды такую базу надо создавать заново, а времени для этого ситуация может и не предоставить. Когда ставка сделана на количественное увеличение быстро устаревающего оружия, военно-промышленный комплекс и армия всякий раз оказываются не готовыми к современной войне и даже к локальным конфликтам, а общий технологический уровень производства, как гражданского, так и оборонного, довольно-таки низок.

Впрочем, генералы не любят, когда мы, штафирки, лезем с советами. Что ж, послушаем, что говорит их коллега, генерал-полковник К. Кобец: «С валом устаревшей техники нужно решительно покончить. А какие предприятия — остановить, провести их реконструкцию, переоснастить технологией и выпускать качественные товары массового спроса и при необходимости качественное вооружение... Что же касается новейших систем оружия, то можно было бы в рамках НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.— **В. С.**) создавать новые экземпляры, пока не тиражировать их, постоянно их доводить и модернизировать, снабдить ими те формирования Вооруженных Сил, которые могут быстро реагировать на возможное изменение обстановки, и одновременно подготавливать экономику к выпуску достаточного количества этих новейших образцов на случай необходимости. Но все это можно сделать только в условиях интегрированной экономики. Если ВПК будет существовать обособленно от общей системы экономики, то он зайдет в тупик, поскольку он так же, как и гражданская сфера, требует технологического перевооружения. Если мы не вовлечем ВПК, имеющий гигантский потенциал и ресурсы, в единые экономические преобразования страны, то в конечном счете мы не получим ни конкурентоспособной гражданской продукции, ни качественно новых вооружений». Генерал советует спешить: «Если мы не сделаем чего-то сегодня, то этого уже не сделаем никогда».

Нас, демократов, постоянно обвиняют в наскоках на армию, на военно-промышленный комплекс, чуть ли не в подрыве обороноспособности страны. Но, как видите, и генерал подтверждает: гипертрофированное военное производство не укрепляет, а скорее ослабляет обороноспособность державы. Дорогая армия, обремененная грудами быстро устаревающего оружия,— это плохая армия. Она нужна не стране, а разве что генералам в погонах и без, поскольку обеспечивает им бессчетные командные должности и безбедное житье-бытье.

5.

Я с особым удовольствием цитировал здесь суждения К. Кобеца — генерал занимает пост председателя Государственного комитета РСФСР по делам обороны и в этом качестве способен влиять на развитие событий. Легко, однако, заметить, что его идеи противоположны рассмотренным выше планам премьера В. Павлова и генеральской программе фальшивой конверсии. Союзный центр свой выбор сделал определенно и продолжает нагнетать милитаризацию экономики. Сегодня, сейчас он затевает новую подвижку в эту сторону. В условиях распада хозяйства и всеобщих дефицитов оборонные предприятия начали самовольно использовать резервные мощности мобилизационного потенциала и запасы сырья для выпуска мирной продукции. А что прикажете делать? Военные заказы на сколько-то сокращаются, и чтобы кормить работников, надо же что-то производить и продавать. Подметив, что местные и республиканские власти поощряют эту предприимчивость, центр намерен объединить мобилизационные структуры в некую сверхорганизацию, возглавить которую должен союзный вице-президент. Тот же генерал К. Кобец, сообщив в печати об этом замысле, дает ему такую оценку: «...центр планирует резкое расширение своих функций с приданием, можно сказать, диктаторских полномочий в сфере мобилизационной подготовки экономики страны». И далее: «Если Верховный Совет СССР примет такое мобилизационное законодательство, то, убежден, положение в экономике и в стране в целом не улучшится».

Ох, не улучшится! Только к кому мы с вами взываем? Опытные политики центра не хуже нас понимают эту мате-

рию, да выбора у них нет. После того, как коммунистическая партия, пронизывавшая все структуры унитарного государства, начала разваливаться, главной опорой имперского центра стала армия вкупе с ВПК. Малопригодная для защиты страны, она способна пока блокировать или хотя бы затормозить неумолимые и в целом прогрессивные процессы суверенизации союзных республик. Центр никогда не решится затронуть свою опору, кто бы ни возглавил правительство.

А коли так, демилитаризацию экономики обязаны взять в свои руки сами республики. И первое, что предстоит сделать, это немедленно, одним, если хотите, махом сократить оборонные заказы. И не на проценты, а для начала в 3—4 раза. Звучит, понимаю, диковато, однако другого решения жизнь нам не оставляет. Еще прошлой осенью, когда обсуждалась программа «500 дней», можно было спорить, поступим мы с хозяйством так или этак, устремим скудные ресурсы на то или на другое. Сегодня мы дожились до того, что выбирать не из чего, нужны единственные точные ходы, диктуемые ситуацией. Выбор свелся к двум жестким вариантам: либо мы волевым актом остановим вышедшее из-под контроля военное производство, то есть отступим на этом изматывающем фронте сколько-то организованно, либо оборонка рухнет в тартарары вместе со всей экономикой, и тогда не исключено, что работники будут делать на танковых заводах зажигалки и продавать на базаре. Либо мы начинаем сокращение армии, либо обезумевшая толпа пойдет вытряхивать генералов из шикарных особняков.

Да, предстоят тяжелые решения. В машиностроительном комплексе занято у нас без малого 16 миллионов человек. Если 80 процентов машиностроения работает на оборону, то сочтите сами, сколько народу останется не у дел. Но ведь эта отрасль — крупнейший потребитель металла, топлива, электричества и другого добра. Значит, сокращение военных заказов аукнется и в смежных отраслях. Это наши люди, это мы с вами, так что же с нами будет?

А вот что: давайте определим разумный срок (скажем, года полтора), в течение которого работники оборонных предприятий будут получать среднюю зарплату. В течение этого периода коллектив обязан освоить выпуск мирной продукции, найти свою нишу на рынке. Не преуспели в том — разбегайтесь, ребята, вы не медаль на шее.

Премьер В. Павлов в публичных выступлениях предупреждает: понадобятся, мол, громадные капиталовложения на перестройку производства, а денег в казне нет, их надо найти где-то вне ВПК, может, одолжить за рубежом. «А просто сокращать оборонку — это значит загнать страну в такой тупик, из которого она не выберется никогда»,— закругляет глава кабинета. Но что такое капиталовложения? Это только по видимости деньги и лишь постольку деньги, поскольку за ними стоят материальные ресурсы, техника, рабочая сила. Закрытие военных производств как раз и высвободит все виды ресурсов, потребных для конверсии. Отдача будет нарастать, едва мы станем, по пугливому слову В. Павлова, «просто сокращать оборонку». Ведь уже сегодня выпуск, к примеру, холодильников и легковых машин сдерживается нехваткой металла, производство телевизоров — дефицитом заводских площадей.

Мы тратим ресурсы на строительство автогиганта в Елабуге, начав осваивать площадку с нуля. Разве не дешевле переоснастить для той же цели один из танкоградов, где есть и производственные площади, и прекрасные кадры, и жилье? Пассажирские самолеты покупаем за границей — не лучше ли потратить валюту на переналадку оборонного авиастроения? Не столь уж велики будут там затраты. Моторы, скажем, одинаковы что для гражданских, что для военных самолетов. Так мы в скором времени станем не покупать, а продавать пассажирские лайнеры. То же светит нам с морскими судами, стоит лишь снять многомиллиардные заказы на боевые корабли. Отрешившись от устаревшей доктрины мобилизационной готовности, можно будет создавать гражданское производство не рядом с оборонным, как предусматривает правительственная программа конверсии, а вместо и на месте оборонки, за счет ее. Иначе никаких ресурсов не хватит — их не оставалось от ВПК даже в лучшие для нашей экономики времена, а уж при нынешнем раскладе и подавно.

И не надо здесь глобальной общегосударственной программы. Цена таким планам — горсть семечек в базарный день. Простое сокращение военных заказов создаст ситуацию, при которой освоение гражданской продукции станет вопросом жизни и смерти каждого коллектива. Тогда конверсия пойдет не по приказу (в этой стране никому и ничего приказать уже нельзя), но по воле наиболее квалифицированных и технически оснащенных отрядов трудящихся.

На союзном уровне нет и больше не будет деятелей, способных на такое ключевое решение,— власть центра над судьбами великой державы была, да вся вышла. Иное дело в России: мы имеем и лидера, и команду, достаточно авторитетных, чтобы провести крутую демилитаризацию суверенного российского государства. Пусть они не боятся честно предупредить: да, со снятием военных заказов грядет безработица, причем России будет труднее, чем другим,— ведь свыше 70 процентов предприятий ВПК расположено в нашей республике. Да, пособия, хотя бы и на весь период конверсии, не предел мечтаний для человека и не подарок для казны, но все же средний уровень жизни от этого снизиться не должен. Ведь танки и ракеты на хлеб не намажешь, на ноги не обуешь. Надо перетерпеть неизбежное. Сегодня россияне еще поверят своим лидерам, завтра — не знаю.

6.

Таких речей мы пока не слышим. Напротив, в ряде выступлений Б. Ельцин соглашался оставить вопросы обороны за Союзом. Но удастся ли оздоровить экономику, когда главную статью российских расходов определяет другое правительство? Можно ли создать суверенное государство, если самые мощные предприятия на его территории ему не подведомственны? Как правительство РСФСР сбросит военные заказы, если, строго говоря, самого Президента России могут пока просто не пустить на семь заводов из каждых десяти — мало ли что они на российской земле, принадлежат-то Союзу. Вспомним, как директор Нижегородского автозавода послал российское начальство куда подальше с их заказом на несколько бронированных машин.

Решение единственное — взять под юрисдикцию России все предприятия на ее территории, включая и оборонку. Но этого мало. Если они останутся государственными, за их загрузку, за эффективность производства, за доходы работников опять станет отвечать государство, только на сей раз российское. Ведь система планово-приказная система одинаково порочна, будь то в масштабах республики или Союза. Стало быть, следующий шаг — приватизация промышленности, ее акционирование. Мы имеем уже добротный, вполне работоспособный российский закон, в котором тщательно прописан порядок превращения государственных предприятий в акционерные. Оборонка не должна быть исключением. Более того, по уровню подготовки кадров и технической оснащенности предприятия ВПК наиболее подготовлены к разгосударствлению. Это, кстати, не только мой вывод. Анализируя проблемы ВПК, авторитетные ученые Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса дали ту же рекомендацию. Да и мировой опыт учит тому же: в США, например, военные заказы исполняются частными фирмами, и дело идет, как видим, недурно.

Тогда программа производства станет складываться так, как это происходит в государствах с рыночной экономикой. Волевым решением парламент определяет общую сумму расходов на оборону с разбивкой по статьям. Предприятия стремятся перехватить друг у дружки лакомые военные заказы. В наших условиях такие заказы будут загружать лишь часть производственных мощностей. Хочешь — не хочешь, придется искать спрос на мирную продукцию.

Далее предстоит изменить порядок финансирования обороны. Пока что объемы военного производства и оборонные расходы в целом определяет союзная власть. Выразитель воли ВПК, она устремила на это дело больше половины доходов нынешнего союзного бюджета и намерена впредь поступать так же. 15 июня Кабинет министров без консультаций с республиками ввел прямо-таки грабительское правило: в 1992 году все предприятия страны, независимо от ведомственной подчиненности и форм собственности, обязаны вносить в виде союзного налога десятую часть стоимости продукции. Заметьте: полной стоимости, а не прибыли. Если отнести эту «десятину» только к прибыли (а так и надо считать), то сумма прибыли на территории России упадет аж на 40 процентов. Соответственно доходы бюджета РСФСР снизятся на 73 миллиарда рублей, или примерно на четверть. Укажу для сравнения: такую сумму Россия вкладывает в развитие сельского хозяйства. Девиз центра прежний: пушки вместо масла, или, как изящно выразился премьер В. Павлов, путь к благосостоянию — не через сельское хозяйство, не «через живот».

Верховный Совет РСФСР дружно отверг этот побор. Многие, наверное, слышали темпераментное выступление И. Силаева об этом конфликте. На сей раз победа, но, будьте уверены, В. Павлов изобретет что-то другое, он человек способный. Чтоб отбить охоту к таким художествам, нужно вообще лишить центр самостоятельных источников дохода, то есть упразднить союзные налоги. Кажется, в Ново-Огареве соглашение об этом было достигнуто. Но даже в таком случае — что же, тогда все в порядке? Никоим образом. Здесь опять давайте немножко посчитаем. Если пользоваться даже официальными цифрами, в январе — марте на оборону полагалось тратить по 11 миллиардов рублей ежемесячно. Между тем в союзный бюджет, из которого преимущественно и финансируется оборона, фактически собирали всего по 7 миллиардов в месяц. Если бы не существовало всех других союзных расходов, денег далеко не хватило бы на одну только оборону. Никто, однако, не слыхивал, чтобы прекратились выплата жалованья военнослужащим, раздача зарплаты на военных заводах.

Из какой же, спрашивается, тумбочки правительство берет деньги, когда казна пуста? Выручает печатный станок. Выдавая работникам ВПК и личному составу Вооруженных Сил хрустящие купюры, правительство тем самым размазывает оборонные траты на всю денежную массу, циркулирующую в стране. При отчаянном дефиците бюджета оборона финансируется за счет общего снижения покупательной силы рубля. Фигурально выражаясь, союзная власть отщипывает дольку от каждого рубля доходов населения сверх налогов и поборов. Теперь, пожалуйста, отменяйте союзный налог, ограничивайте доходы союзного бюджета — центру ни жарко, ни холодно, он напечатает денег сколько ему надо. Выход опять единственный: отнять у него печатный станок. А это означает введение республиканских валют, в нашем случае — собственных российских денег.

Эта мера неизбежна по многим основаниям. Начнем с конкретного случая. Будучи гостем недавнего Съезда народных депутатов РСФСР, я с интересом наблюдал за марафонскими выборами председателя Верховного Совета. Претендента на этот пост Р. Хасбулатова, в частности, спросили, как он относится к популизму, то есть к безудержному взвинчиванию пенсий, зарплаты, пособий при пустой казне. Руслан Имранович объяснил, что он решительно против, и тем ограничился. В одном из телевизионных интервью он аттестовал себя весьма похвально: «Как вы сами понимаете, я экономист не хуже Явлинского». Если так, он чуток слукавил, отвечая на вопрос о популизме. Будь он до конца откровенным, ему следовало бы добавить: мол, тем не менее я и впредь стану голосовать вместе с вами за увеличение популистских трат.

А как иначе? Все республики, включая и те, что намылились выйти из Союза, взвинчивают собственные расходы, измеряемые в единых общесоюзных рублях. В Эстонии, скажем, сумели за несколько месяцев удвоить среднюю зарплату, и теперь она далеко превышает 600 рублей. Средняя Азия отказалась применять президентский налог на продажу продуктов питания, и в итоге республикам, производящим эти продукты, пришлось изыскивать добавочные дотации сельскому хозяйству. Грады и веси соревнуются, кто лучше возместит потери от повышения цен раздачей бумажек союзного образца. «Решением многих предприятий и организаций минимальные размеры компенсаций были сразу повышены до ста и более рублей»,— похваляется словно бы доблестью президент Азербайджана А. Муталибов. Теперь представьте: все вокруг увеличивают расходы — и одна Россия добросовестно оберегает рубль от обесценения, отказываясь от популистских программ. В этом случае ее доходы, оставаясь формально неизменными, снизятся на величину порчи рубля во всем остальном Союзе. Вот и будет Россия, по присловью, сидеть, как дура с вымытой шеей. Нет, как ни крутите, популизм, мало сказать, приятен властям — он выгоден. И вполне резонно правительство России разом увеличило дотации и льготы своему сельскому хозяйству на десятки миллиардов рублей, хотя в загашнике и сотенной не имело. А чего стесняться в своем отечестве? Деньги-то общие, кто смел, тот и съел.

Итак, центр по-хулигански печатает кредитки для ВПК, армии, госбезопасности и прочих институтов своей власти, пятнадцать республик-сестер склочничают за место в очереди с заявками на эмиссию. И вот результат: если до перестройки в обращение добавляли по 3—4 миллиарда рублей ежегодно, то в 1988-м — 11,5, в 1989-м — 18, в 1990-м — 25, а ныне, по прогнозу союзного Кабинета министров, эмиссия достигнет (страшно вымолвить!) 150 миллиардов рублей. В течение одного года денежная масса будет более чем удвоена, и это при крутом падении производства в целом и потребительских товаров в особенности.

Несомненно, дружными усилиями центр и республики вскорости добьют хилый наш рубль. Вот тогда-то все увидят, что пользы от единой деньги нет никакой, да время для реформ снова будет упущено. Какие, позвольте спросить, реформы, если рыночная экономика вся без остатка держится именно на стабильных деньгах? Конечно, республиканские деньги — не универсальная отмычка ко всему на свете. И при них оздоровление экономики потребует трудных решений, но тогда выстраданный успех республики при ней и останется, а не канет в бездонный общий котел.

Потянув за ниточку военных расходов, мы с вами ощупали узловые проблемы России. Ухватитесь за любой другой кончик — выводы будут те же, разве что перечень первоочередных действий окажется шире.

Александр КОНДРАШОВ,
полковник

О военной разведке у нас в стране не пишется почти ничего. Изредка в центральной прессе промелькнет краткая, часто сомнительного свойства, информация со ссылкой на ГРУ (Главное разведывательное управление Генштаба). За рубежом публикаций о деятельности и методах работы ГРУ намного больше, причем они более подробны. Авторами в основном являются перебежчики — бывшие сотрудники советской военной разведки.

События, о которых пишу, произошли в одной из крупных частей центрального подчинения, где я служил в должности заместителя начальника политотдела.

Пять месяцев назад меня из этой части изгнали. И вот почему. Не так давно среди моих сослуживцев-офицеров провели анкетирование: нужны ли в армии парторганизации? Оказалось, что более 87% опрошенных высказались за полную департизацию армии. Аналогичный опрос, организованный в одном из самых многочисленных подразделений аппарата военной разведки, выявил свыше 70% офицеров, думающих так же.

Подобные откровения офицеров прямотаки ошарашили руководство.

Начальник политотдела ГРУ генерал-лейтенант В. Прохоров дал указание итоги опроса до офицерской общественности не доводить, немедля прекратить подобные вольности в других подразделениях аппарата и частях военной разведки. Мне лично командир части генерал-майор О. приказал все анкеты опроса у офицеров изъять и уничтожить, а начальник политотдела генерал-майор Н. Хохлов вообще запретил где бы то ни было говорить о департизации: крамола! Офицеры заволновались.

На партийном собрании одного из ведущих подразделений нашей части я выступил с докладом. Я не только сообщил результаты анкетирования, но и посмел сказать и о том, что департизация армии будет способствовать укреплению обороноспособности страны. Офицеры единогласно со мной согласились и решили о своем решении известить Верховный Совет СССР. Конечно, это вызвало крайне негативную реакцию со стороны руководства ГРУ и в первую очередь его начальника генерала армии М., народного депутата СССР, делегата XXVIII съезда КПСС.

Буквально на следующий день после партсобрания он вызвал меня к себе и на высоких тонах стал настойчиво разъяснять ошибочность принятого решения и моей роли в этом.

В тот же день, собрав на служебное совещание руководящий состав аппарата и частей ГРУ, генерал армии принялся обличать целый воинский коллектив чуть ли не в преступных действиях, подрывающих устои военной разведки.

Вскоре начальник ГРУ вторично пригласил меня «на проработку». Он заявил, что мои взгляды несовместимы с исполнением обязанностей политработника и таким, как я, не место в разведке. Затем вдруг пустился в пространные рассуждения о том, что вообще-то многопартийность в Вооруженных Силах вполне возможна, а их боеготовность от этого нисколько не пострадает. Тут же оговорился: в армии будет дозволено работать только тем партиям, которые являются сторонниками социалистического выбора и коммунистической перспективы.

Что ответить на это? Я твердо уверен в том, что многопартийность в Вооруженных Силах — вещь очень опасная. Активная борьба за умы вооруженных людей, за влияние и контроль над армией чревата гражданской войной. Я убежден: военнослужащие должны руководствоваться одним Уставом и одной дисциплиной — воинскими.

10 мая 1991 года мой собеседник-генерал отдал распоряжение во все воинские части ГРУ. В нем говорится, что руководством ряда партий — Демократической партии России, Российского христианского демократического движения и Конституционно-демократической партии, вошедших в блок «Народное согласие»,— принято решение провести в расположенных на территории РСФСР воинских частях пропагандистскую работу. Начальник военной разведки предписывает командирам частей принять дополнительные меры по обеспечению пропускного режима и исключить возможность ведения любых форм работы представителями блока «Народное согласие» в частях. О всех попытках представителей блока «Народное согласие» проникнуть на территории воинских частей докладывать через военно-политические органы.

Из этого документа следует, что в Вооруженных Силах свою политику может проводить только одна партия — КПСС, а всем остальным партиям туда путь закрыт.

Генерал остался верен своим принципам — не пускать в армию партии, которые не являются сторонниками социалистического выбора и коммунистической перспективы.

Но вернемся к нашему партсобранию, где обсуждалась проблема департизации Вооруженных Сил. Используя высокое служебное положение, начальник ГРУ через своего заместителя генерал-лейтенанта П. и руководство части добился повторного проведения партсобрания, где прежнее решение было отменено и принято новое, совершенно противоположное предыдущему. Разумеется, ни о какой департизации там уже не говорилось. Как такое могло произойти?

Незадолго до собрания заместитель начальника ГРУ, собрав членов парткома и командиров подразделений, стал с пристрастием их допрашивать, за что каждый из них голосовал. Получив ответ, что все голосовали за департизацию, принялся «снимать стружку» с командиров, обвинять их в некомпетентности и близорукости, стыдить, как они могли допустить такое, ведь с них берут пример подчиненные. А затем началась обработка каждого коммуниста этой парторганизации. В ходе нее осуществлялся нажим на такие «болевые» точки, как продвижение по службе, увольнение из армии по сокращению, получение квартиры, машины и т. д.

Но и после этого коммунисты сдались не сразу. Офицеры поставили перед руководством части условие: если к ним не будут применены репрессивные меры, то ранее принятое решение они отменят. Это им было обещано, но оказалось обманом. Мало того, после повторного проведения партсобрания все подразделение подверглось расформированию. А за мое «перевоспитание» взялся лично начальник политотдела ГРУ генерал В. Прохоров.

Несколько раз мне предлагалось публично покаяться в своих заблуждениях в обмен на прощение. Но, убедившись в том, что я от своих взглядов не отказываюсь, генерал решил сменить тактику и прибегнуть к помощи других политработников. Однажды, собрав в полном составе офицеров политотдела нашей части, попросил их высказаться в мой адрес. Разумеется, все дружно набросились на меня, стали клеймить позором.

В другой раз беседа проходила в его кабинете в присутствии всех начальников политорганов частей центрального подчинения ГРУ. Они как по команде стали «дружески» мне советовать не позорить высокое звание политработника, написать рапорт об увольнении из Вооруженных Сил.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения начальников, явилось мое выступление на общем офицерском собрании части.

Я подверг резкой критике руководство ГРУ и части за его нежелание решать социально-бытовые вопросы офицеров, бездушное отношение к нуждам и запросам подчиненных. Вместе с аплодисментами зала я заработал представление для назначения на нижестоящую должность в другую часть, которое без долгих проволочек написали мои непосредственные начальники.

Приведу лишь один пункт данного представления дословно: «В сложной обстановке проявил растерянность. Временно исполняя обязанности начальника политотдела, допустил нерешительность в острой ситуации в одном из подразделений по отстаиванию решения XXVIII съезда КПСС и Указа Президента СССР в области военной политики. Стоит на позиции департизации Вооруженных Сил. Эту мысль неоднократно высказывал на партсобраниях подразделений». Комментарии излишни.

Реализуя данное представление, генерал В. Прохоров предложил мне должность с меньшим объемом работы в части, которая через полгода подлежит сокращению. Получив категорический отказ, он пригрозил назначить меня на эту должность в приказном порядке. Возмущенный таким беззаконием, я был вынужден обратиться в военную прокуратуру Московского гарнизона. Напрасно. У руководства части там есть свои люди, которых оно заранее успело проинформировать. Мне вежливо заявили, что решение кадровых вопросов не в их компетенции, и посоветовали обратиться к вышестоящему командованию. Круг замкнулся.

Но в это время офицерами нашей части было написано письмо в мою защиту, под которым подписалось около двухсот сослуживцев, и направлено народным депутатам СССР К. Харченко, А. Цалко и В. Смирнову. Эти депутаты обратились к начальнику Главного политуправления СА и ВМФ генерал-полковнику Н. Шляге с требованием прекратить расправу надо мной, в противном случае они об этом сообщат в средства массовой информации.

Все было зря — от меня избавились. Удивляться не приходится — военная разведка находится под особенно пристальной партийной, а точнее цековской, опекой. Как правило, руководство кадрового органа и политического отдела ГРУ, а также ряда политорганов частей комплектуется бывшими работниками ЦК КПСС.

Уже упоминавшиеся выше генералы В. Прохоров и Н. Хохлов ранее работали в ЦК партии.

Более того, высшее партийное руководство желает, чтобы его влияние на военную разведку было постоянным и бесконтрольным, и не только в подборе руководящих кадров, но и в повседневной оперативной деятельности сотрудников. Один только штрих: на выездной комиссии, которая занимается отбором и направлением военнослужащих для работы за рубежом, ее членов больше интересуют не профессиональные качества того или иного кандидата, а его партийная позиция. Если его взгляды совпадают с генеральской линией, то поездка за границу ему обеспечена. А без положительной партийной характеристики ни один военнослужащий за границу поехать не может, как и не может быть назначен на вышестоящую должность.

С недавних пор в частях разведки участились случаи выхода офицеров из партии. Отношение к таким офицерам как со стороны руководства ГРУ, так и командиров частей крайне враждебное. Логика проста: партия — проводник социалистических идеалов и коммунистической перспективы, а тот, кто вышел из партии,— против социализма, а если он против социализма, то ему не место в разведке. Ширятся расправы над офицерами, вышедшими из КПСС. Недавно майор В. Борисов написал заявление о выходе из партии. До этого он два месяца не платил членские взносы. Коммунистам подразделений была дана команда осудить и заклеймить позором «перерожденца». Им рекомендовалось исключить коммуниста В. Борисова из рядов КПСС за нарушение партийной дисциплины, выразившееся в неуплате членских взносов, и проявленную при этом «нечестность».

Решение на партсобрании не прошло. Офицера «отпустили» по заявлению. Тогда командование части решило проучить «дезертира», чтобы другим неповадно было, перевести его в Забайкальский военный округ. Причину перевода, разумеется, объяснили служебной необходимостью. С ним даже не удосужились переговорить, не поинтересовались здоровьем жены, детей. Эта позорная травля не осталась незамеченной. Народный депутат СССР полковник Мартиросян заявил о ней на всю страну по Российскому радио и телевидению. Перепуганные командиры не нашли ничего умнее, как взять с майора Борисова письменный рапорт о том, что он лично по этому вопросу к народному депутату не обращался.

Партаппаратчики в погонах по-прежнему пекутся об укреплении организации КПСС. В воинских частях, учреждениях и аппаратах, где раньше не было парткомов, они сейчас созданы. Это весьма характерно для военной разведки. К примеру, в масштабе ГРУ избран партком с правами обкома. В частях — партком с правами горкомов и райкомов партии, который также возглавляют освобожденные секретари из бывших политработников.

Произошло пересаживание части кадров политсостава из одних кресел в другие. Секретарем парткома военной разведки избран ранее занимавший должность заместителя начальника политотдела этого ведомства полковник В. Нагорный, известный своими консервативными взглядами и низким авторитетом среди офицеров и даже генералов. Но самое удивительное, что содержание вновь избранного огромного числа освобожденных партийных работников осуществляется в основном за счет средств Министерства обороны. Из партийной кассы им оплачивается лишь должностной оклад (кстати, довольно внушительный). А что касается выплат за воинское звание, выслугу лет, вещевое довольствие, медицинское обслуживание, проездные билеты к месту отпуска и обратно, аренду помещений и т. д., то за все платит военное ведомство. Знают ли об этом налогоплательщики?

Не так давно прошла реорганизация политорганов Вооруженных Сил. Вместо них созданы военно-политические отделы и управления с новой структурой и функциями. И что же? А ничего — реальных изменений как не было, так и нет.

Военно-политические органы продолжают вмешиваться в деятельность партийных организаций, а зачастую и руководить ими. Это вызывает серьезное недовольство многих коммунистов и целых парторганизаций. Не так давно одна из первичных парторганизаций аппарата военной разведки на своем собрании приняла решение об отказе подчиняться указаниям военно-политического отдела. Такие вольности в ГРУ не прощаются. Здесь, например, имеется список, в который внесены фамилии «неблагонадежных» офицеров. На каждого из них существует досье, которое постоянно пополняется компроматом. Каждый, кто попал в этот черный список,— первый кандидат на увольнение. Зато угодные командованию люди находятся под надежной опекой.

Словом, военная разведка поражена теми же пороками, что и все наши Вооруженные Силы. Только заметны они меньше — секретность.

Петр АЛЕШКОВСКИЙ

«Старгородцы» Петра Алешковского уже начали свое вхождение в отечественную словесность публикациями в «Литгазете» и «Дружбе народов». Большие и маленькие рассказы, рассказы-анекдоты и рассказы, в которых проходит жизнь трех поколений, трагические и иронические, жесткие и улыбчивые, философские и импрессионистические — все они о Старгороде, вымышленном городе российской глубинки. Молодой, ироничный глаз автора вместил в своем зрачке старых и малых, угрюмых и радостных обитателей этого удивительного места. ...И вдруг оказалось, что именно в этой точке нашего необъятного пространства, где есть свои «легенды и мифы», свои герои, свои святые, жизнь не скучна и не нелепа, как порой нам всем это кажется, а необычайно пестра и полна красок! По крайней мере, так кажется Петру Алешковскому.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЛАДИК КУЗНЕЦОВ

Старгородцы — народ такой. Вряд ли кто-то занимался точным подсчетом эмигрантов из Старгорода, но все знают прекрасно: Москва и Ленинград постоянно пополняются бывшими старгородцами,— и, думаю, процесс этот начался задолго до Октябрьской социалистической революции. Правда, затем отток заметно возрос, особенно после войны Великой Отечественной, сократившей численность жителей этого исконно русского города весьма и весьма значительно. Но об этом рассказывать как-то и неприлично. Вся страна знала о подвигах старгородцев, вся страна в пионерском младенчестве среди имен Лени Голикова и Марата Казея с упоением произносила имя Билляхут Максуддиновой, чьи действия на Черном берегу Озера принесли ей звезду Героя Советского Союза, а после — почетное место в государственных профсоюзах Российской Федерации. Но не станем о тех, кого знают в лицо. Поговорим лучше о неизвестных, о забытых. Имя им легион, и восстанавливать справедливость — дело достойное. Ее и восстанавливают красные следопыты школы № 2 Левобережного района города Старгорода. На их стендах желающий прочтет много познавательно-интересного, посему и отсылаем таковых на улицу Веры Засулич, где в тени тополей стоит типовое здание школы № 2.

Мы же поведем рассказ о герое нашего времени.

Старик Кузнецов, смолоду порвав с породившим его на свет отвратительным миром старгородских дореволюционных лабазников, записался добровольцем в Красную Армию и с той далекой и романтической поры навсегда остался верен зеленому цвету, порядку и принципу единоначалия, дослужившись, после второй уже войны, до чина пехотного полковника. Выйдя в отставку, возвращаться в забытый Старгород он не пожелал и, довольствуясь малым, остался проживать в городе Люберцы, в гарнизонной квартире, выданной ему и его потомству в вечное, пожизненное владение.

Сразу надо сказать, что история умалчивает, где и на каком этапе затерялась на обширных просторах России нашей его единственная дочь Светлана, и, если бы не оставленный старикам маленький Владик, можно б было и вовсе сомневаться в факте ее существования на оном свете. Бабушка Кузнецова не дожила до окончания внуком десятилетки трех недель и была похоронена на Люберецком кладбище без отпевания, на чем, конечно, настоял старый ветеран.

Владик же, слывший в школе вундеркиндом, глубоко переживая бабушкину смерть, тем не менее закончил обучение с золотой медалью, открывшей ему наряду с незамутненным пролетарским происхождением двери в альма-матер — на исторический факультет МГУ имени Михайлы Ломоносова.

Подобно сему высокому студенческому патрону, взявшему штурмом заиконоспасские школы, Владик Кузнецов появился на факультете в одежде весьма простой: в добротных зеленых штанах, вероятно, перешитых из дедовских, в армейской же офицерской рубашке без погон, с двумя вместительными карманами, полными остро отточенных карандашей, перьевой ручкой с обязательными черными чернилами, мелкой пластмассовой гребенкой и льготной сезонкой Москва — Люберцы. В отличие от своих благоустроенных московских сокурсников Владик жил на стипендию в 55 рублей (пятнадцатирублевая надбавка за круглые пятерки) и твердо знал, чего хочет. Тогда как окружающие его снобы, погрязнув в отвратительной роскоши, пропуская занятия, брали штурмом пивняк «У безрукого», Владик четко и методично учил латынь и собирался писать курсовую работу о трактате Катона Старшего «О земледелии».

Многие читатели, конечно же, знакомы с этим сочинением да и с биографией сего выдающегося деятеля Древнего Рима, для тех же, кто еще не успел по ряду обстоятельств прочесть «Биографии славных полководцев» Корнелия Непота или «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (т. 3, вып. 3, СПб, 1891 г.), приведем для сведения сухую, но исчерпывающую справку из Большой Советской Энциклопедии (второе издание, т. 20, Кандидат — Кинескоп, с. 383). Итак: «Катон Старший, Марк Порций (не путать с Катоном Младшим Марком Порцием Уттическим) (234—149 гг. до н. э.) — крупнейший политический деятель и писатель Др. Рима. Происходил из зажиточной плебейской семьи города Тускула. В 199 г. до н. э. был избран плебейским эдилом (см.), в 198 г. до н. э.— претором (см.). В 195 г. до н. э. избран консулом и направлен в Испанию, где подавил восстание местных племен. Участвуя в войне с сирийским царем Антиохом III, К. в 191 г. до н. э. в битве при Фермопилах (не путать с битвой царя Леонида и 300 спартанцев с персами) обеспечил римлянам победу. В 184 г. до н. э. был избран цензором (см.).

Добившись сенаторских должностей, К. выступил защитником аристократич. привилегий. Был крупным земельным собственником и обладателем больших денежных средств. К. выражал интересы той части нобилитета, к-рая перешла к новым формам хозяйства — организации крупных, основанных на рабском труде латифундий с развитым в значительной степени товарным производством. Всей своей деятельностью он содействовал ведению активной внешней политики и расширению римских завоеваний...»

Признаемся честно, мы не попали в число избранных, кому удалось ознакомиться с трактатом начинающего ученого Кузнецова, мы оставались в тени, нам выпала доля наблюдателя. Работа молодого историка (в четыреста пятнадцать страниц!) была незамедлительно отмечена профессурой кафедры и, посланная на ежегодный конкурс подобных работ, по праву принесла Владику первое место и памятный подарок — книгу Иоганна Кляммера «Рим периода упадка империи», свободно продававшуюся тогда на лотках «Академкниги». Не беремся судить о трактате Кузнецова, но знаем доподлинно от близких приятелей Владика, что подобной по длине, содержательности и, главное, написанной ярким, свободным стилем, столь несвойственным нашим отечественным историкам, курсовой работы кафедра не знала, пожалуй, с момента основания. Владику прочили большое будущее — сам старик латинист Троицкий особо отметил перед группой, с трудом заучившей «Экзеги монумент (ум)», виртуозное знание студентом Кузнецовым зубодробительной и так полезной латыни. «Эго-меимихи-ме-ме»,— выразили свое почтение сотоварищи Владику в коридоре. «Ор-рис-тур-мур-мини-н-тур!» — блеснул эрудит в ответ, густо краснея.

Не знаем, обладал ли любимый герой Марк Порций Катон Старший способностью Владика вмиг загораться здоровым румянцем, но думаем, что физическая подготовка полководца соответствовала римским стандартам. Зная, что каждый — кузнец своего счастья, и твердо помня, что в здоровом теле — здоровый дух, юный Кузнецов следовал наставлениям дедушки-полковника, по слухам, заставлявшего пробегать внука ежедневные шесть километров с полной боевой выкладкой. Для чего в заплечный ранец предварительно укладывались отмеренные по весу кирпичи. Владик явно намеревался, подобно римскому герою, прожить по крайней мере восемьдесят пять — ни меньше ни больше.

Завоевав определенную известность, Владик не остановился на достигнутом. Уже один вид его — как сказали бы поклонники западных словечек, имидж — разительно отличал Кузнецова от джинсастых, расхлябанных сокорытников. Всегда подтянутый, но совсем не высокий, в неизменно отглаженных дедовских брюках, в чистой рубахе с узеньким офицерским галуном, коротко стриженный, в простых, прямоугольной оправы очках, с неизменным вместительным дерматиновым портфелем «привет из планового отдела», он даже зимой не надевал ничего лишнего. Только в лютые морозы семьдесят пятого могли припомнить на нем серый простецкий пиджачишко с аккуратными по-воински кожаными заплатами на локтях.

В месячном рейде на овощебазу он неизменно стоял у фасовочного аппарата, и, тогда как другие бесконечно отлучались в фруктовые секции, Владик наполнял пакет за пакетом подмокшей картошкой, неизменно сетуя на условия хранения, делясь с самыми близкими, что его дедушка не для того воевал, дабы сегодняшние жулики разворовывали империю на корню. Зав. секцией, признаемся, был красавец армянин, начинавший как историк в Ереване, но после сменивший свой институт на московский пищевой. «Мои друзья все теперь доктора, кандидаты наук,— откровенничал он,— но я не жалею, третий год на базе — третьи «Жигули» меняю». Надо заметить, что в те архаические времена середины семидесятых отрицательно настроенный студент, почитывая тайком «Гулаг» и ловя от нечего делать в одиночестве позывные «Голоса Америки», был далеко не так политизирован, что нынче. Оппозиционность режиму была ярко выражена, но дальше анекдотов дело не заходило. Не было еще и столь сильного расслоения, и в подмосковной окрестности Люберцы, например, не породили еще знаменитое племя качков, и, думаем — мы, заметьте, первыми высказываем эту гипотезу,— что Владик Кузнецов и положил начало сим прироженным Шварценеггерам, ибо был к тому повод, да и всем известно, что, кроме утреннего бега, Владик ежедневно занимался тяжелой атлетикой по методике, разработанной легендарным дедом.

А повод-случай вот какой. Владик всегда был галантен с дамами. Галантен подчеркнуто, без всякой, заметьте, для себя пользы. Однажды вечером он возвращался с приятелем с занятий и около люберецкого кинотеатра «Рассвет» заметил некрасивую картину. Здоровый верзила из местной, но уже тогда опасной урлы, не вынимая изо рта папиросы, грубо обратился к юной представительнице женского пола: «Ну, что, жопа, пойдем?» Так дословно было передано нам это изысканное обращение. Оттолкнув приятеля, Владик кинулся к верзиле, а, надо заметить, улица отстоит довольно прилично от ступенек кинотеатра. Намерения бежавшего были столь стре-

мительны и неожиданны, что верзила на всякий случай переложил губами папиросу из правого, подветренного, угла рта в левый. Владик затормозил прямо перед ругателем и, не отдышавшись, выпалил: «А ну-ка извинитесь перед дамой». Король урлы, а это был знаменитый Букварь, ныне уже покойный, отступил на полшага и обратился в пространство: «Щас я его буду убивать!» Удар последовал незамедлительно и пришелся Владику по переносице. Залитый кровью Владик быстро поднялся и опять подбежал к Букварю: «Я повторяю, извинитесь немедленно».— Голос его сбивался, похож был на один длинный всхлип. «Не,— опешил Букварь,— я его точно щас буду убивать». Но и второй удар, сваливший Владика с ног, не остудил Кузнецова. После четвертого в дело вмешалась оскорбленная особа — она взяла Букваря под ручку, слегка приобняла за плечо, дабы остудить разбойничий пыл, и сказала: «Пойдем, что ли, ты его и правда убьешь». «А че, и правда»,— согласился Букварь, и они удалились. Владик честно кричал им вслед, требуя извинений.

Рассказавший нам эту историю клялся, что заметил на ступеньках кинотеатра лицо заинтересованного пацаненка, которого признал много лет спустя на фотографии в «Огоньке» в статье, посвященной «Люберам», по специфически оттопыренным ушам. Так что факты, как говорится, неоспоримые.

Но вернемся на первый курс. Кроме общей физической выносливости, презрения к роскоши, усидчивости и целеустремленности, молодой Кузнецов любил заявить о своем простом старгородском происхождении. Он говорил кратко: «Все мои предки землю пахали». Настойчивая отсылка к собственным корням (в середине семидесятых!), не вполне вяжущаяся, правда, с апокрифом дедовского разрыва со старгородскими лабазниками, так прижилась во Владиковом окружении, что дает нам, задумавшим донести до соотечественников жизненные очерки гениальных и вполне обыкновенных людей, так или иначе связанных со Старгородом, право включить в общий цикл поучительную историю кузнецовской биографии.

Как часто бывает, в дело вмешалась любовь. Стрела римского голопятого малыша пронзила Владика сразу после первой сессии. Тут, надо сказать, он не был одинок, более того, поглощенный собиранием материалов о Катоне Старшем, заметил Вареньку К. значительно позже иных сокурсников, к моменту Владикового прозрения уже охладевших к очаровательной, но несгибаемой юной искусствоведке.

Даже матрос Дьяковенко, занесенный в столицу рабфаковским набором с подшефных кораблей Североморской флотилии, будучи в сильном подпитии, пожаловался своему другу Жене Раеву, происходившему из далекого Усолья-Сибирского: «Я ей крутанул буфера, а она фырчать. Гнилая, конечно, фря, но я б ее трахнул». «Это верно, Матрос, не по нашим зубам дамочка»,— глубокомысленно согласился Женя Раев.

После такого замечательного заключения друзья отправились в общежитие биолого-почвенного отделения, в результате коего посещения и случилась знаменитая история с разбитыми окнами и погоней за тетей Клавой-вахтершей в голом виде с разряженным предварительно в стенку огнетушителем. История, как водится, наделала много шуму, в результате чего матрос Дьяковенко, как к разрядке огнетушителя непричастный, отделался партвыговором с занесением в учетную карточку, а Женя Раев, к нечаянной своей радости, был выдворен в родное Усолье-Сибирское, где след его затерялся для нас навеки.

Но, как вы уже догадались, не желая пользоваться сомнительной отсылкой к еще более сомнительному кумиру либеральной интеллигенции — доктору Фрейду, скажу просто, виной всему, конечно же, была Варенька К.

Происходившая из старой московской аристократической фамилии, столь созвучной простому русскому имени Варвара, в конце пятидесятых редкому и, конечно же, несущему смысловую нагрузку элитарности, в нынешние времена поменявшему, увы, свой знакосимвол (или символознак? Нам, к собственному огорчению, приходится иногда прибегать к выспреннему словарю академистов вовсе, да поймет читатель, не из-за скудости родного и неисчерпаемо богатого языка, а скорее из-за упрямого следования тут же возникающей напевности интонации), итак, имя в нынешние времена... Да вы и без того, без ученой этой ерунды, все уже поняли, не так ли?

Варенька К... Рыжая, как огонь, стройная, спортивная, блестящая гимнастка, немного балерина, существо, притягивающее взор, манящее кокетливыми зелеными глазами, и... конечно же, начитанная, свободно говорящая по-французски и играющая на фортепьянах. Наделенная недюжинными талантами и острой памятью, она, оказавшись раз на лекции по истории КПСС рядом с Владиком, семнадцать раз подряд (!) выиграла у него в слова и четырежды — в морской бой. (Лекции были спаренными, так что времени как раз хватило.)

Владик был уязвлен в самое сердце. Варенька торжествовала победу. Владик стал виться веревочкой. Подносить портфель. Да-да, как в пятом классе школы. Подавал пальто. Рыл землю и бродил допоздна под окнами большого профессорского дома недалеко от университета. Нет, домой он не допускался.

Страдал ли он? На этот счет ходили разные версии — некоторые, завидуя, говорили, что Владик ищет дешевой популярности, но нам кажется иначе. Тем более что у историков курса, вероятно, сохранились неисчислимые страницы любовной лирики Кузнецова, ходившей по рукам и, конечно, достигавшей хорошеньких ручек В. К. Заметили ли вы, что инициалы двух сторон совпадают? Этот факт почему-то внушал Владику наибольшую уверенность в победе.

Количество стихов росло в геометрической прогрессии. Особенной славой у злоязыких эстетов пользовались: «О ты, чьи волосы, как огнь костра, прекрасны», где «прекрасны» рифмовались поочередно с «напрасны», «ужасны», «красны» и «ясны»; «Как полководец перед битвою отважный» и более позднее «О, куртизанки римские»... (Тут заметим в скобках, что Владику не отказать в даре провидения: Варенька ныне, выйдя замуж за левого радикала Витторио Мачини, живет в Риме, где, по слухам, преподает в иезуитском колледже русскую грамматику.) Матрос Дьяковенко был в числе немногих, кто, покровительствуя Владику, находил его стихи красивыми, но никчемными.

— Старик, не даст она тебе, я точно знаю,— говорил он Владику, приглашая его в гости к биолого-почвенницам.

Владик всякий раз отнекивался и направлялся прямиком под окна своей избранницы и Музы. Насмешек он как бы не замечал. Он умел бороться с общественным мнением — терпеливо приучая всех, или почти всех, к мысли о своей правоте; он-таки приучил всех, или почти всех, и когда место под окнами занял новый безумец с мехмата, к тому же обладавший папиной «Волгой», кстати сказать, тоже отвергнутый и так и не допущенный на порог, большинство на курсе открыто сочувствовали кузнецовскому горю.

Тогда-то Владик и засел за курсовую, не вылезал из библиотеки, целиком погрузился в трактат Катона Старшего «О земледелии» и породил уже упоминавшиеся четыреста пятнадцать бриллиантовых страниц.

Лето после первого курса прошло под знаменем истории с газетой.

Курс отправили в археологическую экспедицию, где, по свидетельству очевидцев, Владик заслужил почетное звание «Бульдозер», срывая древние славянские курганы, не брезгуя при этом никакой работой. С удовольствием стоял он на отвалах, мерно двигая пустую землю, и там-то, на отвале, заработавшись, неожиданным ударом лопаты срезал себе кусочек кожи на большом пальце левой ноги. Это событие случилось на глазах у многих, так что свидетели, слава Богу, имеются. Крови на пальце выступило чуть-чуть, но, видно, сам неожиданный, коварный удар напугал, а точнее, обескуражил молодого Кузнецова. Сперва он покраснел как маков цвет, но тут же принялся белеть, белеть и, окончательно белый, упал в обморок. Отвратительная беспомощность длилась считанные секунды, но стыда было Владику не обобраться. Выдержка подвела его — вконец уничтоженный, он убежал в кусты и, вероятно, даже проплакал там от обиды, ибо, появившись к концу дня у грузовика, возившего студентов в лагерь, Кузнецов имел опухшие глаза, ярко-бордовые щеки и побитое выражение лица.

С этого момента начинается иной Владик Кузнецов.

С этого момента никому, даже вполне профессиональному матросу Дьяковенко, никогда (!) не удавалось перепить Владика Кузнецова. Владик поглощал алкогольные напитки... О! Как он это делал!.. К концу практики цвет лица его все больше отдавал в фиолет, но и только-то — каждое утро Владик вставал всех раньше, чистил зубы, делал гимнастику и принимался за бег. С потом выходило ночное похмелье, и днем Владик опять махал лопатой, теперь уже внимательно оберегая ноги дедовскими сапогами. Пристрастие к военной форме, вообще-то модной среди студенчества, но модной именно расхлябанностью, не по-военному нацепленной, было не для Владика. Он надевал зеленое, затягивал ремень и портупею, крутил лихо портянки и с позорного момента кровопускания не расставался с тяжелыми сапогами, на которые рачительный дед прибил отвратительно цокающие подковки.

Выпив, Владик любил порассуждать о победах русского оружия — кроме дорогих сердцу римлян, он любил еще и Суворова, и особенно маршала Жукова, под началом которого служил обожаемый дед. При этом почему-то любил Владик и Гитлера и выработал себе странное довольно приветствие — почти по-нацистски вскидывал руку при встрече, обязательно добавляя звучное «Хайль». Подобное поведение, конечно, придало ему скандальной популярности, но Владик оставался по-прежнему демократичным в работе, по-прежнему геройствовал в попойках и однажды, заметая следы очередного кутежа на первый попавшийся лист бумаги, здорово просчитался. Экспедицией, надо сказать, руководил профессор Локотов — большой педант и зануда, трагически пострадавший в последней войне. Девятого мая сорок пятого года фаустпатрон пацаненка из «Гитлерюгенда» попал в его танк, и будущий профессор лишился всего экипажа и правой своей руки. Увечье сделало его нелюдимым, возможно, способствовало усидчивости, и к середине семидесятых этот честный по-своему вояка был уже профессором, главой направления и особо прославился тем, что всегда в своих текстах заменял заимствованное словцо «керамика» на более звучное и простое сочетание — «обломки горшков».

Владик, будучи в сильном подпитии, но крепко стоящий на ногах, выносил мусор на помойку. В дверях здания, а это была простая сельская школа, он, не рассчитав, столкнулся с выходившим профессором. Капли красной жижи из обязательной в рационе выпивающих камбалы в томатном соусе забрызгали профессору брюки. Пустая бутылка больно ударила по ноге. Владик поспешил было ретироваться, но был зажат в угол разъяренным археологом.

— Это — что? Это что такое? — Бывший танкист почти в нос совал Владику лист бумаги, оказавшийся прошлогодней стенгазетой. Ленин, глядевший из ее середины, был лихо порезан ножом — Владик делил луковицу — и омерзительно закапан все тем же въедливым соусом.

Дальше случилось непредсказуемое: Владик, рассерженный ли бесцеремонностью, комплексующий ли от зажатия в угол или просто находившийся в мрачном духе от принятого, вдруг оттолкнул светило науки о черепках и внятно и громко сказал ему: «А пошел-ка ты на крен...»

Бывший танкист, надо сказать, спасовал перед таким морским ругательством и отступил — Владик же, с ревом просунувшись в возникшую брешь в обороне, бежал к себе на кровать, гневно процокав по кирпичному полу дедовскими подковками.

Результатом явилось персональное дело комсомольца Кузнецова. Надо сказать, что комитет комсомола истфака хорошо и давно знал коммуниста Локотова — профессор любил персональные дела, привозя их с летней практики иногда пачками. Так что исключение, на котором настаивал бывший танкист, не состоялось — Владику впаяли выговор.

Кузнецов прокомментировал его непечатным выражением, выказывая свое отношение к подобным процессам.

Событие сие, видимо, окончательно отвратило Владика от науки. Марк Порций Катон Старший, живший так давно, был забыт окончательно. Владик целиком ушел в заботы по созданию собственной партии. Приветствие и форма были выработаны, идеология являла собой невыразимую смесь катоновского высокомерия, простоты и прямолинейности, суворовского (по Кузнецову) патриотизма и гитлеровской нелюбви к евреям и армяшкам. Их, надо сказать, Владик научился не любить по подсказке матроса Дьяковенко, ушедшего к тому времени на кафедру истории КПСС. Североморец никогда не скрывал, что, кончив истфак, собирается вернуться на родимый флот, где с синим весомым поплавком рассчитывал хорошо пристроиться по партполитчасти.

Владик же выбрал борьбу. Уважая заветы дедушки, он тем не менее сетовал в своем кругу, что старик не все понимает как надо. Владику было мало суровой правды, он, как и любой другой русский человек, жалел подъяремного крестьянина и, мечтая о раскрепощении его, строил планы по созданию партии нового типа.

Вокруг него появились два телохранителя — Коля Большой и Ступнин (из бывших подмосковных дворян), невесть откуда, невесть с каких факультетов им отысканные. Эта троица располагалась теперь завсегда в университетской пивной и агитировала бесстрашно (и ведь это не теперь — в середине семидесятых!) и, бывало, отстаивала свои аргументы кулаками. У Коли Большого, надо отметить, и кулаки были большие.

Что теперь удерживало Владика на факультете? Кажется, только одно — военная кафедра. Да-да, такой уж он был — вечно плывущий против течения, энергичный и упрямый.

Припоминается такой случай.

Группа студентов во главе с майором Бородиным, известным либералом, где-то высоко летавшим, но после проштрафившимся (говорили, что майорская звездочка — его потолок), отличным военным переводчиком, замеченным даже в чтении Сэлинджера на английском (!) в метро, при подъезде к университету,— так вот, группа студентов, как всегда, расположилась слушать рассказы майора о его необычайных путешествиях по свету. Делалось это всегда

одним проверенным способом. Вместо того, чтобы зубрить скучный текст об американских ракетах «Минитмен» и «Поларис», кто-нибудь из любимчиков задавал, например, такой вопрос: «Товарищ майор, а вы не знаете, подводная лодка видна с самолета?»

Майор Бородин всегда откидывался на стуле, изучал аудиторию и, видя, что все действительно намерены слушать, начинал приблизительно так: «В Красном море, дорогие мои, есть такие гигантские ракушки (далее следовало незапоминаемое латинское название). Так вот... когда вы плывете, допустим, на небольшом десантном катере, то вид такой лежащей на дне ракушки очень походит на абрис подлодки противника, идущей под перископом, с борта, допустим, патрульного вертолета».

Так было и в тот раз — аудитория напряженно слушала рассказ майора об отличительных чертах эфиопок (в сравнении с сомалийками), когда в одном пикантном месте рассказ был прерван мерным бумканьем строевого шага. Кто-то тренировался в коридоре. Этот кто-то начал издалека и, кажется, приближался.

Как гурман недоуменно поводит глазом в поисках неподанного к жареным улиткам соуса из чеснока с майораном, так приблизительно изобразил неудобство от шума деликатный майор Бородин. Грохот шагов меж тем увенчался командой «приставить ногу» с громким последним щелчком каблуков. Далее глубокий Владиков голос чеканно произнес из-за двери: «Товарищ майор, разрешите войти?»

Майор Бородин немного приподнялся над стулом и, озабоченно глядя на дверь, ответствовал близко к уставному: «Войдите, разрешаю».

Дверь резко открылась, Владик зашел, нет — вошел в дверь, педантично закрыл ее за собой и, тяня носок, отщелкав пять метров, замер перед стулом преподавателя.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Да-да, конечно.— Бородин уже не хотел продолжать игру.

— Товарищ майор. Товарищ полковник Передистый просил меня информировать вас о том, что звонила ваша супруга и просила вас позвонить домой после окончания пары. Разрешите идти?

Лишь когда звук сапог растворился в тиши коридора, майор отважился спросить:

— Кто это?

— Кузнецов,— хором рявкнула аудитория.

— Ну-ну.— Майор покачал головой и вскоре продолжил свой познавательный рассказ.

Мы бы могли еще долго повествовать о Владике. Но трагедийность ситуации в том, что нельзя, нельзя ни в коем разе сползти нам в анекдот, вляпаться в несерьезность — слушайте, мы же доносим реальные данные о реальном лице, и это должно как-то даже возвысить момент. Поэтому будем коротки. Конечно, всегда есть в запасе разные случаи из его биографии — обширной и нетривиальной, и как тут не вспомнить о лагерях.

Сколь много удивительного фольклора порождают лагеря! Одна только песня: «Мы за мир, но наши автоматы не дают забыть, что мы — солдаты!» Одна эта песня, зародившаяся где-то в окопе полного профиля под скрежет наезжающей БМП «синих»... Эти песни, эти песни, все они — часть одной системы...

Ну да ладно, вернемся к Владику. Вспомним, как он опоздал на сборы. Опоздал, имея право на опоздание,— группа древнемирников ездила отдавать студенческий привет содружественным лейпцигским театралам. Наши ребята получили по такому случаю официальное разрешение от самого начальника военной кафедры опоздать на три дня, третий — день приезда в столицу, но Владик... Он сбежал с вокзала, он добрался до места дислокации палаточного городка немедленно. Он даже не заехал к дедушке. Он так спешил, что, боясь пропустить поезд, не стал искать парикмахерскую и, воспользовавшись поездным туалетным зеркалом, стоя в тряском сортире, безопасной бритвой, насухую, оскоблил себе голову! Попробуйте-ка сами повторить этот спартанский поступок. Голова курсанта Кузнецова... Господи, да когда матрос Дьяковенко под общий хохот добривал бедного мученика в палатке... непохмеленная рука североморца дрожала, а в глазах застыли ужас, отвращение, сострадание — как это все передать, нет, никак этого не передать словами. Владик скрипел зубами — он молчал, рука Матроса дрожала, но больше порезов не нанесла — она оказалась очень ласковой, эта видавшая виды рука.

Но дальше, дальше, читатель, вы нам не склонны верить, мы чувствуем это, отсюда и постоянные ссылки — есть, есть свидетели, их — целая рота, да что там — батальон! Ибо кто не знал на сборах, как с первого же дня прибытия в часть боролся Владик за место почтальона. Как раньше всех вставал, бежал к шлагбауму, брал скатанные в рулон газеты и доносил их бегом до офицерской комнаты. Ибо... Вы догадались? Вы не догадались, держим пари,— Владик радел за место ради ефрейторской должности, ради права нашить на чистый погон одну золотую полоску, ради права сравняться в строю с ветеранами. Не важно, что после сборов всем без исключения присваивались две лейтенантские звездочки. Не важно! Владик следовал заветам деда, Владик... У кого поднимется рука... кто посмеет назвать его непоследовательным, да и где сегодня найти примеры такой стойкости? Где? Старгородцы, они такие — надеюсь, вы понимаете меня?

А случай с генералом? Случай с генералом-инспектором, что приехал в расположение части, с генералом, которого ждали два дня и две ночи. И оба эти дня, самую жаркую часть суток, Владик стоял у грибка, стоял на посту, добровольно вызвавшись нести бремя, тяжкое бремя солдатской службы. Он мечтал быть замеченным. Он мечтал, но (правда! Правда! Правда!)... желудок подвел его — он нашел подмену, на пять минут! Но их-то и хватило. Владик из кустов наблюдал за генералом, он смотрел, как генерал в окружении свитских офицеров беседует с подменившим его Мелконяном, с Артурчиком Мелконяном, проигравшим матросу Дьяковенко «подсменку» в тюремное очко. Владик стоял в кустах и,

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА.

по свидетельству очевидцев, жрал ногти. Начальству донесли о его переживаниях — Владик был особо отмечен на последней линейке и, возвращаясь домой в электричке, был излишне возбужден.

А как Владик наказал боксера академика Бойцова? О, это особый случай! На последнем курсе Владик подобрал где-то около «Безрукого» дворняжечку. Она была уморительное существо, привыкшее допивать пиво за сердобольными клиентами этого университетского заведения, умела стоять на задних лапках и, видимо, когда-то имела косвенное отношение к болонкам. Имя притом собачка получила крепкое — «Туз». Пытающиеся сюсюкать, называть его Тузик или Тузичек получали решительный отпор — мощный горловой голос Кузнецова прерывал их немедленно: «Собаку зовут Туз, ясно?» После чего из-за Владиковой спины обычно выставлялся Коля Большой, и... все кончалось мирно или не очень мирно, смотря по обстоятельствам.

Итак, Владик стал обладателем Туза, семенившего за хозяином повсюду и преданно дожидавшегося своего властелина на газончике около здания гуманитарных факультетов. Они были неразлучны. Они ездили в электричке домой — для Туза был заведен специальный рюкзачок, транспортный рюкзачок, из которого высовывающаяся мордочка всегда пожинала аплодисменты окружающих дам, и никогда, заметьте, никто не сказал ничего предосудительного об этом замечательном существе.

И вот случилось же такое.

Владик прогуливался около главного здания МГУ по каким-то своим нуждам вместе со спокойно семенившим Тузом. Параллельным курсом прогуливался академик Бойцов — основоположник советской индологии, выводящий происхождение славян из недр Индостана. Академик находил тому много доказательств. Интересующихся проблемой всерьез позволим себе отослать к его научным трудам, список коих помещен на последних страницах памятного сборника «Академику Бойцову 80 лет». Итак, ничто не предвещало трагедии. Хозяева и собаки шли на сближение, как вдруг громадный боксер Прана академика Бойцова в один прыжок подскочил к бедному Тузу и, представьте себе, без предварительного обнюхивания перекусил малышке лапку. Владик, как рассказывали очевидцы, не растерялся. Он бросился к университетской изгороди, вырвал копье — да-да! — чугунное копье изгороди (плохо ли было оно приварено, хорошо ли — не спрашивайте нас, мы не знаем), только... Этот воспитанный в римском духе солдат не дрогнул — боксер был проткнут, наказан и издох тут же, на руках у онемевшего сперва академика. Далее академик бежал, бросив на поле боя бездыханный остов любимого пса, за ним до самого подъезда бежал тяжеловооруженный гоплит, размахивая окровавленным копьем, кое потом в припадке справедливой мести сокрушило ни в чем не повинную телефонную будку.

Что сказать больше? Туз после этой истории куда-то сгинул — нам неизвестна его дальнейшая судьба, знаем только, что Владик очень переживал пропажу.

Вообще на последнем курсе Владика преследовали несчастья. Перед самым дипломом в госпитале ветеранов войны скончался старый Кузнецов-дед. Владик остался один в двухкомнатной люберецкой гарнизонной квартире. Смерть деда он пережил тяжело — ездил летом на шабашку и поставил деду памятник с пятиконечной звездой, как тот просил и как полагается ветеранам всех сражений советской истории. Диплом он защитил уже кое-как, после смерти деда он, говорили, крепко запил, отработал по распределению несколько месяцев в люберецкой школе, но был выгнан по печально известной всем инакомыслящим тех лет статье «о профнепригодности».

Потом след его надолго затерялся. Кто-то, встречавший его, говорил нам, что Владик приходил в военкомат — просился в Афганистан, причем предлагал тамошним военным свой план ведения боевых операций, но не прошел медкомиссии. Где-то он мыкался все эти годы, как историк, конечно, не работал. Видели его в начале перестройки на Пушкинской площади — одного, в толпе, яростно спорившего с наседавшим людом. Видали, да побоялись подойти.

Последним, кто общался с Владиком Кузнецовым, был Большой Коля, работающий теперь зам. директора по культуре в Новой Третьяковке.

По его сведениям, почерпнутым из захода на Богоявление в Вешняковскую церковь (вообще-то Коля ходит ко Всем Святым на Соколе, в Вешняках же проживает его теща), Владик работает там пономарем.

Он похудел, осунулся, ходит в простеньком пиджачишке и вечных сапогах, не бреет бороды и усов, отпустил шевелюру, выпивает, но умеренно (по определению Большого Коли), и собирается в ближайшие месяцы в Печоры, поучиться у тамошних звонарей старинным звонам.

БЛАГОДЕТЕЛИ РОССИЙСКИЕ

Благотворитель — благодетель... творящий, делающий добро другим.
В. И. Даль

При слове «благотворительность» из исторической памяти выплывают слова «погром», «голод», «разруха».

Но далеко оглядываться не надо.

Все здесь, рядом. И крики о помощи, и палатки несчастных на улицах и площадях, и нищие в подземных переходах. Да и просто бедные, в городской многоэтажке или деревенской хибарке, живущие от зарплаты до зарплаты, от пенсии до пенсии.

Случается, их бесплатно кормят, одевают, помогают лекарствами.

Тут задумываешься об унижении, которое должны испытывать эти люди, и о том, что сам никогда не хотел бы оказаться на их месте.

«Я раньше тоже так думал, — сказал мне Михаил Борисов, — будто обижаю людей. Представилось, как моя мать стоит за бесплатной похлебкой... Заблуждение прошло после первого благотворительного обеда. Вы бы видели, как люди счастливы и благодарны! Им дорого, что они не забыты, не брошены в яму...»

Мой собеседник — директор московского кафе «Бережки». Кафе государственное. Это Михаил подчеркивает, убежденный в том, что полное разрушение госторговли гибельно для людей. В «Бережках» уже второй месяц раз в неделю кормят бесплатными обедами. Каждый четверг около 100 человек приходят. Кто они: беженцы, сироты, бомжи?

Москвичи. Жители Киевского района.

Разве и там были погромы?

Директор кафе рассказывает о том, как однажды пришел в Киевский райсобес и ужаснулся нищете и беспомощности этого богоугодного заведения. Заглянул в списки страждущих и в замученные глаза работников райсобеса. Безнадега полная. Полторы тысячи несчастных, пустая касса конторы. Решил начать с жителей, чей доход не превышает 100 рублей в месяц: после павловской подлой «реформы» эти люди, в основном старушки, одинокие и неприкаянные, из сумерек бедности погрузились во мрак нищеты.

Пришли, не веря счастью, многие, но не все.

Лежачим разносил по домам обеды другой участник «акции» — Владимир Коротков, председатель Лиги христианских предпринимателей России.

С Борисовым и Коротковым мы сидим на веранде ресторана московского сада «Эрмитаж». Еще присутствуют директор-менеджер фирмы «УЛИСС» Виктор Кулецкий, президент Международной академии гармонии Аркадий Бугаев, директор сада «Эрмитаж» Андрей Кебал, гражданин Франции Игорь Глиэр, пакистанский бизнесмен Шах Наваз.

Что объединяет этих разных людей: стремление помочь ближнему, желание прославиться или мечта разбогатеть?

Вопрос мой, впрочем, вполне деликатен: вот на Западе, слышал я, коммерсант, который занимается благотворительностью, никогда не в убытке. Репутация фирмы дороже денег. Это правда?

«Вы правы, — замечает г-н Глиэр, — у нас это именно так».

«Вы правы, — замечает г-н Коротков, — но у нас все наоборот. Сегодня, к сожалению, добрая репутация еще ничего не стоит».

Мы собрались потому, что благотворительность добралась и до «Эрмитажа». В тот июльский день здесь было много старых людей с пригласительными билетами. Дрожащими ручками они протягивали их и проходили в уютный зал, где столики с белоснежными скатертями, и музыка, и песни, и вежливые официанты разносят невиданные кушанья, и батюшка из ближайшего храма освящает гостеприимный дом.

Чувство стыда перед этими старушками, их робкими улыбками и тревожными глазами — стыда безотчетного и оттого особенно мучительного.

Г-н Шах Наваз рассказывает о своей идее открыть в Москве пакистанский ресторан. Часть прибыли пойдет на благотворительность.

Г-н Бугаев рассказывает о помощи христиан всего мира нашей стране, о бесплатных посылках с едой и одеждой, о грядущем «слиянии в общее дело» его организации и Лиги христианских предпринимателей.

Г-н Коротков рассказывает о том, откуда берутся деньги на благотворительность. У христианских предпринимателей есть совхозные земли, куда будут поставлять семена и новую технологию благотворительные организации из Голландии, Германии, Англии, США. Голландцы обещают и новейшее оборудование для больных детским церебральным параличом — таких в России около 100 тысяч. Есть отвод земель в Теплом Стане и надежда построить больницу, и замечательный хирург Журавлев во главе ее.

Г-н Кебал рассказывает о планах по возрождению сада «Эрмитаж».

Г-н Глиэр обещает в ближайшее время создать в Париже культурно-благотворительную Ассоциацию, что позволит официально обращаться за помощью к политикам и финансистам Европы и ожидать не только продуктов и лекарств, но и системы производства и технологий для страны.

Игорь Глиэр — потомок Третьяковых и Боткиных, давний московский театрал, эмигрант «третьей волны» к родне из «волны» первой. Для него меценатство — дело семейное, кровное. Мечтает помочь возрождению столичных театров...

Сколь ни скромны мои познания в коммерции, рискну предположить, что этих людей ждет успех. Более того, связываю с их деятельностью смутные надежды на возрождение России. Сегодня в обществе идет жесткое расслоение: богатые быстро богатеют, бедные стремительно нищают. Растет социальная напряженность. Благотворительность — робкий шанс на спасение, на выравнивание искривленного социума, на то, что меньше будет у нас людей, доведенных до последней черты.

Мои собеседники, кажется, понимают не только это. Они коммерсанты и пекутся о своем благе, но в отличие от многих добры душой и неблизоруки. Пусть сегодня репутация предпринимателя почти ничего не стоит. Завтра будет иначе. Деньги потекут к тем, кто раздавал их: имидж фирмы и личная порядочность станут и у нас цениться на вес золота. Нравственность выгодна — мысль старая, но хочется повторять ее вновь и вновь. Да и богатство — разве не от Бога и не для блага оно?..

Илья МИЛЬШТЕЙН

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ЛИНИИ И ЦВЕТ

Что объединяет писателя и художника в книге? Попытка: первого — заинтересовать словом, второго — оформлением. И если имя Игоря Северянина известно всем, то о взявшемся иллюстрировать его книгу «Кубок» ленинградском художнике Юрии Люкшине этого не скажешь. И тем не менее его попытка оказалась удачной и обернулась Золотой медалью на Международной книжной выставке 1989 года в Лейпциге. Книга увидела свет в конце 1990 года в издательстве «Книга» и тут же разошлась — на пути от типографии к прилавку. С тех пор Люкшин проиллюстрировал сборник рассказов А. П. Чехова, пока не вышедший. Но главным он считает иллюстрации к шедевру карело-финского эпоса — «Калевале». «Успех — это результат отброшенных находок»,— обмолвился как-то Пикассо. У Юрия более 100 листов к «Калевале», раза в три больше набросков, и, главное, трудный поиск длиной в десяток лет. При всей мощи и экспрессии линий художник тонко использует цвет, где нужно, активизируя или смягчая его действие. Создав большую серию станковой графики на тему «Калевалы», он продолжает работать над ней и ищет издательство, которому под силу было бы использовать столь масштабный материал.

Георгий КОВАЛЬЧУК

МАСТЕРСКАЯ

Юрий ЛЮКШИН.

ПРАЗДНИК. Из цикла «1000-летие крещения Руси».

Иллюстрация
к книге И. Северянина «Кубок».

АЙНО-РЫБАК.
Иллюстрация к «Калевале».

ОРЕЛ ВЯЙНО. Иллюстрация к «Калевале».

ТЕЛЕ МАРКЕТ

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
1-й экз. лично директору
2-й экз. в отдел сбыта
3-й экз. в отдел снабжения

ИНСТРУКЦИЯ К ПОЛЬЗОВАНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ БИЗНЕС-СИСТЕМОЙ «ТЕЛЕ-МАРКЕТ»

1. Система скоростного автоматического маркетинга «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» предназначена для снижения потери времени и матзатрат при организации сбыта широкой номенклатуры товаров и любых оптовых и мелкооптовых сделок купли-продажи. Для подключения к системе необходим телефон.

2. Арендовав место ПРОДАВЦА в системе «ТЕЛЕ-МАРКЕТ», необходимо сообщить системе спецификацию предлагаемых к продаже товаров, после чего вы регулярно будете получать по телефону в речевой форме информацию о конкурентных предложениях по приобретению. Номенклатура предложенных вами товаров может быть гибко изменена.

3. Канал системы открыт для вас круглосуточно и нацелен на поиск продавцов и покупателей по всей стране. Между потенциальными партнерами отсутствуют какие бы то ни было посредники, кроме электронных. Вся информация кодируется для сохранения коммерческой тайны.

4. Обратиться в систему «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» с предложением о ПОКУПКЕ того или иного товара еще проще: вы просто передаете в систему заявку на товар — и получаете пакет предложений. Быстродействие системы индивидуально в каждом конкретном случае и колеблется от десятков минут до нескольких часов.

5. Напоминаем, что весь обмен информацией производится по телефону, что исключает необходимость обучения пользователя. Система рассчитана на самого неподготовленного торговца и способна чрезвычайно расширить возможности профессионала.

6. Примерная номенклатура предлагаемого товара и спроса на сегодняшний день периодически публикуется в центральной ежедневной прессе.

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ СИСТЕМЫ «ТЕЛЕ-МАРКЕТ»:

Для желающих арендовать место ПРОДАВЦА все справки — по телефону (095)166-21-12, факсу (095)117-26-30. Письменные сообщения — по адресу: 109280, Москва, Автозаводская ул., 5, а/я 801.

Для тех, кто намерен пользоваться нашими услугами в целях ПОКУПКИ, просьба обращаться непосредственно к обслуживающему систему роботу по телефонам (095)972-59-08, 972-59-38, 972-59-18, 972-59-48, 972-59-28.

УЖЕ ДВА МЕСЯЦА «ТЕЛЕ-МАРКЕТ» — В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ!

ЭСКАРТ

Обозреватель журнала «Огонек» Анатолий ГОЛОВКОВ беседует с премьер-министром России

Иван СИЛАЕВ: «ДОВЕСТИ НАЧАТОЕ ДО КОНЦА»

Утром 20 августа, когда бригада огоньковцев засылала в набор материалы о начале государственного переворота, никто не мог предположить, что пройдет совсем немного времени и путч будет подавлен. Готовились к самому худшему. Упаковывали документацию. Прятали архив. Были убеждены, что если хунта и прохлопает наши публикации в 35-м номере, то уж типография, подчиненная ЦК КПСС, печатать их не станет. Однако судьба, слава Богу, распорядилась иначе.

Не думалось и мне, что всего через два дня доведется встретиться с живым и невредимым Иваном Степановичем Силаевым в его кабинете на Краснопресненской набережной, вспомнить подробности событий. Глава российского кабинета министров выглядел усталым, но все-таки счастливо улыбался. 22 августа пришла победа. На площади Свободной России только что отшумел митинг, на который, казалось, пришла вся Москва. Теперь там убирали мусор. На первом этаже Белого дома «афганцы» из отрядов самообороны подсчитывали деньги, собранные для семей погибших. Часы показывали 14.30.

— Иван Степанович, известно, что вы были в составе делегации российского руководства, которая летала в Крым вызволять из осады Президента Михаила Горбачева. Какое впечатление произвела на вас эта встреча?

— Радостное, по-другому и не скажешь. Мы обнялись. Михаил Сергеевич сказал: «Знаю, знаю, о чем вам хочется меня спросить... Да, произошел государственный переворот во главе с горсткой авантюристов. Они заслуживают самой суровой кары». Президенту пришлось нелегко. Я бы сказал, что драматизм ситуации, в которой он оказался, достиг апогея 21 августа, где-то около 11 часов утра. Когда мы узнали, что подготовлены два самолета во Внукове, на которых заговорщики собирались полететь к нему. Мы тоже предполагали к вечеру добраться до дачи Президента, но теперь откладывать поездку было нельзя. Опасность заключалась в том, что, не добившись успеха ударом в лоб, члены ГКЧП уже не остановятся ни перед чем, чтоб удержаться у власти. Над Горбачевым нависла смертельная угроза.

Ему и до этого дня было морально тяжело. Он не сдавался: писал распоряжения, протестовал, волновался за семью. Михаил Сергеевич, волевой человек, конечно, переживал и за семью, которая была рядом. За Раису Максимовну. У нее от нервного потрясения была частичная потеря речи, парализовало руку. Врач делал все, что мог, но, когда мы встретились, она была неузнаваема. Ходить не могла, ее поддерживали за руки... Только в самолете по пути домой стала как-то отходить...

— Имелись ли какие-то основания у Янаева и других утверждать на всю страну, что Президент серьезно болен?

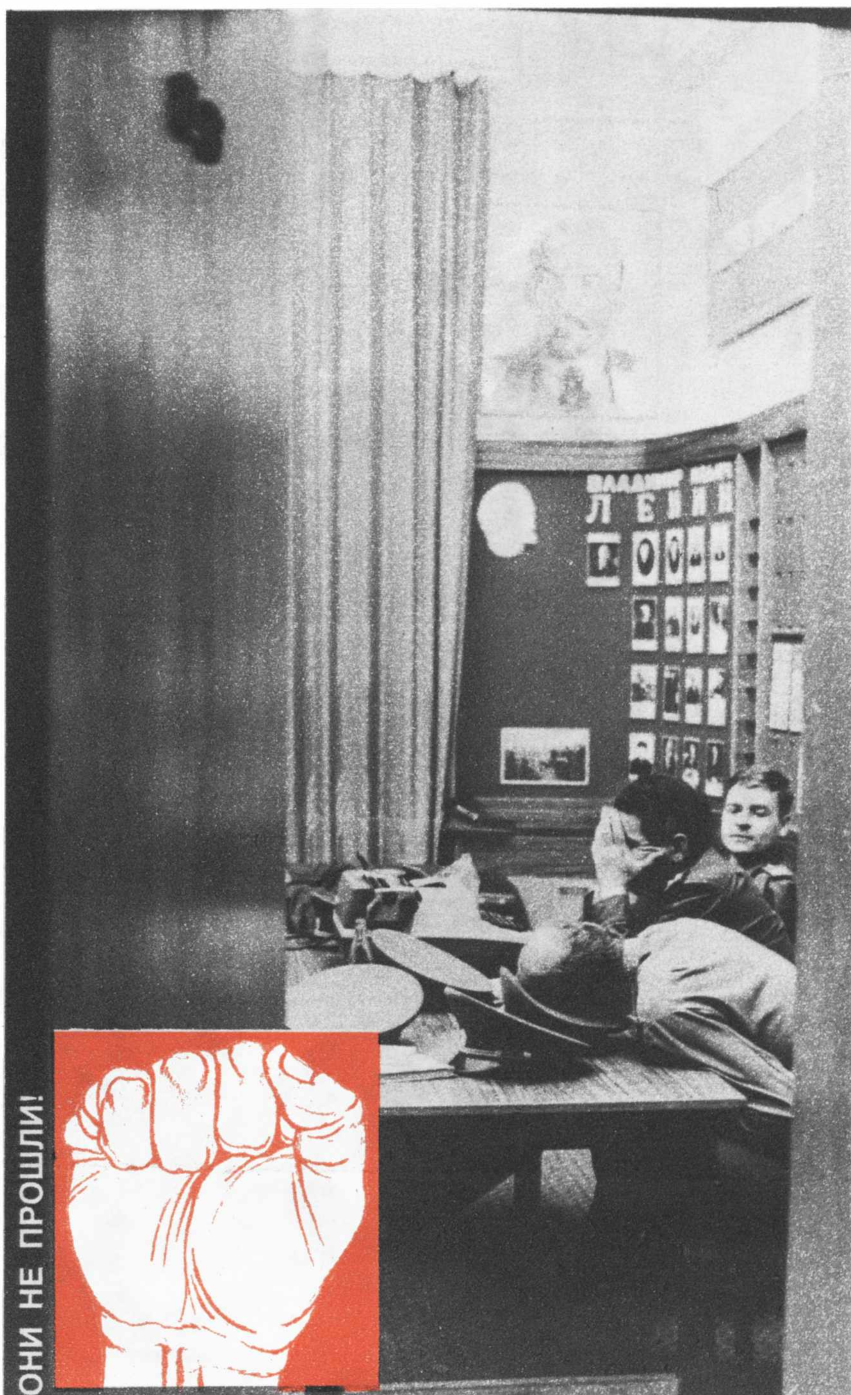
— Основания?! Мы встретили Михаила Сергеевича в полном здравии. Он вообще-то человек активный, на отдыхе каждый день совершал прогулки по 5—6 километров. Незадолго до осады повредил себе ногу о камень, похромал денек. Может быть, это путчисты и сочли за «тяжелую болезнь»...

— Как вы полагаете, мог ли Президент знать о готовящемся перевороте?

— Когда мы возвращались в Москву, было достаточно времени, чтобы поговорить. Выпили по рюмочке винца (при этом Горбачев поднял тост за Бориса Николаевича). Я сказал ему: «У вас была прекрасная возможность упредить события. Вы должны были понять, что готовится переворот». При всех положительных качествах у Горбачева есть такой недостаток — он слишком верит людям. Веришь — хорошо, но надо и разбираться... И делать для себя выводы. Вы посмотрите, ведь заговорщики — это почти все его друзья. Начиная с Янаева, кандидатуру которого на пост вице-президента он дважды отстаивал на съезде. И все остальные... Я хорошо знаю Бакланова, Тизякова, других деятелей военно-промышленного комплекса. Это люди в высшей степени непорядочные, ограниченные... Что ж, Президент достаточно наказан, его предали как раз те, кого он усиленно продвигал по служебной лестнице, кому доверился. Вот Стародубцев... Это апологет коллективизации, который ненавидит нас за то, что мы приняли закон о частной собственности на землю. Он проклинал, угрожал в открытую, организовывал травлю против нас. Все эти люди не столько пеклись о благополучии народа, сколько боялись потерять реальную власть после подписания Союзного договора. И решили рискнуть... Так что я не согласен с теми, кто обвиняет Горбачева в том, что он не предотвратил заговор. Конечно, если б он внимательней проанализировал политическую ситуацию, начиная с Литвы и кончая фактическим путчем на Верховном Совете, то сумел бы сделать правильные выводы. В итоге он жестоко поплатился за ошибку, она могла стоить ему жизни. Но не забудем, что этот человек все-таки открыл новую эру в нашем обществе — эру перестройки. Он бы мог этого и не делать. Ни у кого из прежних генсеков не хватило мужества остаться в привилегированном положении и пойти против всех. Сегодня обвинять Горбачева кощунственно, поскольку заговор был направлен и против него самого. Когда мы встретились в Крыму, Президент сказал, что предательство «восьмерки» глубоко потрясло его и что он сделает самые глубокие выводы.

— Если бы перед вами оказался выбор, какую меру наказания вы определили бы, скажем, Крючкову?

— Я думаю, что Крючков заслужил смертной казни, которая у нас пока еще не отменена. Ведь переворот — это государственное преступление. По-человечески любой, кто пережил путч, вправе требовать высшей меры для бывшего главы КГБ. Я, между прочим, работал с Крючковым несколько лет, когда он был заместителем председателя КГБ в технической области, были контакты... Но будь голосование, высказался бы за смертную казнь. Никакого голосования, естественно, не будет, меру вины определит суд. Замечу только, что главная угроза расправиться с российским руководством, захватить Белый дом исходила от КГБ. К сожалению, Крючков, используя доверие Президента, получил в свое распоряжение целую воздушно-десантную дивизию. Это была грубейшая ошибка Горбачева. А Крючков между тем эту дивизию использовал. Все было по часам расписано: кого и куда интернировать, когда и что атаковать, по какой схеме вести штурм и так далее. Поэтому как военный преступник (а Крючков — генерал) он несет особую ответственность: располагал военной силой и пытался ее применить. А главным идеологом переворота был, несомненно, Анатолий Лукьянов.



— Победа над путчистами окрылила демократическую общественность. Да и многие москвичи пребывают как бы в состоянии революционной эйфории. Действительно, теперь открыт путь для серьезного прорыва, для радикального реформирования всех сфер жизни. Но не кажется ли вам, что за первым эшелоном, который поднял путч, есть и другие, не менее опасные?

— В общем, с такой постановкой вопроса трудно не согласиться. Опасность заключается в том, что за этими 7—8 заговорщиками стоят более многочисленные и разветвленные структуры. Сегодня они скованы страхом. А завтра?.. Так вот, пока у нас нет никаких гарантий, что мятеж не вспыхнет вновь, уже «снизу». А чтобы эти гарантии появились, требуется срочно принять целый комплекс законодательных, конституционных мер. Этим мы сейчас и намерены заняться. Российское руководство тоже кое-что не учло, не всегда было последовательно и категорично. Однако так или иначе предстоит довести до конца начатое. А именно: лишить центр его всемогущества, его практически абсолютной монополии на власть. Это наносит огромный ущерб республикам, особенно России. Путч был поднят в Москве не столько потому, что это столица СССР, но главным образом потому, что это столица одной из самых непокорных республик Союза.

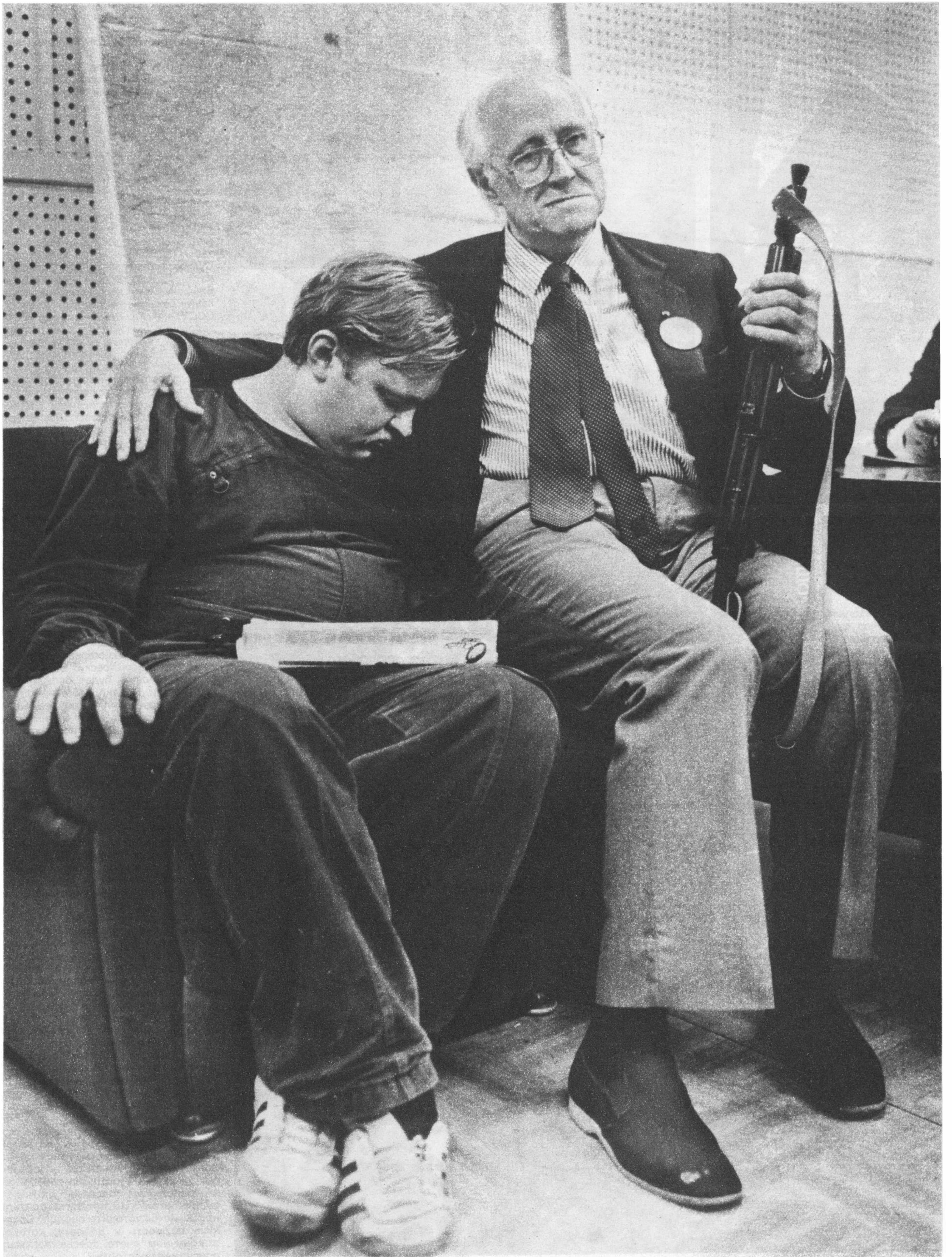
— То есть вы по-прежнему настаиваете на особой роли России в составе грядущего государства?

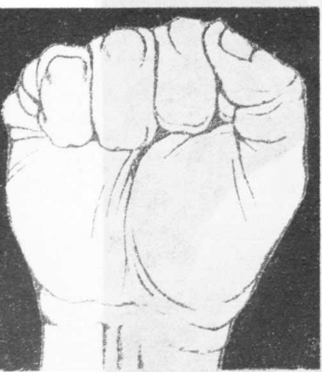
— Несомненно. И это нужно закрепить в Союзном договоре. Эту свою позицию я еще ни с кем не обсуждал. Но слишком много говорили и говорят, когда речь заходит о Союзном договоре, об «одинаковых стартовых условиях» для всех республик, о каких-то «имперских амбициях» руководства России. Ясно, что кое-кому хочется открывать ногой дверь к общему котлу, начать дележку национального богатства безо всякого вклада. Это во-первых. Во-вторых, Президент настаивает на создании коалиционного правитель-

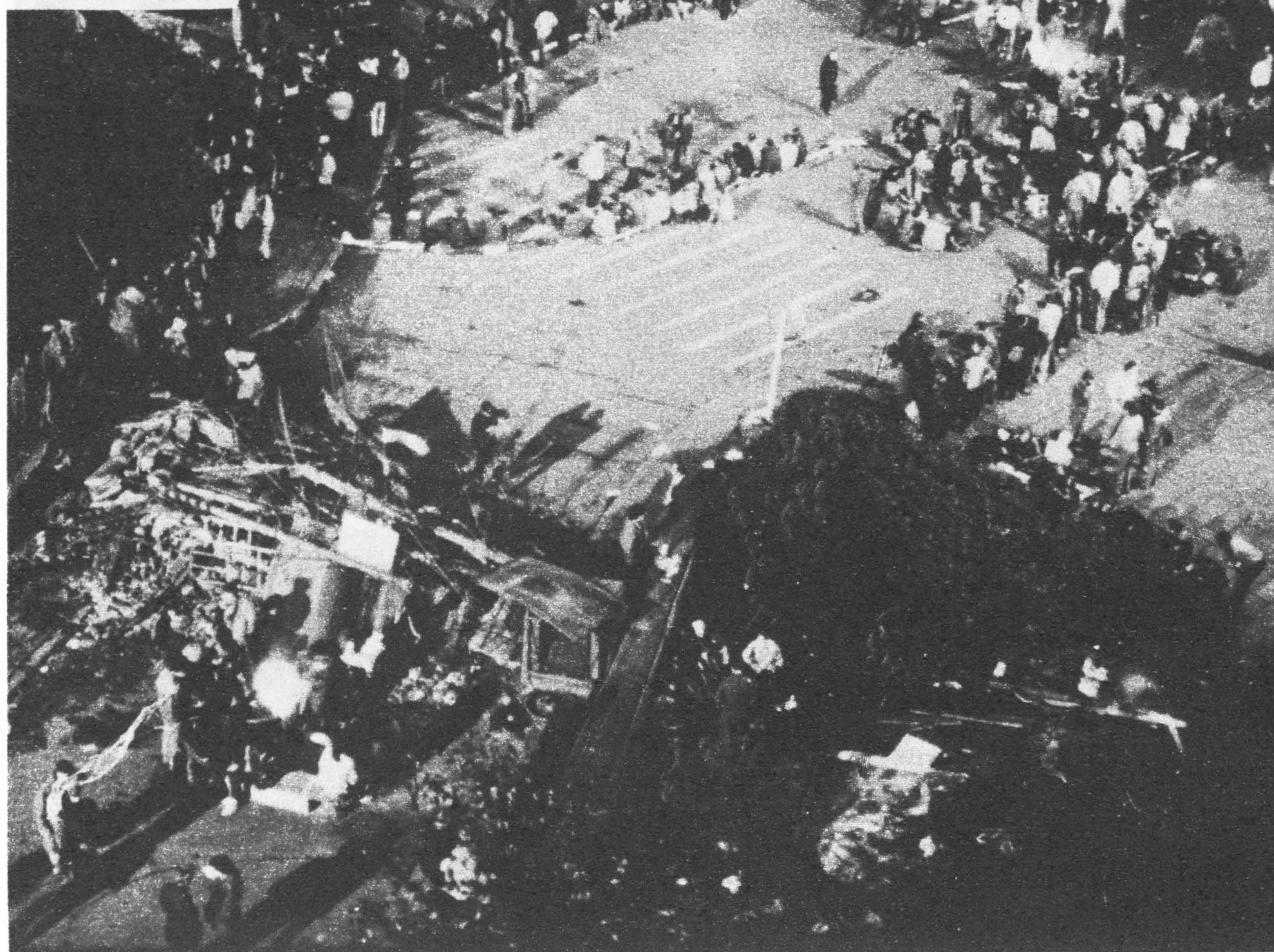
ства. Я лично исключаю возможность келейно сформировать кабинет и проштамповать его затем на Верховном Совете. Не то время! Правительство, возможно, должно стать коалиционным, но нести в себе интересы республик. Что же до России, то, думаю, она может претендовать на определенные посты и даже на законодательное закрепление этих постов за республикой. После подавления путча у нас есть на это моральное право.

— И тогда, возможно, России перестанут наконец мешать проводить в жизнь ее законы?

— Я не обольщаюсь и на этот счет. Не стоило бы думать: вот, дескать, расправились с заговорщиками, и теперь







все пойдет как по маслу. Давайте лучше вернемся к вопросу, который вы задали: верхушка обезглавлена, но на местах остаются многочисленные прежние структуры, которые тормозят земельную и другие наши реформы. Иногда открыто, иногда тайно. Административно-командная система глубоко засела не только в бюрократах, но даже и в порядочных людях. Они не скоро освободятся от этого.

— Но теперь-то, когда партаппарат фактически отстраняется от власти, разве не расчищается поле для того, чтобы посеять в него наконец новые семена?

— Безусловно, дышать становится легче. Вот только поскорее бы нам всем превратиться из страны «коммунистов и демократов» в страну нормальных, законопослушных и терпимых людей. Судьба партаппарата предопределена на территории России Указом Бориса Ельцина (а в тот день, когда я записываю нашу беседу, и Указом Президента СССР.— **А. Г.**). Ельцин, между прочим, заложил в Указ и заботу о тех партаппаратчиках, которые освобождаются от работы. Я сам коммунист и не желал бы репрессий против рядовых членов КПСС. И потомки нас вряд ли оправдают за использование тех методов, которыми пользовались опричники Дзержинского, Берии, Крючкова... Другое дело, что мы только начинаем движение по свободному от марксистско-ленинских догм пути. А на нем можно ожидать всякого. Но не стоило бы при этом отказывать бывшим коммунистам в человеческих правах, в преодолении стереотипов сознания. Демократическое общество обязано предоставить шанс каждому в соответствии с конституцией.

— Как вы думаете, не повлияют ли взаимоотношения между Горбачевым и Ельциным на политический процесс после подавления путча? Ведь им обоим, в особенности Борису Николаевичу, можно вспомнить немало личных обид...

— Мне кажется, что их отношения стали улучшаться еще после 23 апреля, после начала ново-огаревского процесса. А после августовских событий Горбачев, по-моему, будет больше помогать России. Михаил Сергеевич многое понял и переоценил. К тому же бывают ситуации, которые выше личных отношений. Сейчас на карту поставлено будущее страны. Время конфронтации, перетягивания канатов уходит. Наступает время решительных совместных действий. А общее дело сближает.

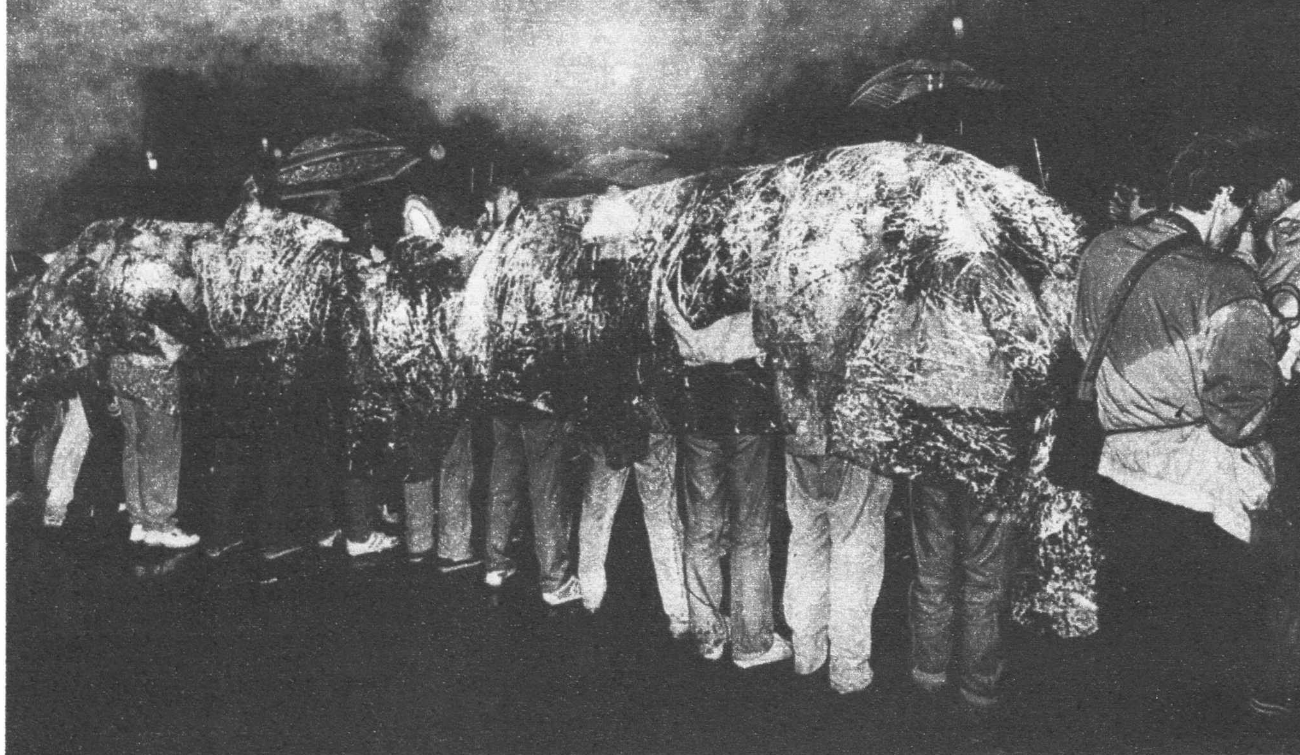
* * *

...Простившись с Иваном Степановичем, я вышел из здания и невольно оглянулся на трехцветный российский флаг. Снова вспомнилась та дождливая ночь в ожидании штурма, толпы безоружных москвичей под зонтиками, слушающих радио...

Многие уроки истории преподало время Отчизне нашей. И вот завершился еще один виток вечной спирали, мучительного пути — от октябрьского большевистского переворота 1917-го к августовской демократической революции. В одно поистине прекрасное утро люди, которые всегда для отцов со Старой площади были не более чем серой «массой», коммунистическими рабами, которым время от времени дубинками, танками, автоматами указывали место, эти люди на глазах стали превращаться в гордую нацию, которая уже никогда не захочет и не сможет жить по-старому.

А испытания еще впереди. Труднейшее из них и почти неизведанное — умение распорядиться свободой. Не захлебнуться бы в восторге нахлынувших чувств. Не забыть бы, что революции способны «пожирать своих детей». Не потерять бдительность. Не ожесточить сердца. Сохранить мудрость и доброту, которые в конечном счете всегда помогали россиянам выстоять.

«ЭХО» С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

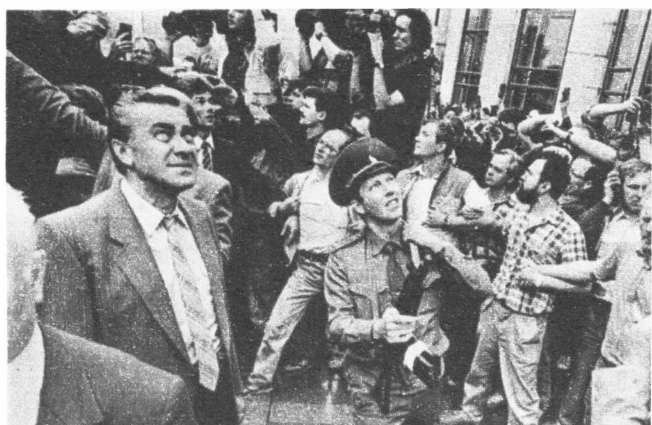


ХРОНИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Ранним утром 19 августа Сергей Корзун, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы», готовился к выходу в эфир. О том, что власть в Кремле переменилась, он узнал по дороге на работу. Первым делом Сергей стал обзванивать всех, кто смог бы дать комментарий. К восьми утра должны были подойти депутаты, и до их прихода, во время первого блока новостей, журналист зачитывал только текст заявления ГКЧП. В семь часов сорок минут, во время музыкальной паузы, в студии наконец появились первые посетители. Лицо одного из них показалось знакомым, и Сергей подумал, что это депутаты.

Он встал от микрофона и пожал гостям руки. Один из них ласково и несколько смущенно представился: мол, сотрудник КГБ. Пришедший стал нежно, шепотом уговаривать Сергея закрыть станцию. При этом предлагалось сохранить достоинство и сообщить слушателям о технических неполадках.

Сергей Корзун: *Я спросил, на каком основании нас собираются закрыть. В ответ услышал, что по Закону о чрезвычайном положении. Заявление лежало передо мной, только что читал его в эфир. Там сообщалось, что вводится ЧП в некоторых районах СССР, но ни один упомянут не был. Сопротивляться с автоматом я не буду прежде всего потому, что автомата нет, да и случай, похоже, не тот. Но если вы пришли закрывать станцию, предъявите постановление и тогда уж закрывайте силой. Сам я ее выводить из эфира не буду.*



Вещание продолжалось... Первым из ожидаемых депутатов появился Юрий Щекочихин. Его уже успели предупредить, что в студии гости с Лубянки. Чекист посоветовал воздержаться от комментариев текста заявления. Сергей ответил, что воздержаться никак не может.

Сергей Корзун: *Было очень жалко, что микрофоны старые и шепот сотрудника госбезопасности никак не получалось передать прямо в эфир. Комитетчик все время стоял рядом и уговаривал. Было ощущение, что если я сейчас посажу перед микрофоном Щекочихина, он препятствовать не станет. Но я не успел. Прибежал кто-то из техников и сказал, что в эфире нас нет. Видно, уговаривали не только меня.*

Сотрудник органов постоял еще немного, предупредил, что нас придут опечатывать. Прощаясь, сказал, что по долгу службы слушает нашу станцию и относится к нам очень хорошо. Ему дано задание остановить передачи, но он не осведомлен о том, что происходит. И, знаете, я ему поверил.

Ребята стали готовиться к тому, что чекисты вернутся. Все ценное стали переносить в безопасное место, чтобы в случае чего сохранить станцию.

Сергей Корзун: *Мы стали выяснять, почему нас нет в эфире. Передатчик работал, но связь со студией была разорвана. В нашем здании произошла раскоммутация. Технический центр находится за дверями с секретными задвижками и подчиняется Министерству связи. Оказалось, что человек, сопровождавший сотрудника КГБ,— главный инженер технической службы. Поэтому и показалось знакомым его лицо. Мы выяснили, что у исполнителей, осуществлявших раскоммутацию, не было никаких письменных указаний. Они ссылались на технические неполадки...*

Молчание «Эха» обеспокоило многих. В студию шли люди. Депутаты российского парламента и Моссовета бро-

сились спасать станцию. А «Эхо» ни на минуту не прекращало работу — уже в режиме информационного агентства.

«Свобода» и Би-би-си предоставили «Эху Москвы» свои каналы. По информационным агентствам журналисты «Эха» разослали сообщение о закрытии станции. На запрос Корзуна власти ответили, что передатчик — собственность Ассоциации «Радио» (одного из учредителей «Эха») — решением министра связи Союза передан в собственность государства, и еще принято решение раскоммутировать все радиостанции, чьи студии находятся на территории Гостелерадио. На деле это коснулось двух студий: Стаса Намина и «Эха Москвы». Остальным просто запретили выход в прямой эфир.

Все переговоры с Министерством связи вел молодой депутат Моссовета Алеша Федоров. Однако те, от кого зависело включение, морочили голову, отсылали то к одному, то к другому начальнику. Наконец вечером 19 августа передатчик включили, но коммутационный центр отказался до утра давать эфир, опять ссылаясь на технические трудности. К утру и передатчик отключили...

К тому времени у «Эха» появился высокопоставленный покровитель — заместитель министра связи СССР А. А. Иванов. Общими усилиями в 13.40 20 августа удалось возобновить вещание. Вечером «Время» сообщило о «подстрекательских действиях» радиостанции «Эхо Москвы», передаче в эфир «провокационных слухов» и официально объявило о закрытии

станции «как не способствующей стабилизации обстановки». В 22 часа 50 минут «Эхо» отключили в очередной раз.

Сергей Корзун: *Вещание удалось возобновить в 00 часов 31 минуту. Я вышел в эфир и сказал, что мы попробуем в прямом эфире проследить, как нас будут закрывать. Но прием был применен отработанный — отключили передатчик. Чекисты вновь взялись за связистов. Это произошло в 01.19. Нас выгнали из эфира на полуслове...*

По распоряжению Ельцина усилиями министра связи России и многих других людей вещание возобновилось в 3 часа 37 минут. Вещали из крошечной монтажки, там мог находиться только один человек с микрофоном в руках. Это была прямая конфронтация с руководством путчистов. Утром 21 августа в 10.18 десантное подразделение с подполковником Захаровым во главе ворвалось в здание, где был установлен передатчик. Вещание прекратилось.

Сергей Корзун: *В то время, когда вещание «Эха» было остановлено, на близком диапазоне работал передатчик, имитировавший форму нашей трансляции, при этом в эфир давалась дезинформация. Нас хотели выдать за голос путчистов.*

Возобновить передачи удалось только в 15.40, и до 22 августа «Эхо» работало круглосуточно. Был только один — технический — перерыв. Не выдержала техника. Люди работали трое суток беспрерывно...

Ася КОЛОДИЖНЕР

СПАС НА КРОВИ

За день до того ликующий вал катился от баррикад к Манежу. В бельмастые, занавешенные окна жуткого дома на Калининском мы тогда скандировали: «По-зор! По-зор!» Но даже гнев праздничной толпы был ликующим.

Теперь мы шли той же дорогой, но в обратную сторону — от Манежа к Белому дому и дальше, к Ваганьковскому... Шли на этот раз молча, и так же молчал, как вымер, «бундесвер» на Калининском. И окна его были по-прежнему пусты — единственный безлюдный фасад на всем проспекте, на всем пути процессии.

Сегодня очередное — последнее? — преступление военных бонз следом за матерями пришла оплакать Москва — огромная, вобравшая страну.

С одной стороны стоял страшный бомж в черной робе и пыльных штиблетах, с другой — девушка в голубом, с косой. За бомжа держался юродивый паренек, почти слепой, дальше в цепи — «афганцы», старушка, бородатый парень с портфелем и свечкой, мужчина с зонтом, женщины, девочка, корреспондент «Московского комсомольца», длинноволосые, крепкие, сутулые, тщедушные, старые, юные, всякие. Почти все — оттуда, с площади Свободной России. Траурная цепь опоясывала траурную процессию. Люди страны провожали три гроба — тех, кто дороже всех заплатил за Свободу.

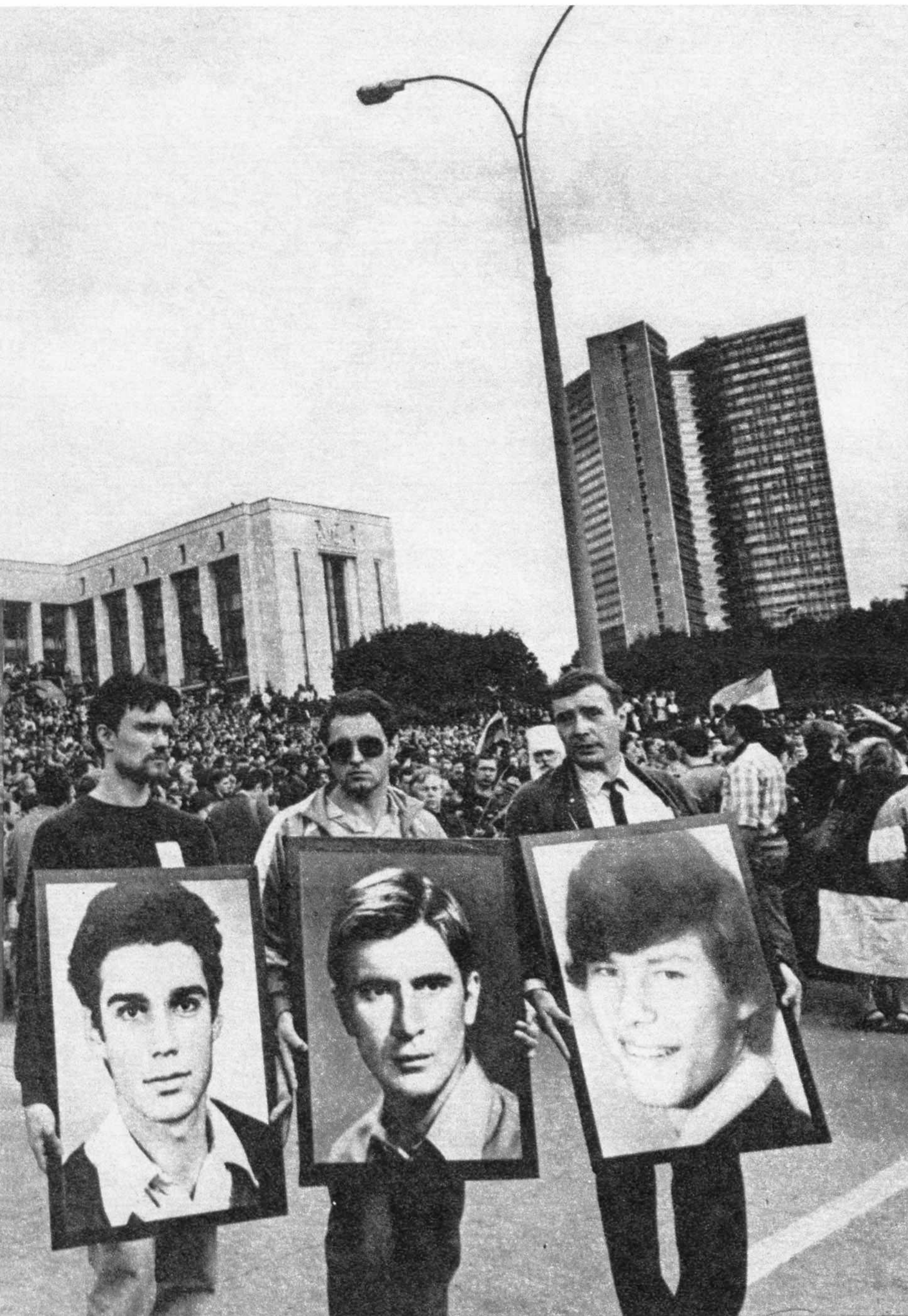
Через оцепление рвался француз, увешанный объективами.

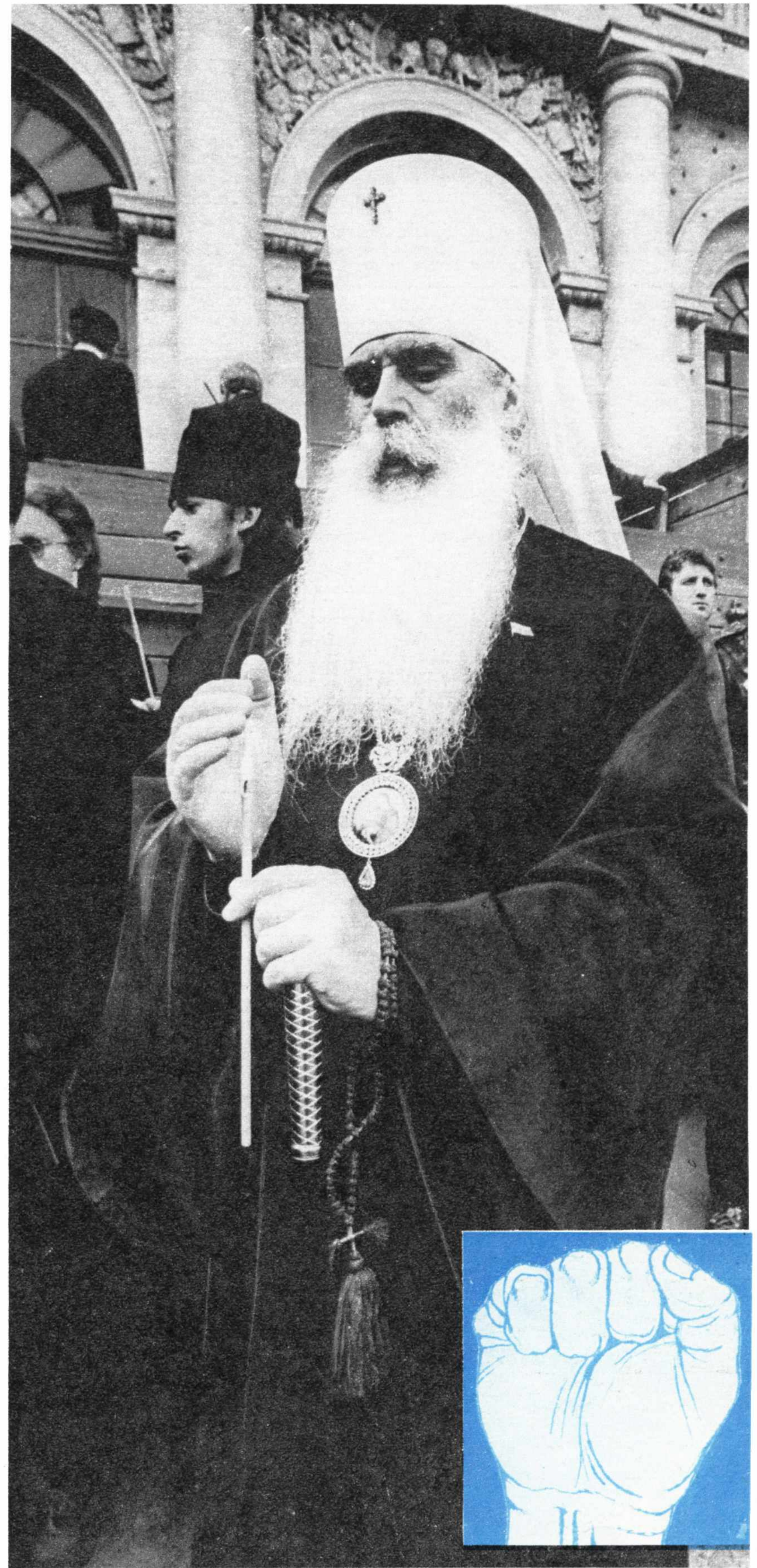
— Документы надо у него проверить! — волновалась бдительная гражданка.— Неизвестно, что за человек!

Дежурный афганец помог репортеру пробраться внутрь колонны и тихо, с интеллигентным укором унял гражданку:

— Пойми, мать, это ведь история...

Истекала неделя, в течение которой делалась история. Делалась теми, кто стоял сейчас, 24 августа, около трех часов дня сплошной толпой по обочинам Калининского проспекта, кто шел в двойной цепи, кто медленным шагом двигался за машинами, за афганцами, родственниками,





друзьями, депутатами; история, которая делалась и была сделана теми, кто лежал теперь на этих вот грузовиках, укрытые флагами и цветами, залитые поздним летним солнцем. Когда они погибали, была ночь, и был дождь, он быстро смыл кровь. Сейчас на перекрестке, над туннелем, где она пролилась, сложены цветы, с выхлопами мешается сладкий кадильный дым и обнадеживают слова: «Господи, помилуй!»

А они трое, залитые флагами, проплывают над миллионом прекрасных лиц, чтобы мы больше не боялись незнакомого человека, чтобы обрели не только надежду, но и веру. И навсегда утратили страх.

Их кровь сделала свое дело — она остановила танки. Но даже если эта кровь последняя, наша свобода навсегда сохранит ее привкус.

Я пришла сюда, потому что их кровь пролилась за меня. И за мою дочку. И за моих родителей. И за тех моих друзей, кто уехал из моей России, не дождавшись свободы, за тех, кто потерял и надежду, и веру. За всех тех, кто не смог или не захотел быть в те две ночи вместе с самыми светлыми людьми Москвы и страны. За всех тех, кто был там и выстоял. Я пришла взяться за руки и продолжить наш путь в цепочке. Так восстанет наш Спас на их Крови.

— Кого хороните-то, сынки? — озиралась в толпе на Ваганьковском чужая, кладбищенская бабушка.

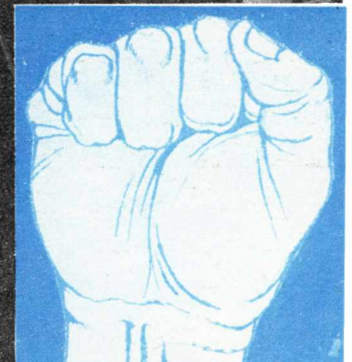
— Ребят хороним наших,— отвечали ей.

— Ну, спаси их Господь... Помилуй, Господи.

Господи, помилуй вас, безгрешных, Илья, Дмитрий, Владимир, свободные люди.

Господи, помилуй грешных нас. Спаси и сохрани.

А. Б.



НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО:

— редактирование без ручки,
— набор без линотипа,
— верстка без бумаги.

РЕЗУЛЬТАТ:

— высокое качество,
— профессиональная печать,
— фантастически короткие сроки.

Вы хотите работать так? Тогда воспользуйтесь услугами НПО «Альтернатива»:

TEL (095) 375-87-51.
FAX (095) 370-30-20.

НПО АЛЬТЕРНАТИВА

— поставка настольных издательских комплексов лучших зарубежных фирм,
— сдача «под ключ»,
— обучение работать на них быстро и качественно,
— поставка и изготовление шрифтовых картриджей с любым алфавитом по вашему желанию,
— гарантийное обслуживание.

НПО «Альтернатива» также поставит любую оргтехнику и периферию. Оплата в рублях по вполне доступным ценам.

Адрес: 111402, Москва, ул. Кетчерская, д. 12.

1 руб. Индекс 70663

ЭСКАРТ